

Copyrighted Material

NEW YORK TIMES
BESTSELLING
AUTHOR

LINDA HOWARD SHADOW WOMAN

'Suspense that'll keep you on the edge of your seat'

Bella
Copyrighted Material

Проснувшись однажды утром, Лизетт Генри делает страшное открытие: она не узнает лицо, которое видит в зеркале. Конечно, она помнит, как выглядит, но собственное отражение ей совершенно незнакомо. К тому же Лизетт с ужасом осознает, что два года словно вычеркнуты из ее жизни. Кто-то приложил гигантские и необъяснимые усилия, чтобы эти недостающие годы навечно канули в Лету. Но прошлое всегда найдет способ вернуться. Вскоре начинают всплывать странные обрывочные воспоминания, а вместе с ними проявляются необычные навыки и способности, о происхождении которых Лизетт не имеет ни малейшего понятия. Вдобавок ко всему, неожиданно появляется таинственный и соблазнительный незнакомец по имени Ксавье, утверждающий, будто хочет помочь... однако он почему-то ассоциируется у Лизетт с тревожными картинками отвратительных преступлений, в которых она, возможно, принимала участие... а возможно, и нет. Постепенно выясняется, что Лизетт столкнулась с коварным и чреватым серьезными последствиями заговором, разоблачение которого может заставить их с Ксавье замолчать навсегда.

Линда Ховард

Незнакомка в зеркале

Сан-Франциско, четыре года назад

В одиннадцать вечера президент и первая леди, Илай и Натали Торндайк, удалились в свой гостиничный номер. День для них выдался нелегким: сначала перелет через всю страну, потом произнесение зажигательных предвыборных речей — хотя формально и не предвыборных, но по сути все же именно таких. Кульминацией стал грандиозный благотворительный ужин с входными билетами по десять тысяч долларов с персоны. Первая леди постоянно находилась рядом, так что не только провела с президентом все это время, но еще и преодолела весь маршрут на трехдюймовых шпильках.

Лорел Роуз, ветеран с одиннадцатилетним стажем, приставленная к первой леди, так устала, что с трудом держала глаза открытыми, но наконец ее смена закончилась. Роуз не носила высоких каблуков, но ноги все равно буквально убивали. Изо всех сил старалась не хромать, Лорел скованно ковыляла по коридору к своему номеру, расположенному на том же этаже, что и президентский люкс, чтобы в случае необходимости быть под рукой. Дежурные агенты обитали в двух номерах — один прямо напротив главных апартаментов, другой соединен с ними смежной дверью, которая в настоящий момент была заперта со стороны люкса. Ночная смена — не сахар, но по крайней мере теперь, когда первая пара страны удалилась в свои покои, охране можно немного передохнуть.

Этажи над и под президентскими покоями тоже были целиком заняты спецagентами. Всех постояльцев переселили в другие номера, лестницы и лифты взяли под охрану, персонал отеля просеяли через сито, здания напротив тоже взяли под наблюдение. В общем, предусмотрели всевозможные риски, наглядно демонстрируя, что Секретная служба на чеку, хотя большинство граждан не в состоянии по достоинству оценить масштабный комплекс мер по предотвращению всяческих угроз. Первая пара в безопасности, насколько это в силах спецagентов.

Разумеется, нельзя утверждать, что предусмотрено всё на свете, тем не менее сделано все возможное, чтобы не произошло ничего плохого из наиболее вероятного. Лорен постоянно ощущала где-то глубоко внутри неприятное чувство, напоминающее, что в любой момент может случиться все что угодно, заставляющее неизменно быть настороже.

— Хромаешь, — заметил коллега, агент Тирон Эберт, шагая рядом в свою комнату.

«Ишь, какой наблюдательный», — неприязненно подумала Лорен, но не потрудилась отрицать очевидное, потому что Эберт смотрел на нее сверху вниз одним из характерных «вижу-тебя-насквозь-как-стеклянную» взглядов. В этом парне было что-то жуткое, темные непроницаемые глаза не упускали ничего, но Лорен доверяла своей бритвенно-острой интуиции. До сих пор коллега не проявлял никаких признаков истощения физических и духовных сил, чему она искренне завидовала, потому что сама висела на волоске.

— Да, это был долгий день.

Ничего нового. Все дни были одинаковыми. По глубокому убеждению Лорен, с тех пор как службу перевели из Казначейства в Министерство внутренней безопасности США, дела по большей части шли хреново. Не то чтобы раньше все складывалось образцово — боссы Секретной службы и прежде вытворяли всякие благоглупости, другими словами, руководили из рук вон плохо. Но теперь долгие многочасовые дежурства стали еще дольше, моральные принципы утоплены в сортире, снаряжение агентов сделалось совсем дерьмовым, да еще и

личная головная боль навалилась — мать Лорел, проживающая в Индианаполисе, стремительно старела и уже с трудом обходилась без посторонней помощи. Лорел подала прошение на перевод куда-нибудь поближе к Индианаполису, но без особых надежд, несмотря на имеющуюся там вакансию. Скорее всего, ничего не получится — без влиятельных знакомых, способных нажать на тайные пружины, вряд ли удастся добиться желаемого.

Лорел не нуждалась в покровителях. Она ненавидела закулисные игры и всегда их сторонилась, поэтому совершенно четко понимала — карьера близится к концу. Еще одна большая проблема Секретной службы — начальники не умели удерживать ценных специалистов из-за своей идиотской политики. И, черт побери, Лорел знала, что она хороший агент, несмотря на недостаточное финансирование, нехватку кадров, устаревшее вооружение и долгие смены. Просто терпение лопнуло. Ну, или почти лопнуло. Но пока не хватало решимости поставить окончательную точку.

Ведь во многом это классная работа. Реально крутая, пусть и не слишком прибыльная. Лорен очень нравилось, чем приходилось заниматься, и нравилась развившаяся способность до такой степени игнорировать свои эмоции, что не имело значения, кто именно сидит в Овальном кабинете. Задание — вот единственное, что имело значение. Она не обязана нравиться первой леди, ее обязанность — защищать подопечную. Служба стала бы легче, будь Торндайки более адекватными, но в целом эта пара не отличалась запредельными капризами, как некоторые предыдущие первые семьи, если верить сплетням. Натали Торндайк не была ни грубиянкой, ни алкоголичкой, ни злобной стервой. Всего лишь не считала охраняющих ее агентов за людей, вела себя надменно, хладнокровно и отчужденно. Иногда Лорен желала, чтобы миссис Торндайк выкинула какой-нибудь фортель, что по крайней мере внесло бы некоторое разнообразие в скучную должностную рутину.

Президент по большей части демонстрировал такое же хладнокровие и отчужденность и не интересовался ничем, кроме политики. На камеру или на публике излучал тепло и обаяние, но это было превосходное актерство. В приватной обстановке проявлял себя расчетливым интриганом — впрочем, похоже, что миссис Торндайк это не волновало. Иногда супруги выказывали натянутые отношения; агенты всегда это замечали, потому что обычная холодность превращалась в абсолютный лед, но кроме охлаждения не наблюдалось никаких внешних признаков разногласий: никаких выкриков, никаких словесных перестрелок, никакого хлопанья дверями. Однако чаще всего первая пара страны невозмутимо шагала рука об руку. Супружеское единение уже привело их в Белый дом, где они планировали задержаться еще на один срок. С безошибочным чутьем президента и могущественной семьей первой леди за спиной Торндайки на долгие годы станут неотъемлемой частью политической элиты страны и стяжают за время на вершине достаточно богатства и власти, чтобы хватило и после ухода президента с поста.

— Увидимся утром, — буркнул Тирон, когда агенты дошли до его комнаты.

— Спокойной ночи, — машинально пробормотала Лорен, немного удивленная его словами.

Тирон не проявлял склонности к светским беседам, да и вообще к разговорам. Если честно, Лорен почти ничего о нем не знала, кроме того, что он безупречно выполнял свои обязанности. Они работали рядом вот уже два года, с тех пор, как Лорен приставили к первой леди, и, если вдуматься, даже неизвестно, женат он или нет. Кольца Тирон не носил, но это ничего не значит. Никогда не упоминал, что женат или с кем-то встречается. С

другой стороны, он ни разу не подкатывал ни к Лорел, ни к любой другой женщине-агенту. Тирон был... одиночкой.

Лорен зашагала к своему пристанищу — номеру через две двери на противоположной стороне коридора — и вдруг ощутила, что размышления о Тироне вызвали непривычный легкий трепет в животе. Раньше она гнала от себя неуместное томление, ведь они на службе, но теперь, поняв, что долго здесь не продержится, словно подсознательно дала себе разрешение добиваться его внимания.

Тирон ей нравился. Не смазливый красавчик, однако сражал наповал — опасный, хищный, из тех, что пленных не берут. Такой никогда не сольется с толпой. Высокий и мускулистый, он двигался с непринужденной мощью, присущей только профессиональным спортсменам и обученным спецназовцам. Физически Тирон ее очень привлекал. Лорен нравилось находиться рядом с ним, хотя он не слишком разговорчив. И она ему доверяла. Доверяла абсолютно.

Роуз сунула ключ-карту в щель, повернула ручку, когда зажегся зеленый, и вошла в прохладу своей комнаты. Прикроватная лампа и свет в ванной включены, именно так она и оставила. Обычным порядком внимательно осмотрела помещение, потому что лучше перебдеть, чем недобдеть. Все нормально.

Морщась, скинула туфли, потом застонала от облегчения, покрутив каждой ступней, затем выгнулась, разминая связки. Подошвы все еще горели, ничего не поможет, разве что завалиться в постель и проспать без задних ног предстоящие нескольких часов, чем она и планировала заняться как можно скорее.

Сняла куртку и бросила на кровать, только начала снимать наплечную кобуру, как уловила слабое «бах-бах-бах». Агенту Роуз не было необходимости прислушиваться и гадать, что это за звуки. Адреналин моментально опалил вены. Не размышляя, Лорен прыгнула к двери и вылетела в коридор, прямо перед собой увидела Тирона с оружием в руках, на полной скорости мчащегося к президентскому люксу. Они были не единственными. Ночная смена выскочила из своих номеров, начальник охраны президента, Чарли Дэнкинс, уже пинал ногой двойную парадную дверь.

О Господи! Выстрелы прозвучали из апартаментов первой пары страны.

Двери и замки были крепкими, Чарли предпринял несколько попыток ворваться внутрь к тому времени, как примчались Лорел, Тирон и толпа других агентов. Тирон встал рядом с Чарли и скомандовал:

— Вперед!

Дверь не выдержала двойного натиска, и наконец створки с грохотом распахнулись внутрь.

Агенты с оружием наготове рассыпались по гостиной, выискивая источник опасности.

Пусто. Больше не раздавалось ничего ужасающего, но сердце так грохотало в ушах, что, возможно, заглушало любые звуки. Справа открыта дверь в спальню первой леди, но Лорел подавила порыв немедленно туда рвануть. Сейчас их приоритет — президент, а значит, командует Чарли.

Левая дверь в спальню президента была закрыта. Чарли быстро оценивал ситуацию: пока не установлено, где президент, можно предполагать все что угодно. Он махнул Лорел, Тирону и остальным охранникам первой леди, приказывая проверить ее половину люкса, пока он с остальными наведается в комнаты президента.

Беспроигрышная тактика. Детали освобождения первой леди отрабатывались

бесчисленное количество раз.

Лампы в спальне были выключены, но из открытой двери ванной комнаты потоком лился свет на блестящий мраморный пол и роскошный восточный ковер. Агенты бросились было обшаривать помещение, но остановились, когда заметили Натали Торндайк, неподвижно стоящую у противоположной стороны дивана в профиль к ним.

Лорел заняла позицию слева, когда они ворвались в комнату, командир группы, Адам Хейес, справа от нее, дальше Тирон.

— Мэм, вы... — рявкнул Адам.

И тут они увидели, что кто-то лежит на полу перед первой леди, кто-то с густыми темными волосами, изрядно посеребренными сединой... Президент.

Следующие события походили на молниеносные кадры, подобные вспышкам света.

Вспышка.

Миссис Торндайк повернулась, и тут они заметили оружие в ее руках.

Вспышка.

Лорен застыла на несколько секунд, увидела ужасающую пустоту во взгляде первой леди, затем проблеск огня в дуле пистолета, слышала негромкое «бах», потом нескончаемый пульсирующий грохот и крики, пока первая леди стреляла, стреляла и стреляла, дергая спусковой крючок.

Вспышка.

Огромная сила врезалась в Лорел, сбив ее с ног. Угасающий рассудок зафиксировал, что в нее стреляли, подсознание подсказало, что она умирает.

Вспышка.

Последний проблеск разума: Адам тоже на полу, растянулся рядом. Затуманивающееся зрение поймало выражение лица Тирона, застывшее и мрачное, когда он открыл огонь из своего пистолета.

Сделал то, что должен.

«Господь всемогущий», — воззвала Лорел.

Может, это была молитва, может, всплеск отчаяния. Больше выстрелов не последовало. Лорел легко вздохнула и тихо умерла.

Убийство президента Соединенных Штатов собственной женой и ее последующая смерть от руки агентов Секретной службы, вынужденных открыть ответный огонь, потому что она застрелила одного из охранников и ранила другого — слишком массивный удар по психике нации, который невозможно выдержать не пошатнувшись. Вся страна была в шоке, но государственный механизм автоматически продолжал функционировать. На другом конце Америки вице-президент Уильям Берри был приведен к присяге еще до того, как известие о гибели президента попало в средства массовой информации. Войска привели в состояние повышенной боеготовности на тот случай, если трагедия являлась началом глобальной атаки, но постепенно части головоломки соединили, и перед публикой предстала неприглядная картина.

Картина в буквальном смысле: в вещах первой леди нашлись фотографии, где президент занимается сексом с ее собственной сестрой. Уитни Портер Лейгтмэн, на четыре года младше первой леди, занимающая видное положение в Вашингтоне, сразу же скрылась в уединенном поместье. Ее муж, сенатор Дэвид Лейгтмэн, отказался от комментариев, отделавшись банальным: «Смерть президента — это трагедия для страны». Он не стал подавать на развод, но в Капитолии никто этого и не ожидал. Независимо от ситуации, его

благоверная по-прежнему оставалась урожденным членом влиятельной семьи Портеров, и сенатор не собирался перерезать горло своему политическому альтер-эго только потому, что президент трахал его жену.

Многие задавались вопросом, что заставило первую леди слететь с катушек, ведь интрижка президента не составляла большой тайны и Натали наверняка была в курсе, но в конце концов все пришли к выводу, что теперь этого никто не узнает наверняка.

Секретная служба с честью похоронила Лорел Роуз, ее имя увековечили в списке других агентов, погибших при исполнении служебных обязанностей. Адам Хейес после тяжелого ранения восстанавливался долгие месяцы, но потом был вынужден покинуть службу. Через полгода агент, застреливший первую леди, Тирон Эберт, тихо ушел в отставку.

Дело сдали в архив, колесики закрутились, бумажки зашуршали, компьютеры загудели.

То утро началось как обычно. Лизетт Генри — которую когда-то домашние и друзья детства звали Зета-Ракета — скатилась с кровати в привычное время, в 5:59 утра, за минуту до звонка будильника. В кухне автоматически заработала кофеварка. Зевая, Лизетт вошла в ванную, включила душ, чтобы нагрелась вода. Мочевой пузырь настойчиво напоминал о себе. К тому времени, как она закончила свои делишки, температура стала идеальной.

Лизетт нравилось начинать день с приятного расслабляющего душа. Под водой она не пела, не планировала свое расписание, не размышляла ни о политике, ни об экономике — вообще ни о чем не думала. Ласковые струи просто бодрили... или точнее, согревали.

В то июльское утро заведенный порядок катился так гладко и бесперебойно, что не требовалось смотреть на часы, дабы узнать, который час. Водные процедуры длились ровно столько, сколько потребовалось кофеварке для приготовления кофе, затем Лизетт обмотала влажные волосы одним полотенцем и вытерла тело другим.

Через открытую дверь сочился соблазнительный кофейный аромат. Зеркало в ванной затуманило паром, но к тому времени, когда она вернется сюда с первой за день чашкой бодрящего напитка, стекло прояснится. Закутавшись в махровый до колен халат, Лизетт босиком прошлепала на кухню и вытащила кружку из буфета. Ей нравился кофе сладкий и некрепкий, поэтому она засыпала сахар и добавила молоко, а затем налила горячий кофе. Словно первым делом с утра лакомишься десертом — по ее мнению, прекрасный способ начать любой день.

Принесла чашку в ванную комнату, чтобы между глотками высушить волосы и наложить легкий макияж, обычный для рабочего дня.

Поставив кружку на край раковины, размотала полотенце на голове и нагнулась вперед, энергично растирая темные каштановые волосы до плеч. Выпрямилась, отбросила пряди назад, повернулась к зеркалу и... уставилась в незнакомое лицо.

Влажное полотенце выскользнуло из внезапно онемевших пальцев и упало на пол.

Кто эта девушка?

Уж точно не она. Лизетт прекрасно помнила собственную внешность, но там не ее отражение. Она резко развернулась, лихорадочно ища незнакомку, отразившуюся в зеркале, готовая увернуться, готовая сбежать, готовая бороться за свою жизнь, но рядом никого не было. Она одна в ванной, одна во всем доме... одна-одинешенька.

Вдруг в голове зашептали голоса, едва уловимые, почти призрачные. Повернувшись к зеркалу, Лизетт постаралась подавить ужас и отчаяние и принялась изучать неведомую особу, словно та была врагом, а не... а не кем? Или чем? Полная бессмыслица. Дыхание стало учащенным и поверхностным, звуча словно издали и явно панически. Что, черт возьми, происходит? У нее нет амнезии. Лизетт знала, кто она такая и где находится, помнила свое детство, свою подругу Диану и прочих сослуживцев, помнила одежду, висящую в гардеробе и наряд, который запланировала надеть сегодня. Помнила, что съела на ужин накануне вечером. Помнила всё, кроме этого лица в зеркале.

Чужого лица.

Ее собственное, запечатленное в голове, более мягкое и округлое, может, даже более красивое, хотя физиономия в зеркале вполне себе симпатичная, разве что чуть угловатая. Глаза те же — синие, на том же расстоянии друг от друга, пожалуй, немного глубже

посаженные. Как такое возможно? Как глаза могли стать глубже посаженными?

Что еще похожего? Лизетт наклонилась ближе к зеркалу, изучая бледную веснушку на левой стороне подбородка. Да, веснушка на прежнем месте, в детстве была заметнее, теперь почти невидимая, но все же имеется.

Все остальное было... неправильным. Нос тоньше, да еще и с горбинкой, скулы рельефнее и выше, чем должны быть, нижняя челюсть более квадратная, подбородок — более четкий.

Лизетт настолько растерялась и испугалась, что стояла словно парализованная, неспособная ни на какие действия, даже если бы что-то путное пришло в голову. Продолжала разглядывать себя в зеркале, пока мысли лихорадочно метались в поисках хоть какого-то разумного объяснения.

Но безуспешно. Чем это можно объяснить? Предположим, она попала в аварию и перенесла кардинальную реконструкцию лица, тогда временная амнезия возможна, безусловно, но ведь потом она наверняка вспомнила бы и пребывание в больнице, и операции, и реабилитацию. Даже если ненадолго впадала в кому, потом кто-нибудь непременно всё бы ей рассказал. Но она не впадала в кому.

Никогда.

Лизетт прекрасно помнила свою жизнь. Не приключалось с ней никаких аварий, за исключением одной-единственной, в которой погибли родители, перевернувшей ее мир вверх дном — на тот день ей только-только исполнилось восемнадцать. Тогда Лизетт физически не пострадала, потому что ее не было в той машине, но ей пришлось бороться с последствиями — с сокрушительной печалью, с ощущением стремительного засасывания в черную воронку одиночества, куда канула прежняя беззаботная благополучная жизнь.

Точно такое же чувство нахлынуло и сейчас — ощущение непостижимой чудовищной катастрофы. Лизетт потерялась во всех смыслах сразу, непонятно, что делать, совершенно невозможно осознать немыслимую перемену.

Может, она сошла с ума. Может, ночью ее разбил инсульт. Точно. Инсульт. Чем и объясняются выкрутасы памяти. Чтобы проверить догадку, улыбнулась, в зеркале симметрично поднялись уголки рта. Потом подмигнула каждым глазом по очереди. Затем подняла руки вверх. Обе функционировали нормально, хотя, принимая душ и моя волосы, она наверняка заметила бы неладное, случись что с руками.

— Десять, двенадцать, один, сорок два, восемнадцать, — быстро прошептала Лизетт, выждала тридцать секунд, повторила снова. — Десять, двенадцать, один, сорок два, восемнадцать.

Удостоверилась, что способна перечислить те же числа и в той же последовательности, хотя... если она перенесла апоплексический удар, способна ли всё правильно оценить?

Мозг и тело, по всей видимости, на ходу, так что инсульт, скорее всего, можно исключить.

И что теперь? Надо кому-то позвонить. Кому? Диане. Конечно. Лучшая подружка наверняка поможет, вот только непонятно, как сформулировать вопрос. «Эй, Ди, когда я доберусь до работы, присмотришь и дай знать, не изменилось ли у меня лицо со вчерашнего дня, ладно?».

Дурацкая идея, но потребность хоть что-то выяснить была непреодолимой. Лизетт направилась к телефону, и тут внезапная паника заморозила на полпути. Нет. Нельзя. Звонить нельзя. Они засекут.

Они? Кто «они»?

Едва Лизетт задалась этим вопросом, как неожиданно вся взмокла, живот скрутило. Рванула обратно в ванную, с трудом сдерживая приступ тошноты. Выпитый глоток кофе подкатил к горлу, она обхватила себя руками, тело била крупная непрекращающаяся дрожь. Острая боль ножом резала глаза, настолько сильная, что слезы потоком потекли по щекам, застилая зрение.

Когда судорожная рвота прекратилась, Лизетт бессильно осела на холодный пол и потянулась за рулоном туалетной бумаги, чтобы вытереть слезы и высморкаться. Ужасная боль в черепе затихла, словно разжались внутренние тиски. Задыхаясь, закрыла глаза и откинула голову назад, пока не уперлась в стену. Она так устала, словно пробежала тридцать миль. Тридцать миль? Откуда ей знать, как чувствует себя человек, пробежавший тридцать миль? Она никогда не увлекалась бегом. Никогда. Иногда прогуливалась, в детстве ездила верхом, но уж точно не была фанаткой фитнеса.

Глаза снова закололо, живот опять скрутило. Лизетт всосала воздух через рот, стараясь избежать нового приступа тошноты. Сильно сжала переносицу, надеясь облегчить страдания. Может, сработал нажим на точки акупунктуры, но состояние немного улучшилось.

Однако тошнота и головная боль отчасти даже утешали. Наверное, она просто заболела. Подхватила какой-то странный вирус, вызывающий галлюцинации. Вот и объяснение увиденного в зеркале — обычная галлюцинация.

Не считая того, что ни капельки не чувствует себя больной. И это опять-таки странно — выжата как лимон, невыносимо болят мышцы живота, голова раскалывается, и все же вполне здорова. Теперь, когда рвота прекратилась, Лизетт чувствовала себя отлично.

Хотя и злилась. Совершенно выбилась из графика, на данный момент волосы должны быть уложены, макияж нанесен. Лизетт ненавидела нарушать установленный распорядок, ведь она всегда настолько организованная, что швейцарские часы по сравнению с ней выглядят образцом легкомыслия...

Минуточку. Организованная? Она? С каких это пор? Полная ерунда, похоже, речь идет о ком-то другом.

Внезапно снова подступила рвота, Лизетт встала на колени и склонилась над унитазом, живот крутило, легкие горели, слюна капала из открытого рта. На этот раз резь в глазах буквально ослепила. Пришлось ухватиться за край раковины, чтобы не рухнуть без сознания на пол или головой в унитаз. Но даже в таком кошмарном состоянии где-то в глубине души щекотало нелепое неуместное веселье над дурацкими домыслами о собственной организованности.

Спазмы постепенно стихли, Лизетт совершенно обессилела, но по крайней мере сидела на полу. Привалившись к туалетному столику, откинула голову и закрыла глаза, мысленно фиксируя, что боль отступает, как морской отлив.

Очевидно, это все же вирус. Так же очевидно, что в таком состоянии не следует идти на работу. Лизетт не собиралась демонстрировать этот спектакль с корчами — или, еще хуже, со рвотой — в публичном месте, тем более перед посторонними людьми. Опомнившись, очевидцы ее конвульсий, вполне вероятно, с факелами и вилами погонят ее прочь.

Сумасшествие какое-то. Лизетт отбросила дурацкие мысли о туалете — смешно тонуть в унитазе — или о толпе преследователей с факелами и вилами и принялась размышлять о работе, своих друзьях, уборке дома и стирке. О нормальных вещах.

Глаза снова защипало, но не так резко, не так ослепляюще. Лизетт замерла в ожидании зверской атаки внутреннего врага. Живот сжался, но потом расслабился, и боль исчезла. Нужно позвонить и сообщить, что заболела — впервые с тех пор, как начала работать в «Беккер инвестментс». Начальник отдела, Марджо Уинчелл, выдал всем подчиненным корпоративный сотовый для служебных надобностей, но будучи предусмотрительной особой, Лизетт внесла номер Марджо и в собственный мобильник. Они засекут.

Устрашающие слова эхом отдались в голове, Лизетт напряглась, но на этот раз не последовало ни парализующей боли, ни изнурительной тошноты. Почему?

Потому что думала о самых обычных вещах.

Да. Ответ правильный. Пусть она смахивает на идиотку и параноика, но ответ правильный.

Хорошо. Будет лучше, если люди не поймут, что у нее поехала крыша, надо вести себя как обычно... да, она захворала, но в остальном вполне нормальна.

Лизетт взяла сотовый со стола и включила. Она всегда выключала аппарат на ночь, потому что... Почему, кстати? Нет ответа, просто выключала и всё.

Когда телефон загрузился, она прокрутила список контактов, пока не нашла «Марджо», выбрала его номер и нажала зеленый значок вызова. Почти сразу услышала гудок и внезапно вспомнила: если после первых двух гудков отключиться, вызываемый абонент сразу поймет — что-то не так, раз соединение неожиданно прервалось. Лизетт пыталась сообразить, где и когда набралась этих знаний, но увы... Может, это ни для кого не тайна, технологии мобильных коммуникаций развиваются так быстро...

Щелчок, и «Марджо слушает» прозвучало в ухе. Лизетт была настолько погружена в размышления о новых веяниях в сотовой связи, что откликнулась только со второго раза, лихорадочно пытаясь вспомнить, зачем звонит начальнику. Заболела. Да.

— Марджо, это Лизетт.

И только заговорив, осознала, как часто до сих пор дышит и как хрипло звучит голос, потому что горло сорвано рвотными позывами.

— Мне очень жаль, но сегодня я не в состоянии выйти на работу. Наверное, подцепила инфекцию. Поверьте, вас не порадует, если от меня заразятся остальные сотрудники.

— Тошнит? — сочувственно спросил Марджо.

— Да. И голова раскалывается.

— Кругом свирепствует желудочный вирус. Мои дети слегли на прошлой неделе. Болезнь длится примерно сутки, так что завтра тебе полегчает.

— Ненавижу болеть, даже совсем недолго.

Хотя по-прежнему не представляла, где умудрилась подхватить инфекцию.

— Ты не виновата. Это твой первый больничный за все три года, так что не переживай.

— Спасибо, — успела произнести Лизетт.

Где-то глубоко в подсознании зазвонил колокол тревоги, потом шевельнулось что-то еще... Живот скрутило.

— Извините, мне плохо...

Спотыкаясь и задыхаясь, помчалась в туалет. Зависла над унитазом, ужасные удушливые спазмы стискивали горло, но наружу ничего не вырвалось. К тому моменту, как она сумела отдышаться, каждый мускул в теле дрожал. Выпрямившись, Лизетт на мгновение застыла, затем пустила в раковину холодную воду. Наклонившись, плеснула водой на разгоряченное лицо, потом еще и еще, пока не успокоилась и не смогла дышать, не обдирая словно

расположенного ножом горла.

Лучше. Уже лучше. Но она не решилась взглянуть на незнакомку в зеркале, вместо этого закрыла глаза и просто постояла не шевелясь. Наконец схватила полотенце, промокнула глаза, потом сильно ударила им по лицу и шее.

Сердце все еще колотилось как бешеное. Что, черт возьми, вызвало последний приступ? Какие-то слова Марджо? Ничего не приходило в голову, но Лизетт отчетливо помнила нахлынувшее чувство тревоги, словно Марджо ступил на минное поле. Лизетт мысленно воспроизвела разговор, пытаясь найти что-то необычное, пусть даже мелочь. Дети Марджо подхватили желудочный вирус, болезнь длится около двадцати четырех часов, бла-бла-бла. В буквальном смысле пустая болтовня... за исключением комментария о том, как давно она брала больничный.

Боль пронзила череп, как предупредительный выстрел. Лизетт ухватила за край раковины и напряглась в ожидании очередной атаки изнутри, стараясь сохранить ясность ума и перетерпеть мучение. Ладно.

Что-то сверлило мозги, что-то крутилось в голове, но память забуксовала в шаге от...

Нет. Бесполезно. Ничего путного. Так когда она в последний раз брала больничный?

Странно, но ответ известен — ни разу за все пять лет, что работала в «Беккер инвестментс». Так почему же Марджо сказал, что она прихворнула впервые за три года? Когда именно ей нездоровилось в предыдущий раз? Разумеется, она бы запомнила, как отлеживалась, потому что почти никогда не болела. Несколько случаев действительно застряли в памяти, например, когда ей было двенадцать, в летнем лагере она по-крупному облажалась в игре, в результате со всего маху приземлилась на задницу. Но с тех пор она ни разу не страдала даже обычным насморком, который каждую зиму изводил сослуживцев.

Так когда же, кроме сегодняшнего случая, она из-за плохого самочувствия не вышла на работу?

Когда она начала работать у Беккера?

На этот раз голова взорвалась и тошнота вывернула наизнанку. Лизетт скорчилась над унитазом, трясаясь и задыхаясь, и все же сумела бросить мобильный на пол и расколотить его на кусочки.

Это просто безумие. И все же порыв сломать сотовый был настолько сильным, что она уничтожила телефон без колебаний и вопросов.

Придя в себя на этот раз, Лизетт сначала высморкалась, затем плеснула в лицо ледяной водой, отчаянно ища логическое объяснение.

Безуспешно. Пусть она забыла, когда была настолько больна, что не вышла на работу, но не это скручивало внутренности от страха. Казалось, какая-то незнакомка отчаянно стремилась захватить контроль над ее телом, и иногда эта чужачка побеждала.

Что бы ни происходило, будь то временное психическое расстройство или по-настоящему катастрофическое изменение личности, она всё выяснит и всё исправит.

А пока придется руководствоваться интуицией, например, растоптать в пыль свой сотовый. Смахивает на паранойю...

Может, и нет.

Посмотрела на разбитый мобильный. На тот случай, если трубка еще работает, просипела:

— Вот дерьмо, — и подняла маленький пластиковый каркас. — Теперь придется купить новый.

Потом вытащила батарейки, дабы точно удостовериться, что телефон сдох, и бросила и аппарат, и батарейки в мусорную корзину. Через секунду выудила обломки обратно, сложила в раковину, облила водой, потом снова кинула в мусорку.

Лизетт была до смерти перепугана. Жутковато не представлять, что делать дальше, но больше всего ужасало осознание того, что она толком не помнит, когда начала работать в «Беккер инвестментс».

Ксавье встал до рассвета и направился по привычному маршруту. Он любил пробегать свои пять миль в относительной прохладе полумрака, и не только из-за комфортной температуры воздуха. Иногда выпадал шанс поразвлечься: несколько говнюков здорово сгруппировались, попытавшись на него напасть, в результате уползли в кусты, отделавшись всего лишь сломанными ребрами и раздавленными пальцами, кроссовки Ксавье одиннадцатого с половиной размера придали изрядное ускорение тупым задницам. Лично он считал, что если почаще сворачивать шеи разным уродам, то это пойдет только на пользу жителям округа Колумбия, но трупы все усложняют, поэтому Ксавье приходилось воздерживаться от смертоубийств. Случались еще кое-какие забавные моменты, жаль, что разглядев его повнимательнее, ублюдки хотя бы с одной извилиной в башке отступали и оставляли его в покое.

Ксавье был крупным мужчиной, ростом под два метра, имел стальные мускулы, которые накачал не в тренажерном зале, а сражаясь за свою жизнь в многочисленных дерьмовых переделках. Легко проплывал по десять-пятнадцать миль, пробегал в два раза больше, да еще со ста фунтами снаряжения на плечах. Умел летать на вертолете и водить катер, так много часов провел в тире, что почти любое оружие ощущалось рукой естественно, как собственная кожа. Однако потенциальных грабителей заставляли дважды подумать не только внушительные габариты Ксавье, но и его манера двигаться и излучаемая им звериная бдительность хищника... хотя вряд ли уличные придурки знают такие слова, просто инстинкт выживания нашептывал «это плохой парень», вот они и решали дождаться более подходящей жертвы. Ксавье можно было счесть кем угодно, но уж никак не жертвой.

Он вернулся домой в пять тридцать, двадцать минут спустя уже принял душ и оделся в цивильное, что сегодня означало джинсы, ботинки и черную футболку. Цвет футболки менялся ежедневно, остальное оставалось практически неизменным. «Одеться» подразумевало также вложить пистолет в кобуру над правой почкой. Большой Glock — не единственное оружие, которое Ксавье всегда имел при себе, просто Glock был самым заметным. Даже в своем собственном доме — может, в особенности там — он постоянно был снаряжен двумя или более видами оружия, остальное хранилось в личном арсенале в шаговой доступности.

Ксавье не причислял себя к параноикам, большинство знакомых агентов поступали точно так же. Жилище — точка уязвимости и для него, и для всех прочих сослуживцев, потому что привязывает к одному месту. Люди, которые постоянно перемещаются, представляют собой куда более трудную цель. Хорошая новость — насколько ему известно, никто за ним не охотится... пока. «Пока» подразумевалось всегда, безусловно, но негласно.

Ксавье предусмотрительно купил две квартиры бок о бок. Одну на свое имя, вторую — на некую Д. П. Халстон. Если кто-то копнет глубже, то обнаружит, что за инициалами Д. П. скрывается Джоан Полетт. Многие одинокие женщины подходят под такие инициалы. Джоан имела номер социального страхования и банковские счета, вовремя платила за техническое обслуживание и коммунальные услуги, а вот интимной жизни не имела вовсе. Ему ли не знать, ведь Джоан — это он сам, никакой Д.П. Халстон на самом деле не существует, кроме как на бумаге. В настоящее время его собственная интимная жизнь практически совпадала с этой выдуманной Джоан, дерьмово конечно, но такова реальность,

ничего, не смертельно.

Ксавье спал в одной квартире, вторую держал на всякий случай, в расположенных впритык гардеробных, чтобы соединить эти два убежища, пробил потайную дверь, которая открывалась только нажатием его левого мизинца. Он также предпринял и другие меры безопасности, потому что для занятых в его сфере деятельности излишней осторожности не существует. Для большинства из них надежда на Бога — пустая трата времени, так что если он когда-либо и впрямь обратится к Всевышнему за помощью — значит, он в дерьме по самые уши. Обширный набор вколотенных навыков представлял большую ценность, сделав Ксавье одновременно смелым и осторожным, этими качествами он руководствовался не только в работе, но и в личной жизни.

Власть имущие тупы как пробки, если рассчитывают на иное поведение с его стороны, так что он работал на них на своих условиях. Он чувствовал себя более комфортно, когда все — в ограниченном кругу, разумеется, — в курсе действий остальных. Наверное, именно поэтому он еще жив, заинтересованные субъекты понимают, что Ксавье держит палец на спуске и немедленно публично разоблачит их махинации, если они когда-нибудь к нему сунутся. И в данном случае их предположения на сто процентов оправданы. Это не исключает попыток найти способ обойти его по кривой. Но если до него все же доберутся, взорвется бомба с политическим дерьмом, и многим придется заняться исключительно спасением собственной жизни, вот почему он так тщательно мониторил ситуацию. Ксавье дорого заплатил за некую сделку, потому что считал — конечный результат того стоит. К сожалению, цена оказалась выше, чем он ожидал.

Как и каждое утро, он прошел в запасную квартиру и устроился в маленькой защищенной комнате, которая служила мозговым центром, куда стекались данные со всех его многочисленных систем наблюдения, и являлась сосредоточием электронной паутины и программ сбора информации. Он пил кофе, пока слушал, читал и озирали мониторы.

Ксавье подключился к их системам слежения, поэтому, когда они обыскивали ее жилище, то натыкались только на собственные жучки, но, опять же, он полагал, что они подозревают о его деятельности. Не будь они достаточно умными, он вообще не стал бы с ними работать. Не то чтобы он не доверял собственным бойцам, доверял, хотя до определенной степени. Но во внешнем мире — только себе. Удивительно, что его так долго продолжают держать в курсе, но ведь все они повязаны одной веревочкой, а он не из тех, кого рекомендуют злить. У него имеются влиятельные друзья и куда более опасные приятели со смертоносными навыками, и неизвестно, первые или вторые больше повлияли на решение не отстранять его, но пока он в деле — на причины начхать.

Вот именно. Заправили наблюдали за ней, он наблюдал за ними, проверяя, сообщат ли ему то, что ему и без того известно. Учитывая его способности, они вели себя осторожно, старательно сохраняя статус-кво. И пока не осмеливались скрывать от него информацию или подсовывать ложные сведения.

Если он утратит контроль над происходящим, то тем самым подарит им возможность инициировать любые действия, не опасаясь дамоклова меча над головой. И велика вероятность, что когда-нибудь кто-то из власть предержащих просто сочтет, что риск слишком велик, чтобы оставить ситуацию в прежнем виде.

Так что Ксавье целиком полагался на свои животные инстинкты, отточенные до убийственной остроты во время многочисленных акций, в которых он участвовал. И едва эти самые инстинкты подадут сигнал — он начнет действовать. Взаимное гарантированное

уничтожение — причудливый эвфемизм «патовой ситуации» — прекрасная концепция, раз способствует поддержанию мира.

В данный момент Ксавье читал о колебаниях евро. Не сказать, что он являлся финансовым гуру, но ведь и не лез в биржевые сводки. Самые большие деньги крутятся в политике и в национальной безопасности... черт, именно там, и точка. Доведенные до отчаяния страны творили отчаянные дела, колебания на финансовых рынках способны моментально разорить, и тогда только Богу известно, куда придется отправиться, чтобы заработать на жизнь, выполняя смертельно опасные задания.

Из-за невозможности постоянно наблюдать за ней, Ксавье записывал данные с жучков в ее квартире, чтобы начать действовать в случае необходимости, пытаясь уловить момент, когда чутье подскажет — пора вмешаться.

Читая прессу, Ксавье одновременно прослушивал записи. Ничего из ряда вон выходящего. Похоже, ее привычный распорядок дня катит по наезженной колее. Ничего необычного, чтобы вызвать от соглядатаев ответную реакцию.

«Десять, двенадцать, один, сорок два, восемнадцать».

Шепотом произнесенные числа тут же привлекли его внимание, так внезапно и безраздельно, словно прозвучал выстрел. Ксавье поставил чашку и повернулся на стуле, склонил голову, все тело напряглось. Автоматически потянулся за ручкой, записал номера. Что за черт?

Несколько секунд спустя, она повторила последовательность чисел, хотя на этот раз несколько более сильным голосом.

Тишина. Затем шаги, сначала медленные, потом бегущие, а следом безошибочный звук длительной и сильной рвоты.

Дьявол! Очень хотелось на нее взглянуть, но сеть наблюдения все же сохраняла некую неприкосновенность частной жизни. Ничего из сказанного ни по домашнему телефону, ни по рабочему, ни по сотовому, не говоря уже о просмотрах телепередач или работе на компьютере, не являлось ее личным делом. Даже передвижения ее машины постоянно отслеживались с помощью GPS. Но видеозаписи не велись, и не из-за какого-то там уважения к ее конституционным правам — которые, по большому счету, урезали и втоптали в грязь, — а просто потому, что сочли ненужным. Пока они в курсе того, чем подопечная занимается, зачем снимать, как она ходит в туалет или принимает душ?

Держать ее под наблюдением было легко. Она никогда не отклонялась от установленного распорядка дня. Вела себя спокойно и предсказуемо... и вот теперь, кажется, заболела. Но что, черт возьми, означают эти цифры?

Еще пара приступов рвоты. Определенно заболела. Звякнул сигнал — она взяла свой сотовый. Имя руководителя ее отдела, Марджо Уинчелла, выскочило у Ксавье на экране, ведь он давно клонировал ее мобильник, поэтому мог слушать все разговоры в режиме реального времени. Беседа с боссом успокоила. Лизетт решила, что подхватила вирус, ее тошнит — Ксавье уже в курсе — и ужасно болит голова. Марджо предположил, что у нее желудочный грипп, как у его детей недавно, бла-бла-бла.

Только он расслабился, как Марджо взорвал бомбу. «Это твой первый больничный за все три года, так что не переживай». Черт! Черт! Черт! Ксавье давно научился контролировать свой темперамент — большую часть времени, — но сейчас так и подмывало швырнуть чашку в монитор. Какого дьявола этот идиот брякнул про три года?

Слава Богу, Лизетт, кажется, ничего не заметила. Может, слишком плохо себя

чувствует. Пробормотала «спасибо», потом выдавила: «Извините, мне плохо». Помчалась в туалет, приступ рвоты, шум воды, долгая пауза, еще один приступ рвоты... а потом мобильная связь оборвалась.

Одновременно из другого жучка послышался грохот и удар. Через несколько минут высморкалась. Звуки тяжелого дыхания, снова шум воды. Потом хриплым голосом человека, чье горло сорвано, а нос заложен, просипела: «Вот дерьмо, теперь придется купить новый».

Снова шум, словно она топтала ногами телефон. Полилась вода. Потом загудел фен — никаких сюрпризов, она мыла голову каждое утро. Даже если заболела, все равно необходимо высушить волосы. Это ее обычный распорядок, от которого Лизетт не отклонялась в течение трех лет, которые находилась под наблюдением. Не выйти на работу из-за недомогания — эквивалентно землетрясению в ее упорядоченной жизни.

Выключила фен, вернулась в спальню, скорее всего, собирается снова улечься в постель.

Вроде бы все в порядке. Другие слушатели, возможно, заметили словесную бомбу Марджо, но главное — насторожилась ли сама Лизетт... похоже, нет. Отвратительное самочувствие, подступающий очередной приступ рвоты, скорее всего, не позволили ей вдуматься в слова Марджо.

А они придут к такому же выводу?

Ксавье хорошо знал Лизетт. Самый большой ее талант — способность все схватывать на лету, умение нырнуть в ситуацию и плыть по течению, отдавшись на волю интуиции. Безусловно, она вымотана тяжелыми приступами, но чтобы оговорка Уинчелла проскочила мимо ушей этой профессионалки — слишком большая удача, по крайней мере на его взгляд. А уж то, что Лизетт «случайно» выронила и уничтожила сотовый сразу после разговора с начальником, почти равносильно разоблачению тайны.

С одной стороны, подобного никогда не должно было случиться. Лизетт вывели из строя, причем навсегда.

А так ли это? Ксавье никогда раньше особенно не задумывался, что именно они сотворили с Лизетт. По идее, она должна была необратимо измениться, превратиться в своего рода инвалида — продолжать есть, пить, спать, работать, но никогда уже не стать прежней. Но если обстоятельства толкнут за край, кто может с уверенностью предсказать, как именно она отреагирует?

Именно в этот момент взорвалась его собственная интуиция. Следовало учесть фактор гибкости ее рассудка, что, возможно, сделало ее более живучей, более стойкой. Плюс уничтожение мобильного... Внутренний голос прошептал: «Она возвращается».

Так что вопрос не в том, рискнут ли соглядатаи проигнорировать тревожный сигнал в замечании Уинчелла... вопрос в том, пора ему вмешаться или еще нет?

Информация — это все. Сбор сведений осуществлялся повсеместно и непрерывно, каждую секунду каждого дня. Глаза и уши повсюду, в той или иной форме. Камеры, прослушка, клавиатурные сканеры — местами законно, а кое-где и нет — клонированные сотовые телефоны или элементарный перехват всех вызовов, тепловизоры, GPS, отслеживающие местонахождение автомобиля и мобильного, ну и старомодный метод человеческого наблюдения. Просеивание полученных в результате глобальной слежки сведений, отделение важного от ерунды — тяжелая работа, которая никогда не заканчивается. С завершением строительства центра обработки данных Агентства национальной безопасности в штате Юта стало возможным получать подробную информацию о каждом звонке, каждом тексте, набранном на компьютере, каждом электронном письме и контролировать развитие ситуации, программируя реакцию системы наблюдения на определенные ключевые слова.

Но даже с учетом всех этих высоких технологий, непрерывно бдящих в реальном времени, смотрели и слушали еще и человеческие глаза и уши, особенно в щекотливых делах, которые нельзя полностью доверить никакой компьютерной программе, независимо от того, насколько она продвинутая и защищенная. Не существует базы данных, которую невозможно взломать, из которой невозможно похитить сведения.

Дереон Эш как раз и трудился таким соглядатаем. Он ничего не знал о прошлом своей подопечной — досадное обстоятельство, — но кое о чем догадывался и был чертовски уверен, что она когда-то влипла в дерьмовую ситуацию, где погибли люди. Как бы там ни было, Эш и по меньшей мере еще пять человек осуществляли непрерывное наблюдение за женщиной, названной Объект В — Дереона всегда интересовало, что случилось с Объектами А и Б, — отслеживали каждый ее шаг, каждый исходящий и входящий звонок, каждую деталь ее быта. Неважно, что она вела чертовски скучную жизнь, — насколько он мог судить — мониторинг не прекращался ни на секунду.

Тоска зеленая... до этого момента.

Сначала шепотом произнесенные странные числа заставили напрячься и быстро записать их на тот случай, если они что-то означают, потом...

— Вот дерьмо!

Это был определенно «вот дерьмо» момент. Дереон протер глаза, не потому, что устал, а чтобы дать себе время подумать. Невероятно, что такой пустяк, как небрежное упоминание о больничном, способен взорвать ситуацию.

Эш тут же набрал номер агента, отвечающего за эту операцию.

— Фордж.

Отрывистый голос Эла Форджа заставил Дереона поежиться от беспокойства и тревоги. Он не любил сам принимать решения, так что вынужден был уведомить куратора, хотя терпеть не мог попадать под прицельный огонь внимания босса — все тело мигом покрывалось мурашками, словно кубики льда катились по спине.

Коротко и по-деловому Эш доложил о последнем происшествии с Объектом В. Хотя они, разумеется, знали ее имя, но в разговорах никогда не упоминали. Объект В существовал лишь для очень небольшой группы посвященных, одним из которых был Дереон — чертово везение. Эш понятия не имел, как эта женщина стала Объектом В, и никогда не хотел знать.

Он наблюдал за ней, сообщал о своих выводах, но не совал нос не в свое дело. Так казалось безопаснее, потому что наверняка прошлые делишки зашли слишком далеко и превратились в по-настоящему серьезное дерьмо.

— Сейчас буду, — рывкнул Фордж, и гулкая тишина наполнила гарнитуру Дерсона после отключения связи.

Эш возобновил прослушивание записей по Объекту В с того места, где прервался. Когда прибыл Эл Фордж, Дерсон доложил, что произошло за этот короткий промежуток времени.

Эл почесал подбородок, острый ум торопливо оценивал информацию и взвешивал возможные последствия. Редкостно энергичный мужчина в свои шестьдесят, с короткими, в основном седыми волосами, ледяными светлыми глазами, слегка поблекшими от возраста, агент все еще оставался таким же высоким и сильным, как в те времена, когда работал «в поле». Лицо несло отпечаток тяжелых решений, которые пришлось принимать, и акций, в которых он непосредственно участвовал. Дерсон никогда не стремился занять должность Эла Форджа, и при всем старании не смог бы назвать человека более достойного уважения.

Молчание затянулось, Эл углубился в размышления, минуты текли.

— Объект В больше ничем не отличился, — наконец указал на очевидное Дерсон, просто чтобы нарушить тишину.

Фордж нетерпеливо сверкнул глазами на бесполезное замечание и внезапно приказал:

— Соедините меня с Ксавье.

Еще один, пожалуй, самый загадочный аспект этой операции. Все сведения по Объекту В немедленно передавали этому Ксавье, который, насколько удалось выяснить Дерсону, являлся обычным тайным агентом, даже не куратором, вообще не из руководящего состава. С другой стороны, об этом субъекте информации крайне мало — своего рода свидетельство, что он занимает куда более высокое положение, чем можно судить по немногим доступным фактам. Только Эл говорил с Ксавье, и что еще более удивительно — ни один из этих разговоров не попадал в отчеты. Впрочем, вся эта операция никак не фиксировалась. После каждой смены все записи по Объекту В уничтожались.

Несколько ударов по клавиатуре обеспечили соединение. Эл нацепил гарнитуру. Через некоторое время Ксавье ответил обычным глубоким и таким отчужденным голосом, словно никогда не испытывал никаких эмоций.

— Да.

Что-то в этой ледяной невозмутимости заставляло Дерсона искренне радоваться, что они никогда не встретятся лицом к лицу и что Ксавье даже не подозревает о существовании Дерсона Эша. Большой мир непонятного Ксавье и тесный мирок тайных соглядатаев навечно отделены друг от друга, и это разграничение тщательно соблюдается.

— Объект В способен насторожиться насчет расхождения в сроках, — констатировал Эл, помолчал и добавил: — Учитывая, что ты внедрил свою собственную систему наблюдения в нашу, тебе уже все известно. Надеюсь, ты не наломаешь дров.

Дерсон развернулся в кресле и с нескрываемым удивлением уставился на начальника. Разумеется, они знали про систему Ксавье, но никогда ему об этом не сообщали. Никогда. Малейший перевес в информированности может обеспечить им неоценимое преимущество или, наоборот, усилить позицию врага. Пусть даже точно не установлено, кто враг в той или иной ситуации, но Эш разбирался в оперативной стратегии, знание — это всегда сила. И Эл только что пожертвовал частью этой силы, дав понять Ксавье, что они осведомлены о его деятельности. Теперь Ксавье знает, что они знают, что он знает... Господи, звучит как фраза

из старомодного водевиля.

— Никогда не держал тебя за дилетанта, — в бесстрастном бестелесном голосе проскользнула легкая насмешка.

Ладно, еще один намек, размышлял Дерееон. Стало быть, Ксавье уже известно, что они в курсе относительно его параллельной системы наблюдения. Водевиль? О, нет, это игра в шахматы, причем играют два мастера, которые явно хорошо знакомы. Дерееон ненавидел шахматы. Сплошная головная боль. Такие как он, простые соглядатаи, предпочитали, чтобы в действительности все складывалось прямолинейно и незамысловато, именно так, как выглядело.

«Лучше бы я выучился на бухгалтера».

Фордж досадливо махнул рукой, затем быстро спохватился, словно раздражение — это непозволительная роскошь.

— Короче, не стану притворяться, будто сообщил тебе новость, ведь ты наверняка уже в курсе. Хотел получить подтверждение лично от меня? Нет проблем, получи. Кроме того, официально заявляю, что здесь никто не собирается давить на спусковой крючок. Нет никаких признаков, что ситуация с Объектом В изменилась, зато есть все основания полагать, что этого и не произойдет.

— Стало быть, ты позвонил, желая убедиться, что я не совершу упреждающий ход? Удивляешь ты меня, Эл. Что бы я тебе ни сказал, ты же все равно не согласишься, потому что на моем месте тоже солгал бы, не моргнув глазом.

Справедливо, так что Фордж не счел нужным спорить. В его работе — в их работе — они делали всё, что считали необходимым. Иногда необходимость была отвратительной, что не делало ее менее необходимой.

— Никто и никоим образом не собирается причинить вред Объекту В, — заверил Эл, тщательно подбирая слова. — Ситуация под контролем.

— Я с самого начала — черт, да еще раньше — понял, что ситуация останется под контролем исключительно моими стараниями, — коротко и невесело фыркнул Ксавье. — Твоя проблема в том, что тебе неизвестно, какие меры я предпринял для своей безопасности и какие ловушки приготовил. В противном случае я был бы мертв много лет назад. Ты это знаешь, и я это знаю.

— В мои должностные обязанности не входит убийство патриотов нашей страны, — тихо промолвил Эл.

Фордж сражался за свою родину большую часть взрослой жизни, разделяя принцип Трумэна: я лично отвечаю за всё. Никогда никого не отдавал на растерзание ради собственной выгоды, при необходимости, не колеблясь, пожертвовал бы карьерой и даже свободой ради соратника. Это знали все — включая Дерееона, — кто работал под его руководством. Именно непоколебимая надежность Форджа вызывала искреннюю глубокую преданность в его подчиненных ... во всех, за исключением, кажется, Ксавье.

— Нет, твоя обязанность — защищать отчизну, что бы это не значило в каждом конкретном случае, — цинично хмыкнул Ксавье. — И обычно я шагал в ногу с тобой.

— Кроме данной ситуации.

— Скажем так, я доверяю тебе настолько, насколько ты доверяешь мне.

— Если бы я тебе не доверял, ты давно вылетел бы из конторы.

— Меня давно вышибли бы из конторы, если бы не страх, что я исчезну из виду или выеду из страны.

— Уверен, в чрезвычайной ситуации твои ловушки тут же сработают.

— Даже не сомневайся.

— Так что мы зашли в тупик.

— Помнишь термин холодной войны — взаимное гарантированное уничтожение?

Идеально подходит в нашем случае.

— Ты нажил себе врагов. Могущественных врагов, которые задаются вопросом, почему должны тебе доверять, когда ты им явно не доверяешь. Ты сам заставляешь их воспринимать тебя как угрозу.

— Я и есть угроза, если они нарушат договоренность. Только не заливай, что мы должны держаться вместе и что по одиночке нас легче устранить, всё так, но я знаю этих людей. В один прекрасный день какой-нибудь сукин сын вообразит, что способен меня перехитрить и навсегда решить эту проблему. И здорово облажается, дерьмо попадет в вентилятор еще до того, как умник отскочит в сторону. Так что, да, несмотря на твои заверения, я буду действовать так, как сочту необходимым.

— Не считай меня своим врагом, — попросил Эл после долгой напряженной тишины. — Я серьезно. Всегда готов тебе помочь всем, чем смогу.

У Дерена лихорадочно заработали мозги. С Элом Форджем невозможно угадать, то ли он искренен, то ли ведет игру с Ксавье. Только время покажет.

— А еще во времена холодной войны говорили: доверяй, но проверяй, — раздался в наушниках все тот же невеселый смех. — Поболтаем позже, Фордж. — Легкая заминка. — С тобой тоже, Эш. Сегодня ведь Дерен дежурит, да? Или я перепутал смены?

Связь прервалась.

У Дерена кровь застыла в жилах, он сдернул гарнитуру и уставился на босса с позеленевшим от ужаса лицом.

— О-откуда он узнал? — пролепетал Эш. — Как этот дьявол выведал мое имя?

И то, что сегодня его смена, да вообще о его существовании? Все равно что попасться на глаза хищному динозавру: ничего хорошего из этого не выйдет.

— Это же Ксавье, вот откуда, — хмуро ответил Фордж, закрыл глаза и потер переносицу. — Дерьмо. Это означает, что у него здесь имеется крот или какие-то глаза и уши, которые пропустили наши чистильщики, или он вычислил это место, а затем проследил каждого из нас до дома. Этот упертый ублюдок вполне способен потратить недели на выяснение всего этого дерьма.

«Проследил до дома?» Тошнотворная паника охватила Дерена.

— Он знает, где я живу? Где живут мои жена и дети?

— Не волнуйся. Без необходимости он тебя не убьет.

— Очень обнадеживает! — саркастически выпалил Дерен, слишком перепуганный, чтобы следить за своим тоном в разговоре с начальником.

— А должно обнадежить, — устало вздохнул Эл. — Если бы он захотел, тебя бы уже не было в живых. Таков стиль Ксавье. Он выдал этот маленький секрет, чтобы напугать тебя до полусмерти... и преуспел.

Как руководитель, Фордж не мог себе позволить отмахнуться от паники Дерена, его люди обязаны постоянно всё держать под контролем: задания, ситуации и, прежде всего, самих себя.

— Ксавье дал понять, что на шаг впереди нас, и он, конечно, в курсе, что теперь нам придется потратить массу времени и сил на выяснение того, что и как он разнюхал.

Придется перетряхнуть всю систему безопасности, перепроверить всех здешних сотрудников, перевернуть вверх дном наши автомобили и жилища в поисках жучков.

Дереон глубоко вдохнул, силясь мыслить стратегически по примеру босса.

— Следует ли нам поменять дислокацию?

— Возможно, но нет никакой гарантии, что Ксавье не последует за нами на новое место, в таком случае мы ничего не выиграем, только попусту потратим ресурсы. К тому же существует вероятность, что по нашей реакции на эту провокацию он узнает о нас еще больше, наблюдая за предпринимаемыми контрмерами.

Другими словами, Ксавье держал их службу на коротком поводке и исключительно по каким-то своим соображениям выдал им этот секрет.

Лизетт тихо лежала в постели и усиленно размышляла. Странно, но она чувствовала себя хорошо, словно ужасной болезни никогда не было. Слегка знобило после сильных спазмов, но в целом... вполне нормально. Ни головной боли, ни тошноты, только настойчивый порыв действовать. И что предпринять? Непонятно, но интуиция подсказывает, что следует по возможности вести себя как всегда.

Что-то серьезно не так, раз имитация обычного поведения представляется жизненно важной. Самочувствие позволяло встать с кровати, но остаться в постели прямо сейчас казалось более безопасным. Разве по-настоящему больной человек не останется в кровати? Нормальный поступок.

Так много тревожных событий произошло за столь короткий промежуток времени, что Лизетт с трудом улавливала мысль, обдумывала и переключалась на другую, требующую внимания. Итак. Она устроилась в «Беккер инвестментс» пять лет назад... наверное. Неизвестно. Марджо сказал, что за все три года она ни разу не брала больничный, значит, она работает там на два года меньше, чем привыкла считать, или мистер Уинчелл просто оговорился? Всякое случается... Марджо, вероятно, лихорадочно собирался на работу, а Лизетт перебирала в уме утренние перипетии, не могла сосредоточиться на звонке начальнику и мысленно блуждала далеко, вот и послышалось «три года». Ерунда.

Может, и ерунда, однако, учитывая то обстоятельство, что она действительно не помнит точно, как долго трудится в «Беккер инвестментс»... возможно, это очень существенно.

Как такое можно забыть? Это же не последний визит к врачу, а первый день в новой компании... да и выбор самой компании выпал из памяти, если на то пошло. Огромный провал. Как писала заявление? Как проходила собеседование? Словно ниоткуда свалилась в этот дом и в эту должность, в обычную, каждодневную, ничем не примечательную рутину, где один день похож на другой.

День за днем живет... в этом доме. Бог ты мой, а когда она сюда переехала? Почему выбрала именно этот пригород? Просто живет, не задаваясь вопросами. Раньше Лизетт воспринимала свой уклад как нечто само собой разумеющееся — как то, что трава зеленая, — но теперь, после серьезных размышлений, провал в памяти ужасал.

Факт: лицо в зеркале не совпадает с тем, которое она помнит. Это наверняка самое важное, отложим на потом, сначала займемся чем попроще.

Факт: ей казалось, что она работает в «Беккер инвестментс» уже пять лет, а если в действительности всего три, куда делись еще два года?

Факт: Выпал из памяти первый день в новой компании.

Факт: Выпал из памяти переезд в этот дом.

Факт: Внезапная необъяснимая уверенность, что за ней следят, что все телефонные звонки под контролем, что дом оборудован, возможно, даже камерами наблюдения.

Наиболее вероятные объяснения всех этих непоняток: либо ее сразило серьезное психическое расстройство — причем скоростижно, — либо внезапно развилось дегенеративное заболевание головного мозга, либо образовалась опухоль в голове... Логично, хотя и ужасно. Опухоль также объясняет тошноту, головную боль, даже паранойю. Вывод странным образом утешил, ведь это значит, что она заболела физически, а не сошла с ума.

Зазвонил телефон, прервав размышления, Лизетт перевернулась, чтобы вытащить беспроводное устройство из зарядки на ночном столике. Имя и номер Дианы высветились на экране.

— Привет, — гнусаво просипела Лизетт, нажав кнопку.

— Как ты себя чувствуешь? Марджо сказал, что ты подцепила желудочный вирус.

Лизетт ошеломленно взглянула на часы — уже начало девятого. Вот те раз, она пролежала в постели, пережевывая произошедшее — точнее, происходящее — намного дольше, чем казалось. Диана уже на работе и, разумеется, поговорила с Марджо, когда подруга не явилась вовремя.

— Тошнота ослабла, по крайней мере на данный момент. Но голова буквально раскалывается. Мне было так плохо, что даже испугалась, не инсульт ли меня разбил, так что пришлось немного протестировать саму себя... ну, к примеру, проверила, могу ли улыбаться, или поднять обе руки, или перечислить какие-то числа с потолка и, чуть погодя, повторить, чтобы понять, в состоянии ли я вспомнить, что сказала.

— Прости, — извинилась Диана после смешка, — понимаю, что тебе сейчас очень скверно, но так и вижу, как ты все это проделываешь. Проверяешь улыбку. Проверяешь, поднимаются ли руки. Бормочешь номера. Даже во время болезни тебе непременно нужно разложить все факты по полочкам.

— Факты непредсказуемы, иной раз приходится кнутом загонять их на место, иначе они способны взбунтоваться и вызвать всевозможные проблемы.

— Твои факты — самые высокоорганизованные в мире, — заверила Диана и снова хихикнула. — Ладно, своему доктору позвонила?

— Нет, прилегла в постель и, похоже, задремала. В любом случае у меня нет своего доктора. Если не полегчает, пойду в аптеку и куплю что-нибудь от тошноты. Или загляну к любому врачу.

— Тебе нужен свой доктор.

— Эскулапы нужны больным людям. А мне — нет, раз я здорова.

Кстати... в юности у нее был постоянный врач, доктор Казински, который регулярно ее осматривал, вакцинировал от гриппа, брал мазки из шейки матки и посылал на маммографию, в общем, целиком отвечал за ее здоровье. Но потом она переехала и по какой-то причине не обрела нового терапевта. Интересно, почему... боль прострелила голову, Лизетт выгнала опасные мысли как незваных гостей. Разумеется, страдания тут же ослабли, дав возможность сосредоточиться на словах Дианы.

— Нет, сейчас ты совсем не здорова, и вот, пожалуйста, у тебя даже нет своего доктора.

— Это просто вирус. Пройдет сам собой. Единственная опасность — заполучить обезвоживание, но за этим я прослежу.

— Ну, заставить тебя обратиться к врачу я не могу, — вздохнула Диана. — Но еще раз звякну после работы, хорошо?

— Хорошо. И... спасибо.

Спасибо за заботу. Спасибо, что нашла время позвонить, поинтересоваться. Вдруг Лизетт осенило, что, кроме Дианы, в ее жизни нет никого, кто стал бы за нее переживать.

Как же так получилось? И когда? В детстве и в колледже у нее было полно друзей. Была семья, пусть немногочисленная, пока не умерли родители. Дядя в штате Вашингтон... кажется. Они годами не общались, так что он, возможно, переехал, черт, или даже умер. Имелись и еще какие-то родственники, которых Лизетт не видела с тех пор, как пошла в

начальную школу. Вряд ли удастся вспомнить их имена, неизвестно, кто из кузин вышел замуж, неизвестно, где они живут. Следовало бы приложить больше усилий, чтобы поддерживать контакты, но и родственники могли бы постараться. Но раз они с самого начала не были близки, то теперь уж и ни к чему.

Лизетт исполнилось восемнадцать, когда погибли родители, так что дядя Тед и тетя Милли, приехавшие на похороны, очевидно, сочли ее вполне взрослой, потому что не предложили никакой помощи — кроме банального «позвони, если что-нибудь понадобится» — прежде чем улетели на самолете домой. Она осталась предоставленной самой себе. Закладную на дом оплатила за счет страховки жизни родителей, да еще и осталась значительная сумма вдобавок к фонду на обучение, так что финансовых трудностей не испытывала.

А вот эмоциональные — да. Так внезапно лишиться семьи... это был невыносимый шок. Весь последующий год Лизетт по большей части сидела дома, неохотно разговаривая с друзьями, но постепенно контакты сошли на нет. Она не хотела покидать единственное место на земле, где чувствовала себя в безопасности, не хотела общаться, не смеялась, хотя часами смотрела сериалы, отвлекавшие от действительности, и иногда с тоской вспоминала, какой была ее жизнь до того, как родители погибли в грудe смятой стали и пластика.

В конце концов друзья перестали звонить. Медленно, но верно, Лизетт начала вытаскивать себя из пропасти. Маме и папе не понравилось бы, что дочка утонула в горе и перестала жить своей жизнью только потому, что они ушли навсегда. Они вместе с ней обсуждали разные колледжи, выбирали, куда ей пойти учиться, какая карьера ее интересует. В общем, в девятнадцать Лизетт начала потихоньку возвращаться во внешний мир и посылать туда сигналы в виде заявлений в колледжи. До аварии она очень хотела поступить в Южно-калифорнийский университет, чтобы оставаться поближе к родителям, а теперь это был самый практичный вариант, так как дом полностью оплачен. Вытащить себя из кокона оказалось нелегко, но она справилась. Пусть школьные друзья и исчезли, но как только Лизетт снова начала жить реальной жизнью, появились новые подруги и приятели уже в колледже. Забавно, как быстро они тоже отпали, очень редко, может, раз в год, присылали электронное письмо или рождественскую открытку.

От дяди Теда и тети Милли вообще ничего не приходило, и когда-то это сильно огорчало. Однако теперь Лизетт крайне редко о них вспоминала. А когда вспоминала, то не чувствовала ничего, кроме отвращения. Она не хотела иметь с ними ничего общего, с этими бессердечными уродами, бросившими осиротевшую восемнадцатилетнюю девушку на произвол судьбы, даже без еженедельных телефонных звонков, чтобы проверить, как она поживает. Черт с ними, с их детьми и прочими кузенами, чьих имен она даже не помнит. Закончив колледж, Лизетт продала отчий дом и переехала в другую часть страны, не удосужившись сообщить родственникам свой новый адрес.

Стало быть, круг замкнулся. Вся жизнь как на ладони, подробности, переживания, все важное и разные мелочи, типа пленки с кадрами в голове. Так почему же она забыла, когда начала работать на Беккера? И почему не помнит покупку этого дома? Это ведь ее дом. Она каждый месяц за него платит. Но... нет. Ничего.

Лизетт уставилась в потолок. Насколько велик пробел в памяти?

Дотошно начала все сначала. Ладно, первые два года жизни можно отбросить. Сколько людей помнят хоть что-то из младенчества? Чертовски мало. Если честно, встречался только один такой уникам...

Боль взорвалась в черепе, настолько ослепляющая, что заставила схватиться за голову и застонать. Следом нахлынула тошнота. Лизетт выскочила из кровати, споткнулась, помчалась в туалет и зависла над унитазом, кажется, на целую вечность. Самый тяжелый приступ, оставивший ее выжатой и обессиленной. Лизетт сидела на холодном полу в ванной комнате, от слабости слезы текли по щекам.

Она ненавидела слабость.

Но... черт, не вызван ли этот припадок какими-то неуволимыми воспоминаниями, которые стучатся в дверь сознания, пытаюсь прорваться к рассудку? Может, поэтому она не завела собственного врача на новом месте. Лизетт не стала насиловать память и припоминать последние мысли перед пароксизмом, опасаясь вызвать очередной припадок. Вместо этого постаралась сосредоточиться на другом, чтобы подобраться к проблеме не в лоб, а сбоку, как поступала в детстве, когда не удавалось добиться желаемого.

Бессильно откинулась головой на стену. Ладно, в любом случае, вероятно, лучше не отходить далеко от унитаза.

Итак, какие самые ранние воспоминания в жизни?

Может, когда ей было три. Вспомнилось великолепное розовое с белым платье с пышными кокетливыми юбками, которое надела на Пасху, и даже фотография с мамой — Лизетт в этом наряде, тянется ладошками вверх, мама держит ее за руки. Вспомнилось, как любовалась платьем и колышущейся юбочкой при каждом шаге вприпрыжку. Тогда она часто бегала и прыгала.

Ладно, с этим возрастом все ясно. Как насчет четырех лет?

Детский сад. Или, может, подготовительный класс. Неважно. Она сидит на маленьком стульчике за небольшим круглым столом рядом с девочкой, у которой густые рыжие локоны, и мальчиком по имени Чад, которого Лизетт ненавидела, потому что тот смахивал сопلي ладонью, а потом вытирал эту ладонь об ее платице... по крайней мере до тех пор, пока Лизетт не треснула сопливца по носу. Наверняка там были другие дети, но она вспомнила только девочку с рыжими волосами и шмыгающего Чада, мелкого гаденыша.

В пять Лизетт научилась читать. Она сидела за кухонным столом и с гордостью водила пальцем по странице, озвучивая слово за словом, пока мама готовила ужин.

Шесть — первый класс, драка со старшей девочкой, которая сначала обозвала, а потом толкнула, в результате Лизетт ободрала колени. Но тут же вскочила, набросилась на обидчицу и вцепилась ей в волосы.

Семь — несколько первоклассников отравились в школьной столовой, потом началась цепная реакция, пострадали очень многие ученики и даже несколько учителей.

Лизетт перебирала год за годом, вспоминая то выходки одноклассников, то собственные, иногда в памяти всплывали родители. Когда ей исполнилось девять, они вместе ездили на Рождество в гости к бабушке и дедушке в Колорадо, снег там был удивительным.

В общем, каждый год чем-то запомнился, кроме событий пятилетней давности.

Лизетт решила заглянуть за стену в мозг, там явно что-то прячется, но побоялась очередного взрыва, потому что именно попытка проникнуть за эту стену вызывала головную боль и тошноту. Пять лет назад — пустота. Четыре года назад — пустота.

Три года назад — живет в этом доме, работает на Беккера, так безмятежно, словно двухлетнего провала в жизни не существует.

Может, опухоль в голове выжрала такой четко определенный временной интервал?

Разве амнезия не должна быть более «пятнистой», включая последние воспоминания? Незначительные детали труднее всего сохранить... следовательно, и кратковременные воспоминания легко рассеиваются. Однако переезд на новое место, в новый дом и устройство на новую работу — это очень важные события, которые из краткосрочных перемещаются прямо в долговременную «базу данных». Это неизбежно.

Кстати, а откуда она сюда переехала?

Вспомнила! Какое-то время жила в Чикаго, обосновавшись там в возрасте двадцати трех лет.

Хотя... Может, она двинула сюда не непосредственно из Чикаго. Неизвестно. Что же происходило в эти два года, если рассудок наглухо заблокировал память о них? И что, черт возьми, случилось с лицом?

Внезапно Лизетт осенило, как можно убедиться, что у нее действительно чужое лицо — самое странное обстоятельство из всех зафиксированных. Схватившись за край раковины, она поднялась на ноги и уставилась на лицо, которое не ее. Вдруг она все же попала в какую-то ужасную аварию и подверглась пластической операции... Отодвинула волосы и наклонилась к зеркалу, выискивая шрамы.

Есть. Боже мой, есть.

Вдоль линии волос, тоненькие, но определенно имеются. Оттопырила вперед уши, пытаясь увидеть что-нибудь за ними — бесполезный номер. Расстроившись, схватила ручное зеркальце, постаралась разглядеть за ушами, и... да. Еще шрамы.

Ошеломленная, опустила ручное зеркальце. Потом снова подняла и еще раз посмотрела за уши. Да, шрамы есть. Очень тонкие, едва заметные. Кем бы ни был пластический хирург, мужчиной или женщиной, он — настоящий мастер.

Стало быть, лицо все же её, пусть и переделанное. Теперь самый животрепещущий вопрос — какого черта с ней сотворили, и как это выяснить?

«Я испугалась, не insult ли меня разбил».

У Ксавье от облегчения расслабились плечи, когда он услышал эти слова, потому что это было прекрасное объяснение, почему она дважды пробормотала одни и те же цифры. Еще лучше, если она так и не спросит лучшую подружку, как долго на самом деле работает на Беккера, и вообще не упомянет оговорку Марджо Уинчелла. Отлично. Если повезет, они сумеют увернуться от взрыва дерьма, катящегося прямо в лицо.

Помогло то, что она действительно больна. Очередной приступ рвоты громко и ясно прозвучал в динамиках.

Но... если повезет? Ксавье никогда не полагался на эту подлую суку — удачу.

А полагался только на свое чутье, на свои знания о Лиззи, а те упорно твердили, что уничтожение сотового произошло слишком вовремя, чтобы быть простым совпадением.

Пора взглянуть на нее собственными глазами, но пока она сидит дома, придется оставаться на месте, чтобы следить за ситуацией. Поэтому Ксавье ограничился отправкой закодированного сообщения другу, приказывая удостовериться, что ничего необычного возле объекта не происходит. «Будь начеку. Если она выйдет на улицу, если заметишь чью-то внезапную активность — ремонтников, агитаторов, продавцов страховок, еще кого-нибудь — немедленно сообщи». Через несколько секунд на экране высветился ответ: «Будет сделано».

Если она совершит еще что-то, хоть в малейшей степени подозрительное, ему придется действовать и действовать быстро, благо наличие своей команды на подхвате дает огромное преимущество. Эл Фордж создал грозную сеть, но Ксавье тоже не сидел сложа руки и обзавелся собственными ресурсами, потратил годы на сплетение паутины союзников и на сосредоточение средств, понимая, что балансирует на грани между реальной угрозой убить или быть убитым. Ксавье частенько брался за опасные задания, но для него устранить кого-то — плевое дело, ничего личного, просто бизнес, а ему крайне необходимы те очень приличные деньги, которые платили за такую работу. Его высококвалифицированные услуги были всегда востребованы, хотя и стоили недешево, но ведь никакие меры безопасности его не останавливали, а это главное. На черном рынке наверняка можно получить куда больше за то же самое, но Ксавье пока не перешел на темную сторону. Пока нет.

Это «пока нет» всегда присутствовало, висело над головой словно грозовая туча, из которой молния еще не ударила, и заставляло снова и снова задаваться вопросом: а если обстоятельства вынудят — перейдет?

Возможно.

Шесть лет назад он бы точно сказал «нет».

Пять лет назад Ксавье столкнулся с суровой реальностью: оказывается, иногда правильные поступки приносят вред и наоборот.

Четыре года назад возненавидел ловушку, в которую они все угодили.

Три года назад сам установил капканы.

Никому не известно, чем разрешится эта проклятая ситуация, но ни один из них не мог выйти из игры, Ксавье останется до конца, что бы ни случилось в финале. Но, черт возьми, он уже настолько устал от поддержания статус-кво, что был почти готов нажать несколько кнопок и прямо сейчас все изменить.

Невыносимо хотелось увидеть ее вживую. Конечно, есть фотографии, видеосъемки и аудиозаписи, но он не видел ее лицом к лицу вот уже четыре года. Плевать на опасность, просто необходимо взглянуть ей в глаза, услышать ее голос, вступить в прямой контакт и проверить, среагирует ли она на него хоть как-нибудь или блокировка памяти по-прежнему действует. Когда она в следующий раз выйдет на улицу, представится прекрасная возможность просочиться сквозь узкую брешь в надзоре именно теперь, когда ее мобильный уничтожен. Она купит новый, который снова должным образом клонируют и подключат к прослушке, но пока уши соглядатаев фиксируют происходящее только в ее доме и в машине.

Если они поставят ее под личное наблюдение, он моментально заметит слежку. Возможно, и за ним следят, но он бросит эту работу в тот же день, когда не сумеет оторваться от хвоста. На самом деле «бросить эту работу» можно только посмертно.

А пока остается только выжидать.

* * *

Лизетт снова задремала, потом проснулась, чувствуя себя так, словно ее избили и выкинули в канаву на обочине дороги. Головная боль и тошнота исчезли, но забрали с собой все силы. «Откуда я знаю, каково это — быть избитой и выброшенной в канаву?». Лизетт едва не рассмеялась, если бы не отвратительное ощущение, что в течение пропавших без вести двух лет испытала это на собственной шкуре.

Вместо того чтобы активно покопаться в голове — потому что страшилась тошнотворных последствий подобных изысканий, — сделала глубокий вдох, скатилась с кровати и попыталась сообразить, чем заняться. Сегодня пятница, по правилам она должна сейчас быть на работе, стало быть, придется отступить от обычной рутины. Оставшись дома из-за болезни, Лизетт ощущала дискомфорт, словно прикрываясь недугом, оправдывала безделье.

Теперь, когда самочувствие улучшилось — не считая «избили-и-выкинули-в-канаву», — можно пойти к врачу, но визит казался глупым. И что она скажет? «Утром мне стало плохо, но сейчас уже полегчало, и, кстати, похоже, два года назад мне сделали пластическую операцию, но я этого совершенно не помню. У меня повреждение мозга или я спятила?». Не хотелось ложиться в больницу на обследование, захороненный глубоко внутри тревожный колокол внезапно загудел при мысли, что кто-то запросит историю ее болезни.

Живот не беспокоил, голова не болела, так что Лизетт решила сделать что-нибудь полезное. Лучше всего вести себя как в обычные выходные, например, заняться уборкой, ведь она ненавидела кавардак вокруг себя. Лизетт весьма поднаторела в наведении порядка — в том числе в выстраивании фактов в ряд — и всегда следовала установленному дневному расписанию.

Осторожно села на постели, прислушалась к себе. Пока все хорошо. Неуверенно встала, страшась, что организм взбунтуется, если двигаться слишком быстро, и выползла из спальни. В кухне положила руку на кофейник, который давно выключился, кофе безнадежно остыл, но можно разогреть в микроволновке. Большая чашка бодрящего напитка станет первым шагом на долгом пути к нормальному самочувствию.

Ну... может, и не станет. Страшно бросить что-то в желудок, пока нет уверенности, что еда там и останется. Ее так сильно рвало, что мышцы живота до сих пор болели от

напряжения.

Вместо этого направилась по коридору в небольшую комнату, которая иногда превращалась в домашний офис, хотя Лизетт редко работала дома. Здесь она выписывала чеки на оплату счетов, иногда раскладывала пасьянс на компьютере, чтобы скоротать время, блуждала по всемирной сети, раз в год передавала по интернету заполненную налоговую декларацию.

Налоги.

Вот оно. Хотя декларации не обязательно хранить больше трех лет, кажется, она ни одной не удаляла. Это просто факты, как и все прочие, только старые.

Обретя цель, Лизетт села перед компьютером, поразмыслила, затем встала и отключила модем. Можно ли отследить ее действия через модем? Неизвестно, но осторожность не повредит. Открыла корневую директорию своего диска и нажала на папку «Налоги». Пытаясь защититься от головной боли, тихо бормотала, что просто чистит диск от ненужных файлов. Вот и все. Обычное дело, а совсем не попытка оживить болезненные воспоминания.

Едва увидела документы только за последние три года, как в голове предупреждающе застучало. Лизетт закрыла глаза и мысленно переключилась на шоу, которое накануне вечером смотрела по телевизору, потом на соседскую собаку — мохнатую вредную шавку. Лизетт любила собак, но этот уродец — настоящая заноза в заднице. Намеренно сосредоточилась на песне, которую слышала вчера по радио, от навязчивого мотивчика невозможно избавиться, разве что сознательно начать напевать что-то другое, такое же прилипчивое, чтобы две мелодии аннигилировали друг друга. К ее облегчению, подступающая головная боль исчезла.

Лизетт сделала глубокий вдох и продолжила исследования. Ладно, в папке «Налоги» декларации только за три последних года. Вдруг она просто забыла, что удалила более старые файлы? Не бог весть какое важное событие, так что забывчивость в данном случае ничего не означает.

Затем открыла правый ящик стола и вытащила чековую книжку. Лизетт по-прежнему оплачивала счета по старинке, чеком по почте, а не электронным переводом, потому что так казалось более упорядоченным и безопасным, да и более быстрым, черт возьми. Аккуратные тонкие книжечки с оторванными корешками чеков, отдельно за каждый год из последних двух. За третий год — в черной коробке. Лизетт покопалась на дне коробки и вытащила самую старую книжку.

Это ее почерк? Да, несомненно. Были ли какие-то необычные платежи? Очевидно, нет. Пролистала одну книжечку до конца, затем следующую, тревога усилилась. Регулярно платила по счетам, вот и все. Похоже, никогда не интересовалась внешним миром, никогда не ездила в путешествия, не проявляла вообще никакой активности. «Я всегда была такой клушей?» И хотя было страшно углубляться в подобные размышления, все же отметила: нет, вряд ли. Не вяжется. «Черт, тоскливый образ жизни принадлежит мне не больше, чем чужое лицо в зеркале!»

Осенила еще одна идея: кредитные карты. Лизетт вытащила папку с распечатками платежей с двух карт — American Express и Visa. Перелистывая страницы и глядя на перечень расходов, только качала головой. Редкие покупки, по большей части раз или два в месяц, и вполне обычные вещи: бензин, продукты и тому подобное. Самый старый отчет трехлетней давности.

Встала, взяла сумочку и вытащила свою American Express. Выдана три года назад.

Вот дерьмо.

А ведь она не помнит, как подавала заявку и получала эту карту — еще одна часть чудовищной головоломки.

Снова вернулась к отчетности по кредиткам, просмотрела, отмечая, что приобрела. Как и в чековой книжке, ни одна покупка ничего не говорила о ней как о личности, ничего не указывало на ту женщину, которую Лизетт ощущала в глубине души.

Не приобретала ни билетов на концерты, ни каких-либо ювелирных изделий, ни шикарных туфель. Вроде бы даже хорошо, потому что она не помнила, как ходила на концерт, а если купила билет и не пошла, наверняка рассвирепела бы. Ничего выдающегося, финансовые отчеты всегда вызывали тоску, насколько она себя помнила. А вот почему не отражена ни одна покупка боеприпасов...

Внезапная атака застигла врасплох, ударив так жестоко и быстро, и с такой силой, что Лизетт буквально ослепла от боли. Тело затряслось, и она вцепилась в подлокотники, чтобы не упасть на пол. Живот скрутило, чтобы предотвратить приступ рвоты пришлось мысленно забубнить ту навязчивую песенку, что услышала вчера по радио, ту, что ненадолго застряла в голове. Она даже исполнила несколько куплетов — ужасно, потому что невозможно петь эту прилипчивую ерунду. Но да, это был ее голос, именно тот, какой был всегда: слишком глубокий, немного хриплый и совершенно фальшивый. Приятно осознавать, что хотя бы что-то не изменилось.

Когда головная боль стихла до терпимого уровня и удалось взять себя в руки, Лизетт присела на минуту, обдумывая, что еще проверить. Наконец снова подключила модем к компьютеру, дождалась соединения и нажала на кнопку «История» во вкладках, не в поисках чего-то необычного, что выпало из памяти со вчерашнего дня, всего лишь из любопытства, вот и все. Не копалась, ища недостающие два года, просто проглядывала от нечего делать.

Почему она никогда не смотрела выпусков новостей? Сейчас ей глубоко плевать на политику, а ведь когда-то...

Лизетт тут же отбросила эту мысль, еще до того, как организм снова подвергся атаке.

Так, полистаем. Быстро пробежалась по короткому перечню посещаемых сайтов, все так знакомо. Раскладывала пасьянс. Ни одного аккаунта ни в одной социальной сети. Иногда заглядывала на YouTube. И не более того.

Чтобы запрос не навлек еще одно нападение, снова принялась мурлыкать ту же песню, сделала глубокий вдох и в самой отдаленной части рассудка спросила себя... когда я превратилась в зомби?

И чуть не рассмеялась. Иногда коллеги рассказывали анекдоты о предстоящем «зомби-апокалипсисе». Если в них есть хоть доля правды, то она подготовлена лучше большинства людей...

На этот раз не удалось избежать взрыва в черепе — неотвратимого, жесткого, как кувалда. «Это не головная боль», — подумала Лизетт, сползла со стула и свернулась на полу в позе эмбриона. Нет, это нападение... или предупреждение. Лизетт лежала на полу и всхлипывала, пока зрение не прояснилось настолько, что она сумела сосредоточиться на пятнах на ковре под столом и стулом. Концентрация помогла, и едва боль чуточку ослабла, Лизетт начала тихо напевать сама себе.

Два часа спустя, когда желудок успокоился настолько, что не извергал пищу обратно, Лизетт сидела на полу с чашкой кофе — сладкого, некрепкого, горячего — возле журнального столика с единственным найденным фотоальбом, раскрытым на коленях. Детские фотографии, с родителями, школьные — не из каждого класса, но из большинства. Ближе к концу обнаружили снимки из колледжа, всегда с подружками, которых у нее было в избытке, пока не оборвались связи. После — ничего.

Когда она перестала сниматься? Не то, чтобы она особенно фотогенична, и все же, почему нет фотографий о...

О чем? Она только ходила на работу, читала и смотрела телевизор. Не вступила в члены спортивного клуба или кружка по увлечениям, ни с кем не встречалась... причем очень давно, что действительно странно, поскольку Лизетт помнила времена, когда была компанейской девчонкой. Но с тех пор много воды утекло... Печально. Так что ей фотографировать сейчас? Одинокий обед на собственной кухне?

Последние два часа Лизетт осторожно экспериментировала, исследуя границы этого странного дерьма, которое с ней творится. Теперь она научилась издали распознавать признаки наступающей головной боли и тошноты и уже не сомневалась, что приступы вызываются любыми раздумьями о пропавших без вести двух годах. В голову не приходило ни убедительного объяснения, ни мало-мальски правдоподобной версии происходящего, но она все же не утратила здравый смысл, поэтому верила в увиденное... и в собственные ощущения.

Вопросы — даже без привязки к запретному периоду — о том, почему она перестала сниматься, тут же породили первые, уже узнаваемые признаки недуга, поэтому Лизетт, дабы избежать нападения, снова вернулась к детским фотографиям. Хэллоуин, Рождество, летние каникулы на пляже. Черт, какой же худышкой она была! Этакая жердь на ходулях! Концентрация на четких давнишних воспоминаниях сделала свое дело, и Лизетт снова обрела контроль над собственным телом.

В дверь позвонили, и она чуть не выпрыгнула из кожи. Ударилась плечом о журнальный столик, кружка в руке дернулась, заляпав все вокруг светло-коричневыми брызгами. Лизетт поставила чашку, отложила в сторону фотоальбом и поднялась на ноги.

Волосы на затылке встали дыбом. Ледяной озноб тревоги пробежал по позвоночнику, внутри зазвучал сигнал опасности.

Кто мог прийти утром, ведь всем ее знакомым прекрасно известно, что в этот час она обычно на работе? Для почтальона слишком рано, да Лизетт и не ждала ни посылок, ни писем, за которые надо расписываться, — единственная причина, по которой посыльный принялся бы звонить в дверь. Назойливые продавцы в последнее время редко докучали, а с единственной подружкой, которая могла навестить, с Дианой, разговор уже состоялся.

Лизетт крадучись подошла к двери, хлопала себя руками, ища оружие, которого не было. Отступила в сторону, опасаясь выстрела через дверь... дерьмо! Тут же замурлыкала песню под нос, концентрируясь на прилипчивой мелодии, увертываясь от взметнувшегося молота боли, готового снова обрушиться на голову.

Тошнотворное ощущение пошло на спад, но Лизетт все еще подозрительно косилась на дверь. Сердце вдруг бешено заколотилось, словно снаружи притаилась ядовитая змея,

готовая атаковать. Такая реакция как минимум... необычная и, безусловно, настораживающая. Еще вчера она бы открыла дверь, как нормальный человек, с любопытством и с уверенностью в себе. Теперь же она настолько встревожилась по поводу неожиданного визитера, что никак не могла успокоиться. Что делать? Возможно, если проигнорировать звонок, незваный гость просто уйдет. С другой стороны, вдруг это грабитель, который проверяет, есть ли кто дома, прежде чем взломать заднюю дверь, тогда лучше все же спросить: «Кто там?» или хотя бы посмотреть в глазок, может, удастся обуздать взвинченные нервы.

Но она не успела ни на что решиться, потому что раздался знакомый голос:

— Э-гей, Лизетт, ты дома?

Сердце вернулось к нормальному ритму, мышцы расслабились. Никакая там не змея, просто любопытная кумушка, которая вечно кричит «Э-гей!». Ради Бога, кто теперь так говорит, кроме героев старых комедий?

Снова напрягшись, Лизетт выдохнула, смирилась и открыла дверь. На крыльце стояла соседка. Мэгги Роджерс жила в доме слева не менее трех лет, насколько Лизетт помнила. Вдова, слишком молодая для выхода на пенсию, но безбедно существующая на страховку за покойного мужа. Серебристо-белые волосы, коротко стриженные, слегка крикливая, но, безусловно, модная стильная одежда, красивое лицо, выглядевшее моложе благодаря стрижке — по утверждению самой Мэгги, — стройная спортивная фигура и неизменно таявшащая собачонка на руках, которая, как ни странно, окрасом соответствовала цвету волос общительной вдовы.

Шавка внимательно вглядывалась в хозяйку дома темными глазами-бусинками. Лизетт вообще-то нравились собаки, но только не те, которые по виду смахивали на грызунов. Чтобы не поддаться гипнозу этих глаз-бусинок, пришлось старательно смотреть только на Мэгги.

— С тобой все в порядке? — спросила та. — Увидела твою машину на дорожке и заволновалась.

Мэгги шагнула вперед, Лизетт автоматически сделала шаг назад и — вуаля! — соседка без приглашения вошла внутрь. Лизетт разозлилась на собственную уступчивость, хотя вынуждена была признать — обычно она избегала любых конфронтаций, ни с кем не спорила, всегда была... пассивной.

Мэгги крепко держала собачонку, не позволяя непоседе прыгнуть вниз и затеять игру «попробуй поймай» в чужом доме. Соседка внимательно оглядела комнату, но в этом не было ничего необычного. Каждый раз, когда они сталкивались, Мэгги впивалась в Лизетт глазами, словно выискивала какой-нибудь признак того, что Лизетт тайная нимфоманка, или наркоманка, или еще что-нибудь столь же непристойное. Увы, происки любопытной кумушки обречены на провал, поскольку Лизетт не приходило в голову ни единого мало-мальски непристойного эпизода в ее жизни... черт побери.

— Ты никогда не прогуливаешь работу, — почти осуждающе констатировала гостя, словно Лизетт внезапным отступлением от обычного графика нарушила устои мироздания.

Ладно, крайне неприятно — но совсем не удивительно, — что Мэгги настолько осведомлена о ее распорядке дня, ведь соседка из тех, кто вечно торчит у окна и следит за всеми вокруг, чемпионка по подглядыванию из-за занавесок. Лизетт удалось сохранить нейтральное выражение лица. Даже имей она достаточно денег, чтобы сидеть дома, общение с этой фифой хуже любой работы. Вся жизнь миссис Роджерс заключалась в наблюдении за

соседями и контроле за каждым их шагом, она категорически отвергала концепцию «не лезь в чужую жизнь», поскольку искренне считала, что имеет полное право проявлять интерес к ближним.

И все же...

— Приболела, — пояснила Лизетт.

Орлиный взор Мэгги обшарил хозяйку дома — спортивные штаны и футболка, наряду с отсутствием макияжа и слишком бледным лицом, подтверждали сказанное.

— Этого я и боялась. Чем могу помочь? — спросила миссис Роджерс и наконец посмотрела прямо на собеседницу прощупывающими, пронизывающими светло-голубыми глазами. — Боже, ужасно выглядишь, — искренне добавила сердобольная гостья.

«Вот спасибо», — ехидно подумала Лизетт и тут же устыдилась — пусть соседку толкнуло на визит банальное любопытство, но все же Мэгги пришла проведать и даже предложила помощь.

— Ничего страшного, просто желудочное недомогание. Мне уже немного лучше. Пока не рискую съесть что-нибудь основательное, зато пью много жидкости. На самом деле я собиралась переодеться и сходить в аптеку или «Уолмарт» за кое-какими вещами.

— С удовольствием куплю тебе все необходимое. Давай список.

Аспирин, травяной чай, мешок для льда, одноразовый сотовый телефон... мысленно принялась перечислять Лизетт и тут же заткнула внутренний голос, чтобы не навлечь очередной приступ.

— Спасибо, но надеюсь, что свежий воздух меня взбодрит.

Вежливый способ сказать: «Спасибо, но нет, спасибо, и до свидания».

Но Мэгги намеку не вняла, села на диван — крепко держа собачонку, которая всячески извивалась, стремясь вырваться на свободу, — посмотрела на пол и заметила открытый фотоальбом возле журнального столика.

— Ах, ты смотрела старые фотографии.

— Угу.

Лизетт, в свою очередь, разглядывала соседку, с комфортом расположившуюся на софе и явно не собирающуюся уходить. «Вдруг Мэгги точно помнит, когда я сюда переехала — три или пять лет назад?» — неожиданно осенило Лизетт. Вопрос, конечно, эксцентричный... К тому же, а что если дом прослушивается?

— С тобой все в порядке? — подозрительно посмотрела на нее гостья.

— Хм... Вроде в порядке. А что, не похоже?

Мэгги как-то неопределенно хмыкнула, то ли от беспокойства, то ли от любопытства, иногда трудно уловить различие.

— Ты напевала. В этом, конечно, ничего необычного, — поспешно добавила миссис Роджерс, — просто у тебя странное выражение лица.

— Извини, — пробормотала Лизетт, недоумевая, с какой стати просит прощенья.

Выяснив, что одним из способов избежать мучительной атаки является мурлыканье назойливой песенки, Лизетт настолько автоматически вызывала в голове прилипчивый мотивчик, что почти не осознавала, когда начинала напевать.

— Знаешь, как раздражает мелодия, от которой невозможно избавиться? Типа старой песни «Оскар Майер Винер». Или что-то вроде.

Неожиданно Лизетт заинтересовалась, почему Мэгги пришла. Почему явилась лично, а не просто позвонила? Раньше эта особа казалась обыкновенной не в меру любопытной

соседкой, но что, если гостья совсем не такая? Сколько миссис Роджерс на самом деле лет? Пятьдесят? Возможно, и меньше, серебристо-белые волосы старят, но вряд ли кто-то назвал бы вдову пожилой женщиной. Гладкая кожа наоборот молодила, в противовес цвету шевелюры. Легкий макияж был нанесен умело и практически незаметен, что требует мастерства и твердой руки. А под свободной аляповатой одеждой угадывается стройная, подтянутая фигура. Как насчет развитых мышц? Миссис Роджерс в хорошей физической форме? Похоже на то. Судя по гибким движениям, вряд ли страдает артритом или артрозом суставов.

Лизетт тайком изучала гостью. Кисти рук, да, они способны выдать истинный возраст, но открытые участки кожи, выглядывавшие из густой собачьей шерсти, выглядели гладкими и безупречными.

И собака. В щедро украшенном ошейнике можно спрятать все что угодно — камеру, диктофон...

Лизетт схватила чашку и отступила назад. На этот раз казалось невозможным мурлыкать или напевать вслух, но она упрямо завела песню в голове, сосредоточившись на словах, пока они не заглушили все остальные мысли. «Веди себя нормально! — кричал внутренний голос. — Нормально!».

— Прости, — выпалила Лизетт. — У меня ужасные манеры. Полагаю, виновато недомогание, ведь я так давно не болела, что не помню, когда в последний раз брала больничный. Слава Богу, похоже, все проходит, — неуверенно улыбнулась она и направилась в кухню. — Хочешь кофе? Я как раз собиралась заварить свежий.

— Прекрасно, — прощепетала Мэгги, убив надежду, что откажется и заверит, будто зашла только убедиться, что у соседки все в порядке, и теперь может со спокойной душой вернуться домой.

Лизетт глубоко вздохнула и вошла в кухню. Веди себя нормально.

Почти час прошел, прежде чем Мэгги наконец поднялась, по-прежнему держа песика, которого, как выяснилось, зовут Рузвельт — явный чемпион по самой нелепой кличке среди крошечных мосек, которую когда-либо слышала Лизетт, — и отправилась восвояси. Что за женщина отважилась бы на столь продолжительный визит к соседке, подхватившей непонятный вирус? Ипохондрик, для разнообразия решившая по-настоящему заболеть? Настолько изнемогающая от недостатка общения особа, что рискнула подцепить инфекцию? Просто крайне любопытная пронира? Или миссис Роджерс шныряет окрест, пытаясь выяснить что-то конкретное... Что именно?

Каждый раз, когда возникали подобные предположения, немедленно накатывала головная боль и приходилось мысленно отступать.

Пока Лизетт готовилась выйти на улицу, снова позвонила Диана, чтобы справиться о самочувствии подруги. Лизетт откровенно сообщила, что ей гораздо лучше, уже несколько часов почти не выворачивает и она даже собралась сходить и купить кое-какие медикаменты на тот случай, если опять станет хуже. Странно, но она чувствовала, что должна тщательно подбирать слова, что все сказанное будет проанализировано и взвешено...

Быстро начала напевать, и подкрадываясь боль исчезла. «Проклятье, да я становлюсь прямо-таки мастером по управлению манией преследования!»

Как там говорится? Даже у параноика есть враги. Но как параноику отличить настоящих врагов от мнимых? «Посмотри, с какой подозрительностью ты отнеслась к участливой Мэгги! А если бы она не таскала повсюду свою похожую на грызуна брехливую собачонку,

ты приняла бы ее более радушно? Может, неприязнь к шавке перенеслась на ее хозяйку?»

Наверное. А может, и нет.

Оказывается, психам живется нелегко — мысли без конца разбегаются.

Однако имеются установленные факты и неизвестные. Неизвестно, когда она переехала в этот дом. Неизвестно, когда начала работать в «Беккер инвестментс». И совсем неизвестно, что произошло за пропавшие два года жизни.

Но самое тревожное — она целых три года не замечала этих пробелов и даже чужого лица в зеркале.

Пока точно не выяснится, что происходит, не самое ли разумное предположить, что все эти бредовые мысли — правда? Если допущение ошибочно, отлично — ничего страшного, ничего загадочного. Но если предположение истинно, то необходимо сделать все возможное, чтобы защитить себя... от кого?

Лизетт заперла входную дверь, подошла к своей машине, припаркованной на подъездной дорожке между их с Мэгги домами, — специально не глядя на окна соседки на тот случай, если та как всегда шпионит, — и вдруг похолодела, осознав, что не помнит, как давно и где покупала этот автомобиль — серебристый «камри», со всевозможными прибабасами, надежный и ничем не примечательный. Она даже не знала, какого года эта модель.

Страховка и документы на машину лежали в бардачке. Лизетт потянулась было его открыть, но сообразила, что любопытной кумушке прекрасно видны все ее телодвижения, так что просто завела двигатель и плавно вырулила к шоссе, где остановилась и посмотрела в обе стороны, как делала всякий раз, прежде чем выехать на главную дорогу.

Казалось, эта механистическая осторожность и полное отсутствие любопытства являлись такой же неотъемлемой частью ее натуры, как голубые глаза. И эти черты теперь воспринимались неправильными, нет, не голубые глаза — они-то точно не изменились, — а все остальные составляющие ее нынешнего образа. Лизетт не позволяла себе активно думать об этом, потому что страшилась за рулем пережить приступ убийственной головной боли, но в глубине души признавала, что всё — абсолютно всё — в ее теперешней жизни совершенно неправильно. Автомобиль неправильный, дом неправильный, работа неправильная... она сама — самая неправильная.

Неизвестно, что со всем этим делать, но что-то надо делать, черт побери. Может, пора перестать докапываться до истины, скрытой в воспоминаниях, если попытки не приносят ничего, кроме ослепляющей головной боли и рвоты в качестве бонуса, а просто прислушаться к интуиции.

И пока сосредоточиться на дороге.

* * *

Благодаря спецоборудованию, установленному в ее машине, Ксавье точно знал, куда она едет. Как и люди Форджа, но если повезет, они не побеспокоятся прицепить дополнительные следящие устройства. Они же знают, где она бывала, что делала и почему. Кроме того, справедливо предположить, что Фордж по уши загружен выяснением, откуда Ксавье получил так много информации о его команде, и затыканием дыры в системе безопасности. Какое-то время все служивые будут очень заняты.

А он пока займется собственными планами.

* * *

Остановившись на первом красном сигнале светофора, Лизетт наклонилась и открыла бардачок, чтобы вытащить права и оригинал договора на покупку автомобиля. Она знала, что они там, но никогда раньше в них не заглядывала, опять же, из-за отсутствия любопытства, что теперь казалось ей глубоко противоестественным. Светофор позеленел почти сразу, Лизетт опустила бумаги на сиденье рядом, решив подождать следующей остановки, чтобы прочитать, но внезапно передумала, развернула документы и положила на рулевое колесо, выискивая даты.

Три года. Права выданы и машина куплена три года назад, словно пять лет тому Лизетт прекратила существование, но после двухгодичного перерыва вернулась к жизни уже новой, предусмотрительной, скучной, соблюдающей неизменный порядок женщиной, которая даже ни разу не ходила на свидание в течение последних трех лет.

Может, причина не более зловеща, чем дорожная авария, что объясняет пластическую операцию лица и провал в памяти. Однако отнюдь не объясняет тот факт, что после автокатастрофы явно была вполне дееспособной, раз купила дом и машину и нашла работу, и это никак не вяжется с полностью забытым двухгодичным периодом. Людям с тяжелыми черепно-мозговыми повреждениями, повлекшими амнезию, не так-то просто снова начать жить полноценной жизнью; применяются разнообразные виды интенсивной терапии, чтобы вернуть память, и насколько Лизетт знала, амнезия касается событий до несчастья, а не после. В общем, логичный вывод: причина всего — не физическая травма.

Умственное расстройство, паранойя — более вероятно, чем авария, но куда страшнее: кому понравится внезапно осознать себя сумасшедшим? Но разве психически больные люди просчитывают различные возможности? Или же они просто полагаются на волю случая?

Нет, чутье — слишком ненадежный спасательный круг для рассудка.

Экран навигации в приборной панели привлек внимание. Автомобиль оснащен GPS. Значит, можно контролировать все передвижения машины, куда бы она ни поехала. Мало того, что из памяти выпал момент покупки этого автомобиля, Лизетт сильно сомневалась, что вообще захотела бы его купить. Может, тачку выбрали за нее, и машина попала к ней уже оснащенная всевозможными жучками и устройствами слежения. Лизетт понятия не имела, как это проверить, но точно знала, что это возможно.

Веди себя нормально. Во что бы то ни стало веди себя нормально.

Она свернула на стоянку возле аптеки «Уолгринс», ближайшей к дому. Прямо возле въезда имелось свободное место — лучше не придумаетшь. Только начала туда за руливать и вдруг резко свернула и объехала всю парковку, пока не нашла пустое место в самом конце, где и остановилась передом к воротам — так легче выехать если что. Если понадобится побыстрому смыться, лишние маневры уничтожат драгоценные секунды, а возможно, и жизнь.

Холод пробежал по позвоночнику, череп заломило. Внезапно завопил внутренний голос, и услышанное ей совсем не понравилось.

Они подсматривают.

Они подслушивают.

Они всегда у тебя за спиной.

Ксавье посмотрел на экран ноутбука, лежащего рядом на сидении грузовика. Ее автомобиль обозначался мигающим маячком, и сейчас этот маячок застыл на месте. Сверился с картой — Лиззи припарковалась у одной из аптек «Уолгринс», хорошо, она так и сказала, что собирается в аптеку, а именно эта — ближайшая к ее дому. Поехала напрямик туда, никаких незапланированных остановок, другими словами, все нормально.

Главный вопрос: если она что-то вспомнит, станет вести себя как-то по-особенному или нет? Если вернулась хоть частичка памяти, не постарается ли она держаться и действовать как обычно, чтобы не выдать свою осведомленность, пока вырабатывает план? На расстоянии невозможно угадать.

Ксавье снова глянул в ноутбук, убедился, что ее машина стоит на прежнем месте, и помчался жестко и быстро, подрезая водителей, проносясь на желтый, в общем, на корню пресек попытки гипотетических соглядатаев проследить его маршрут. Кроме своих бойцов, разумеется. Через несколько часов он с ними свяжется и — в зависимости от поступков Лиззи — отдаст кое-какие распоряжения, но не сейчас.

Ксавье знал, что на его грузовике не прилеплено чужих следящих устройств, потому что постоянно проверял, все ли чисто, и модель была старая, не оснащенная системой навигации и прочим дерьмом Большого Брата, так что любопытные никогда не узнают, где он был, как долго или с какой скоростью гонял за рулем. Расход бензина зашкаливал, зато дверцы настолько укреплены, что выдержат и бронебойный снаряд, мощность больших восьми цилиндров и огромный бензобак позволяют обогнать любые транспортные средства, приваренная спереди массивная решетка поможет прорваться сквозь любую преграду, если кто-то попытается встать на пути. Пока не случалось необходимости использовать дополнительные возможности грузовика, но Ксавье всегда заблаговременно учитывал экстремальные вероятности.

Время поджимало. Если Лиззи зашла в аптеку, выбрала все необходимое и быстро расплатилась, то он ее уже не застанет. Она сразу поедет обратно домой, и в таком случае этот шанс рухнул. Ксавье жаждал увидеть ее лично, собственными глазами, слишком много лет он держался в стороне, даже не проезжал мимо ее жилища, но так было, пока сохранялся статус-кво. Если что-то поменялось, он должен знать наверняка. Ксавье здорово рисковал, но именно поэтому Фордж ни за что не предугадает его действия.

Иногда умнее всего выкинуть что-нибудь бессмысленное, особенно когда другие рассчитывают, что он будет благоразумно выжидать.

Дорожное движение в этом районе и в лучшие времена требовало неистощаемого терпения, но, слава Богу, час пик еще не наступил, так что Ксавье домчался до «Уолгринс» в рекордные сроки. Если бы он не установил на ее машину следящее устройство, то не успел бы двинуться в путь почти одновременно с Лиззи и наверняка опоздал бы.

Он быстро осмотрел стоянку, выискивая нужную тачку, ведь ему известны марка, модель, цвет, даже номерной знак автомобиля Лиззи. Прямо возле входа в аптеку стояло несколько машин, ни одна не принадлежала ей, хотя имелись пустые места. Наконец он заметил ничем не примечательный серебристый «камри», оставленный в самом заднем ряду, да так, что занимал два места, причем капотом к выезду.

У Ксавье тяжело качнулось сердце. Он и сам у торговых центров всегда парковался

именно таким образом, потому что доля секунды может спасти жизнь. Потому что ценил возможность выехать немедленно, имея свободу маневра, не теряя времени на повороты и прочие мелочи, которые способны задержать и тем самым провести тонкую грань между жизнью и смертью.

И теперь Лиззи оставила свою тачку в глубине, проигнорировав пустые места куда ближе к зданию. Может, они были заняты, когда она приехала, но это не объясняло, почему именно капотом к выезду. Может, он чересчур подозрителен, люди часто бросают машины как попало — иногда по наитию, иногда по неумению. Может, она заняла место, а некто, стоявший впереди, потом уехал, вот она и расположилась с комфортом. Не следует себя накручивать. Но и отмахиваться от подозрений тоже не стоит.

Ксавье объехал стоянку, нашел свободное место в самом последнем ряду и вышел из грузовика. Перед тем как покинуть квартиру, он надел джинсовую рубашку поверх футболки, но не застегнул, чтобы без проблем дотянуться до пистолета. Проницательный глаз способен уловить, что он вооружен, но если кто заметит, Ксавье всегда может предъявить поддельный жетон. Да, иметь фальшивку — противозаконно, как и многое другое из того, чем он занимался, так что он не переживал. Даже если кто-то всерьез вознамерится сдать его копам, полицейские тут же его отпустят, едва взглянув на удостоверение.

Адреналин вскипел сначала в жилах, потом в сердце, потом во всем теле, а затем Ксавье окунулся в ледяное спокойствие и все чувства обострились, как происходило всегда, когда он настигал добычу.

Автоматические двери распахнулись, в нос ударил специфический аптечный дух, слегка синтетический, слегка лекарственный, едва уловимый под приторными запахами косметики и лосьонов. Прохладный воздух хлынул в лицо, Ксавье моментально принялся сканировать пространство — так же, как при возвращении в квартиру, так же, как если бы никого не искал. Вероятно, она в отделе медикаментов, поэтому он миновал стеллажи с макияжем, игрушками и сладостями, длинными ногами быстро обходя помещение.

Вот она... Прогуливается вдоль полок с шампунем и прочим дерьмом. Спина к нему, в руках — пластмассовая корзинка для товаров. Без сомнения, это она... он сразу узнал эту гриву темных волос, разворот плеч, наклон головы и... черт бы все побрал, упругую фактурную попку. Лиззи... собственной персоной, после долгих лет, когда ему оставалось только слушать ее голос и разглядывать фотографии.

И все же заставил себя притормозить и внимательно оглядеться. Никто не смотрел на нее. Никто не смотрел на него. В проходе, кроме Лиззи, никого не было, ближайшим к ней человеком оказалась полная седая сотрудница, чуть дальше загружающая полки товарами.

Одна из корзинок стояла рядом с выставкой из нераспроданных предметов на празднование Четвертого июля. Ксавье схватил дезодорант и пакет с конфетами — ради маскировки, — бросил то и другое в корзину, а затем направился к Лиззи, бесшумно ступая по кафельному полу ботинками на каучуковой подошве. Специально задел ее плечом, вроде бы случайно, однако достаточно сильно, чтобы Лиззи обязательно обратила на него внимание.

Кто-то толкнул, довольно жестко, заставив отступить на полшага назад, чтобы не упасть на пятую точку. Лизетт машинально восстановила равновесие и повернулась, в голове зазвучал тревожный сигнал, она сильнее стиснула ручки корзины, инстинктивно приготовившись со всей силы огреть злоумышленника по башке.

— Извините! — проворчал мужчина низким хриловатым голосом. — Просто

задумался.

Лизетт подсознательно отметила, что он отвел глаза, и всплеск паники утих. Быстро глянула в его корзину, в дезодоранте нет ничего угрожающего... ну, возможно, шоколадные конфеты и представляют опасность, но только для фигуры, опять же зависит от того, соблюдаете вы диету или ждете ядерную войну.

Потом посмотрела незнакомцу в лицо, и сердце перестало биться. По коже побежали мурашки, словно они уже обнялись, словно каждый нерв в теле отреагировал на... химию, тепло мужского тела, тестостерон... неважно, ощущения были слишком реальными, слишком пронизывающими, слишком острыми. Волосы на затылке встали дыбом, озноб пробежал по рукам, даже соски напряглись до жестких бугорков. Режущий свет люминесцентных ламп размазался, все звуки затихли, и в течение нескольких секунд замешательства зрение сосредоточилось только на нем, на нем одном, словно они остались наедине. Гремучая смесь бесконтрольных чувств настолько напугала Лизетт, что она сжалась в комок и оперлась на полку для поддержки, потом сделала шаг назад, чтобы создать хоть какое-то расстояние между ними. Этот мацо слишком подавлял.

Во рту пересохло, губы онемели, но Лизетт продолжала таращиться на незнакомца, хотя изо всех сил старалась взять себя в руки. Никогда она подобным образом не реагировала на мужчин, никогда, даже на самых порядочных, милых, обеспеченных и самостоятельных, с которыми мечтает свести знакомство любая нормальная женщина, но уж точно не с таким... хищником. К нему никоим боком не подходят определения «порядочный» и «милый», к гадалке не ходи. Пора сматываться. Пора прислушаться к интуиции и свалить от него как можно скорее.

Пора, да. Внутренний голос прав. Но ноги отказывались повиноваться.

Лизетт вздрогнула, тело путалось в настойчивых противоречивых командах рассудка. Как бы в обморок не упасть, испугалась она, но сил не хватило даже отвести от мужчины глаза. На голову выше, плечистый, мускулистый и поджарый, в ботинках, джинсах и джинсовой же рубашке, расстегнутой поверх черной футболки. Однако куда сильнее физических габаритов поражала аура сдерживаемой мощи, а ведь он просто стоял. Однако поза идеально выверена, чтобы в любой момент без помех двинуть в любом направлении, сильные мускулистые ноги, четко обрисованные обтягивающими джинсами, — все говорит о том, что этот человек в превосходной физической форме.

Лицо худое и угловатое, точеные высокие скулы, изящный с горбинкой нос, намекающий, что в предки затесались индейцы или выходцы из стран Ближнего Востока. Выразительные черты. Темные волосы, смуглая кожа, под тяжелыми веками глаза такого темно-коричневого оттенка, что радужная оболочка почти сливается с черным зрачком. Взгляд пронзительный, ледяной и всевидящий, и когда он сосредоточил свое внимание на ней, Лизетт показалось, словно она неожиданно попала под прицел...

Череп обжег первый предупредительный укол боли, что наконец разрушило колдовские чары. Она быстро отвела глаза, сосредоточившись на этикетке шампуня, потому что сошла бы за городскую сумасшедшую, начни вдруг напевать себе под нос. Боль ослабла, она невнятно пробормотала: «Ничего страшного», старательно не глядя на него, что-то в его взгляде заставило почувствовать себя так, будто она стоит на краю обрыва и вот-вот рухнет в бездну.

Сильные мужские руки появились в поле зрения, когда он потянулся за флаконом шампуня.

— Совершенно не разбираюсь в этой ерунде, — проворчал парень, снова сразив ее темными колдовскими глазами.

— В шампуне? — слегка нахмурилась Лизетт, сдвинув брови. — А чего в нем разбираться? Намочить волосы, нанести пену, смыть. Только не говорите, что не осилили инструкцию по применению шампуня, — выпалила она и не поверила собственным ушам.

Да что с ней такое? Ведь всем известно, что никогда не следует вступать в разговор с незнакомцами — особенно с подозрительными типами, которые с виду способны свернуть тебе шею одной рукой, — никогда не провоцировать, никогда не... Можно перечислить много этих «никогда не», и еще целую кучу правил, но они истерлись и исчезли как дым, сколько она ни пыталась оживить их в голове. Лизетт не корчила из себя недотрогу, старалась быть вежливой со всеми, старалась никому не навязываться, но сейчас была готова беззастенчиво наброситься на этого парня и, самое странное... ничуть не смущалась неожиданного порыва.

— «Придает блеск волосам», — отозвался он, рот скривился в однобокой полуулыбке, демонстрируя, что вовсе не обиделся. — Взгляните сюда, — попросил незнакомец и повернул флакон, чтобы ей было видно. — «Увеличивает объем и осветляет». Что это за хрень? И зачем она мне? Если мои волосы встанут дыбом, я тут же проникну в тайны мироздания?

Лизетт посмотрела на его темную шевелюру, густую, прямую, слегка встрепанную, словно он причесался пятерней.

— Сомневаюсь, что вам необходимо увеличить объем, — заметила она и махнула дальше по проходу. — Кроме того, это шампунь для женщин. А вам нужен для мужчин.

— А в чем разница? — поинтересовался он, взглянув в указанном направлении.

— В упаковке.

— Так что насчет тайн мироздания? — скривился верзила в полуулыбке, снова повернувшись к собеседнице.

У Лизетт екнуло сердце.

— Вряд ли постигнете, подобрав правильный шампунь, но, возможно, почувствуете себя более мужественным, хотя не факт.

Выражение его лица изменилось, глаза заблестели, и незнакомец рассмеялся... кажется... скорее, прерывисто выдохнул, словно совсем редко смеялся и забыл, как это делается. У Лизетт зачастил пульс, а затем кожу обдало холодом, и она внезапно осознала, что потеряла бдительность. Пора уходить, пора спастись, потому что с влечением к этому субъекту трудно справиться.

— Извините, — пробормотала она и развернулась на каблуках, пока он не сказал еще чего-нибудь.

Дошла до конца прохода так быстро, как только смогла, фактически долетела, метнулась налево и рванула к выходу. Очень нужны противорвотное средство и аспирин, оставленные в корзинке, но на очередь в кассу уйдет слишком много времени. Можно зайти куда-то еще. Например, в «Уолмарт». Пусть сбежала ни с того ни с сего, пусть даже выказала себя полной дурой, плевать.

Сердце все еще колотилось как бешеное, но Лизетт резво промчалась через парковку к своей машине. Нажала кнопку на брелке, открыла дверцу, нырнула внутрь и тут же все заблокировала. Немного неуклюже толкнула ключ в замок зажигания и завела двигатель.

Из аптеки за ней никто не последовал.

Идиотка.

Посидела несколько секунд, тяжело дыша, злясь на саму себя. Запаниковала безо всяких на то причин, просто потому, что какой-то огромный парень завел случайный разговор.

Может быть. Может, действительно случайный. А может, за маленьким эпизодом кроется нечто большее, чего она не понимала и не могла вспомнить. Как отделить одно от другого?

Ответ: никак.

«Ну, — шумно выдохнула Лизетт, — в любом случае надо заехать в «Уолмарт» за мобильником». Придется оплатить новый тариф с текущего номера, но пока она не разберется, что происходит, нужен анонимный сотовый. Обязательно убедись, что захватила два телефона, потому что один может по какой-то причине сдохнуть...

Дерьмо!

Атака была настолько молниеносной, что Лизетт не успела ни начать напевать, ни углубиться в изучение карты, поэтому всхлипнула от зверской боли и невольно попыталась свернуться в клубок, но сильно ударилась коленом о рулевое колесо. Странно, но это помогло, словно она не в состоянии воспринимать несколько источников боли одновременно, и ушибленное колено отвлекло внимание от черепа. Головная боль быстро утихла.

Веки жгло, но по крайней мере не началась рвота. Лизетт вытерла слезы и откинулась в кресле, тяжело дыша и собираясь с силами. Хорошо. Только что обнаружился еще один метод выживания. В следующий раз, когда нападение прорвет оборону, все, что нужно — шлепнуть себя по губам, например.

* * *

«Лиззи меня не помнит». Это хорошо. Это плохо. Когда она внезапно сбежала, словно у него змеи выросли из головы, Ксавье заставил себя остаться на месте. Не следовало пугать ее еще больше, к тому же неожиданными действиями можно спровоцировать парней Форджа. Просто подойти к ней — уже достаточно рискованно, зато теперь он получил ответ на свои вопросы.

Она возвращается. Сомнений нет, пусть она его пока и не узнала. Лиззи до сих пор реагировала на него так, словно между ними искрило электричество, как было всегда. Трёп о шампуне настолько походил на тот, который они когда-то вели о дезодоранте, что Ксавье с трудом сдержался. Будешь лучше пахнуть, угу, возможно, почувствуешь себя более мужественным, но не факт. Он ясно слышал ее голос, видел усмешку на лице, прежде чем схватил в охапку и впился в губы. Дерзкий рот удавалось заткнуть только бесконечными поцелуями...

Ксавье буквально сходил с ума все эти годы, наблюдая, как она постепенно тупеет, чего они и добивались... хотя сам вынужденно согласился на сделку.

Лиззи осталась в живых, правда, на самом деле не жила. Пришлось этим довольствоваться. Но теперь все менялось, Ксавье слышал эти перемены в ее голосе, видел в искрах, освещающих ее глаза. Ситуация, возможно, останется прежней еще неделю, может, месяц, не прогрессируя дальше, но он бы на это не поставил ни цента.

А вот на что точно поставил бы все сбережения — она с грохотом разнесет свою клетку,

потому что Лиззи — это Лиззи, и, как летучая мышь из ада, неизбежно вырвется на свободу.

В «Уолмарте» Лизетт перебрала массу сотовых телефонов. Что-то неотвязно крутилось в голове, какие-то мелочи, хорошо бы еще понять — какие...

— Вам помочь? — спросил продавец в возрасте чуть за двадцать, долговязый и серьезный, в криво сидевших на носу очках.

— Пока нет.

Лизетт пришла сюда с твердой решимостью обзавестись самым простым мобильником, но теперь, стоя возле витрины, засомневалась, что сумеет что-то выбрать.

— Хотите смартфон или что попроще?

— Я только смотрю. Спасибо.

«Мне нужен сотовый с номером без регистрации?» Странная идея выскочила из мрака пропавших без вести двух лет... но зачем ей такой? Знакомым можно позвонить и с обычного телефона, вроде того, который она уничтожила в порыве внезапной панической уверенности, что аппарат прослушивается. Жучки. Это факт, не выдумка. Лизетт никогда не покупала prepaid номер, но одно знала точно — его надо активировать через интернет, указав свое имя. И что ей это даст?

Ничего.

Ладно, первая задача определена — нужен телефон, который точно не прослушивается, к тому же подключенный к сети оператора сотовой связи, с которым у нее уже заключен договор. Если вытащить батарейки, то ее не смогут выследить с помощью встроенного GPS или клонировать мобильник. Разумеется, и в новый аппарат можно воткнуть жучок, но поскольку она собирается держать телефон всегда под рукой — этот вариант исключен.

Похоже, наметился выход из лабиринта невежества, в котором она блуждала с самого утра. Пусть ситуация выглядит по-прежнему бессмысленно, но по крайней мере выстраивается какой-то порядок действий, так что паника отступила, а логика вернулась.

Лизетт пошла в выходу, одержимая решимостью купить у своего оператора сотовый с prepaid номером, который даст возможность общаться, не насторожив таинственных «они» — чего она стремилась избежать. По-настоящему безопасный телефон — тот, что обычным порядком зарегистрирован на некое третье лицо, которое невозможно связать с мисс Генри. Лизетт понятия не имела, откуда ей известны такие подробности, но спокойно думала об этом, не расплачиваясь немедленной головной болью. Ура!

Она вышла из магазина, ничего не купив, даже продаваемые без рецепта лекарства от мигрени и тошноты. Разве не очевидно, что никакой инфекции она не подхватывала, раз приступ можно элементарно остановить, всего лишь сосредоточившись на привязчивой песенке или иной столь же тривиальной вещи? Нет, припадки явно провоцировали всплывающие воспоминания об исчезнувших двух годах жизни.

Что-то с ней случилось, что-то катастрофическое и, возможно, даже зловещее, хотя пока не нашлось никаких доказательств последнего. Казалось, ее беспамятной внедрили в новую жизнь и оставили плыть по течению на собственное усмотрение.

Может, у нее какая-то странная реакция на анестезию после пластической операции. Может, в этом все дело, и подозрения о прослушивании мобильника и о слежке всего лишь побочный эффект просмотренных когда-то фильмов.

Подъезжая к офису своего оператора сотовой связи за новым телефоном, Лизетт

решила, что будет крайне осторожной, пока точно не узнает, что происходит, чтобы не свихнуться.

Это ведь самое умное решение, правда?

Остальная часть дня и вечер прошли вполне нормально, по крайней мере с виду. Лизетт вела себя как обычно, на обед съела суп, ответила на еще один звонок от Дианы и сообщила, что осталась небольшая слабость, но в целом самочувствие намного улучшилось. Посмотрела телевизор. Почитала... или хотя бы попыталась. И все это время терзало отвратительное ощущение, что прослушиваются не только телефон и автомобиль, но и все комнаты. Если кто-то действительно озаботился взять её под колпак, то не на шпиговать дом следящими устройствами — значит оставить огромную дыру в электронной паутине, которую поднадзорная просто не видит.

Но как, черт возьми, проверить жилище на наличие жучков? Можно вскрыть все светильники, все лампы, но даже если что-то найдется, что делать с обнаруженной уликой? Кроме того, она несколько раз меняла лампочки, пока жила здесь, и не замечала ничего необычного. Серьезную прослушку втыкают в розетки, но без амперметра нельзя узнать наверняка... Ох. Голова... Лизетт тут же замурлыкала себе под нос, боль утихла. Черт возьми, уже изрядно надоели эти идиотские приступы! Что, если припадок настигнет в какой-то критический момент, скажем, за рулем? Так ведь можно врезаться в дом или в автобус с детьми, или натворить что-то еще не менее ужасное.

Ладно, с жучками пока ничего не поделаешь. Самое лучшее — улечься в кровать и попытаться хоть немного поспать, чтобы оправиться от американских горок боли, тошноты и нервозности, мучавших большую часть дня. Проблема в том, что нервы не желали успокаиваться. Собственное лицо по-прежнему незнакомо, как минимум два года жизни полностью исчезли из памяти... И никак не удавалось избавиться от глубинного, до мозга костей, ощущения, что за всем этим стоят неизвестные злобные они — кем бы они ни были, — которые не только украли часть ее жизни, но специально держат ее в темноте и бдительно следят, чтобы она там и оставалась.

Вся эта фигня действительно достала. «Почему я? Во что-то влипла? Нелепая случайность или я согласилась участвовать в каком-то медицинском эксперименте, в ходе которого случился сбой — сильное преуменьшение, мягко говоря, — и вот результат?» Нет, это не объясняет новое лицо. Вообще ничего не объясняет.

Пока точно не выяснится, что происходит, Лизетт решила воспринимать взвинченные нервы частью новой обыденности, с которой придется как-то справляться. Возьмем того покупателя в «Уолгринс»... запаниковала ни с того ни с сего, поставила себя в неловкое положение... но ведь он, как ни крути, незнакомец, а она все же не совсем опозорилась, например, не завопила, когда он задал вопрос о шампуне.

Воспоминания об огромном парне миготнули от мрачных размышлений. На несколько минут Лизетт утонула в чисто женском удовольствии, заново переживая сокрушительное впечатление, которое он на нее произвел. Испускал ли он особые феромоны или что? Она была так возбуждена и напугана одновременно, что весь организм перетряхнуло, словно после взрыва.

Если бы она не умчалась как дура, может, он попросил бы разрешения позвонить. Следующий большой вопрос — а хватило бы у нее храбрости дать свой номер телефона?

Внутренний голос настойчиво твердил: «Этот парень опасен». Даже если внешне в нем не было ничего угрожающего, все равно его не отнесешь к безвредным, нормальным,

обычным людям.

Странно, что так четко запечатлелось в мозгу его лицо. Особенно эти темные, рискованные, пронизывающие глаза. Такой мужчина...

Нет, нельзя позволить гормонам еще сильнее распалить воображение, которое и без того не на шутку разыгралось прямо с утра. Пора посмеяться над собой. По крайней мере мечтать о неотразимом субъекте куда приятнее, чем беспокоиться о прослушке дома.

В конце концов Лизетт понадеялась, что достаточно устала для того, чтобы заснуть, и поплелась в постель. И все же долго ворочалась, подсознание снова и снова перебирало события дня, пытаясь разобраться, пытаясь сложить головоломку. Потом Лизетт наконец задремала.

И увидела сон. Осознавая, что это сон, как иногда случалось, когда она плавала на границе забытья. Все вокруг казалось почти настоящим, там присутствовала только она сама, что немного утешило, потому что после пережитого за день не хотелось видеть кого-то еще.

Ей и раньше снились другие дома: с потайными комнатами и крутыми лестницами; из реального мира, например, тот, где она выросла, или где жила лучшая подруга в пятом классе; очень нравился таинственный особняк с невидимыми дверями и подземельем, похожий на волшебный замок.

Но сегодня приснилось нечто новое — вытянутое и изогнутое строение, с анфиладой комнат, все белое, воздушное и удивительно мирное, хотя, оглядываясь вокруг, она понимала, что заблудилась. Как, черт возьми, отсюда выбраться? Каждый раз, когда казалось, что нашла путь к выходу, обнаруживала себя в другой части дома. В окно ясно видела парадную дверь, то справа, то слева, но никак не удавалось ее найти.

Потом поняла, что он здесь, где-то потерялся в огромном доме, как и она. Он искал ее, она искала его, но стены и двери беспрестанно вставали на пути. Почему-то Лизетт не переживала по этому поводу, просто немного злилась. Или она его найдет, или он ее. Он всегда ее находил.

Надо было узнать его имя, когда они столкнулись в «Уолгринсе». Обычно Лизетт не вступала в беседы с первыми встречными мужчинами, особенно такими опасными, но ведь он первым завел разговор, ей оставалось только поддержать. Неужели это так трудно? Пока они болтали о шампуне... — или о дезодоранте? — можно было и вернуть: «Меня зовут Лизетт. А тебя?» Но не спросила... Ладно, назовем таинственного парня мистером Икс — все лучше, чем никак. Сойдет.

Лизетт во сне продолжала кружить по дому, разыскивая своего незнакомца. По какой-то причине путь пролегал через самое большое помещение — огромный зал с белыми стенами, белыми диванами, белыми стульями и белыми колышущимися занавесками. В четвертый раз оказавшись в этом месте, Лизетт рассвирепела и в порыве гнева толкнула дверь, которую раньше не замечала... Он был там, в соседней комнате, но не совсем белой.

Здесь присутствовали и другие цвета — красный, синий, зеленый и коричневый, естественные, как сама природа. Текстура и запахи вполне реальны. Он тоже вполне реален, как в аптеке — здоровенный, суровый и неожиданно привлекательный. Каких наркотиков она накачалась, чтобы испугаться его хоть на секунду? Следовало просто взглянуть в эти темные глаза и упасть в его объятия... ему единственному можно полностью доверять.

Нет... минуточку. Больше она не доверяет никому и ничему.

Хотелось сказать мистеру Иксу, что ужасно по нему скучает, но язык отказывался

повиноваться. Дерьмо. Это ведь ее собственный сон, значит, должна быть в состоянии говорить все, что хочет, но по какой-то причине внезапно онемела. Вот молча и таращилась на него, гадая, как он выглядит голым.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Лизетт ни разу не занималась сексом за последние три года. Может, дольше. Ладно, это в реальной жизни. Кроме того, она ведь не девственница, и хотя не помнила, кто был первым мужчиной, но страстно желала, чтобы им оказался мистер Икс. Внутри разверзлась мучительная пустота, острая, почти отчаянная потребность ощутить его в себе.

Это не похоть, не мимолетная нужда в небольшой сексуальной разрядке. Он необходим ей как воздух... внутри нее, над ней, под ней...

Икс рассмеялся, как в «Уолгринс», и подошел к ней. Ничего не сказал, но Лизетт твердо знала, что он хочет ее так же сильно, как она его. Он протянул руку и коснулся ее щеки, она закрыла глаза, уткнувшись лицом в большую мозолистую ладонь. Приятно, тепло и... мало.

Это ведь сон, поэтому в одну секунду они стояли лицом к лицу и полностью одетые, а потом картинка моментально изменилась, и вот они уже голые лежат на кровати в многоцветной комнате. До сих пор кровати там не было, зато появилась сейчас, широкая и мягкая — именно такая, как нужно. Отличный сон, одобрительно проворковала Лизетт в мыслях.

Она хотела его прямо сейчас. Оба голые, оба пылают страстью, она уже влажная, он уже твердый, нет никаких причин, препятствующих его поиметь. Вдруг он рассмеялся, прижал ее запястья к кровати и опустил голову, чтобы поцеловать в шею... просто поцеловать. Что это с ним? С такой эрекцией как у него хватает выдержки целовать ее так нежно, с раздражающей и ненужной медлительностью? Лизетт извивалась от нетерпения, Икс перекатился на нее и придавил своим тяжелым телом, удерживая на месте.

Кожа к коже, губы к губам, запах к запаху... всё остальное исчезло. Время остановилось. Только их тела, огромная кровать, простирающаяся в вечность, и разноцветная комната. Все настолько реальное, что Лизетт забыла про сон и утонула в наслаждении.

Восстановился дар речи, но только для одного единственного слова. «Сейчас».

Икс тоже заговорил, низким хриплым знакомым голосом, идеально соответствующим потемневшим глазам и окаменевшей плоти. «Расслабься, Лиззи. У нас вся ночь впереди».

«А если у нас нет всей ночи, умник?» Ах, да, сообразила Лизетт, это всего лишь сон. Всего лишь греза, какой бы реальной она ни ощущалась. Но сны не длятся вечно, что, если она проснется до того, как они закончат? Подобное случалось и раньше: во сне она катилась с обрыва, но просыпалась до падения на дно пропасти, или встречалась лицом к лицу с тигром, но просыпалась, задыхаясь, едва хищник взвизгивал в воздух. Но сейчас хотела разбиться о землю, хотела быть съеденной живьем. Хотела досмотреть сон до конца.

Оказывается, она в курсе, как заставить Икса поспешить, как убедить не затягивать прелюдию. Протянула руку — с трудом, потому что тела слишком плотно прижаты друг к другу — обхватила пальцами напрягшуюся плоть и принялась гладить. Икс что-то прорычал, ухватил мочку ее уха зубами и легонько прикусил, и этого ей хватило, чтобы почувствовать нестерпимую потребность... но он не лег на нее и не развел ноги, между которыми все истомилось. Рассвирепев даже во сне, Лизетт стиснула его плоть еще крепче, погладила еще настойчивее, он снова зарычал и прохрипел: «Продолжишь в том же духе, и я кончу тебе в ладонь».

Дерьмо! Безусловно, у нее совсем другая цель! Лизетт отдернула руку, хмуро сверкнула глазами, а мучитель рассмеялся.

А потом продолжил целовать, губы путешествовали от уха к шее, от шеи к груди, к соскам. Облизал тугую горошину, потом вдруг прикусил и всосал в рот, жестко, сильно, терзая языком, пока она пронзительно не вскрикнула. Лизетт невольно изогнулась, обхватила его ногами, стиснула изо всех сил и приподняла бедра, чтобы полностью вобрать в себя разбухший пенис.

Дьявольщина, Икс чуть сдвинулся, желанная добыча ускользнула, из горла страждущей вырвался дикий злобный звук, что вызвало у него еще один нечестивый злорадный смешок. Неистово, расчетливо, ловко и импульсивно, Лизетт моментально сбросила Икса с себя и тут же оседлала, поглотив его плоть прежде, чем он успел ее остановить, не позволяя утолить ненасытное желание. Мерзавец, он всегда так тянул, доводя ее до белого каления. Пусть он и здоровенный, но не настолько, чтобы она не смогла с ним справиться, особенно когда заставляла врасплох. К черту прелюдии!

Даже во сне эта ярость заставила Лизетт улыбнуться.

Но его не проведешь. Это был ее сон, но командовал все равно Икс, который мгновенно выхватил наручники и приковал оба ее запястья к спинке кровати. Наручники, должно быть, возникли из воздуха, потому что голому негде спрятать браслеты — карманов-то нет. Сны бывают такие забавные...

Икс улыбнулся. Это была улыбка хищника, во весь рот, очень похожая на оскал тигра.

Лизетт дергала оковы, разрываясь между вожделением и яростью. «Не очень-то приятно». Может, стоит надуться, хотя такие фокусы на него не действовали, но ведь они никогда раньше так не играли. И все же она совсем не испугалась, только не его. Она никогда его не боялась.

«Хочешь только приятного? — прищурился Икс. — С каких это пор?» Провел огромными грубыми ладонями по ее телу, от шеи до талии, от талии к бедрам и вниз, обводя ее фигуру так медленно, что полное исследование могло бы занять несколько часов... или дней. Лизетт трясло от мучительного желания. Трясло, когда он опустил голову и снова поцеловал ее в шею, трясло, пока его руки... забавлялись. Он весь пылал, но его прикосновения оставались нежными и жесткими, и настойчивыми, и неугомонными одновременно. Казалось, он игнорировал свою стальную твердость, свою мощную эрекцию. Идеальный любовник... если она сумеет направить его на правильный путь. Разве он не хочет ее так же сильно, как она его? Разве он не настолько же голоден?

Голоден, как тигр, ужин которого прикован наручниками к обеденному столу.

Лизетт тоже хотела его трогать, но с руками, закрепленными над головой, это невозможно. Скована, в полной его власти, но если он вообразил, что она беспомощна, что ж, придется преподать урок. Лизетт закрыла глаза и отвернулась, сосредоточившись на своей позе и рассчитывая расстояние. Она уже пыталась вырваться, так что он явно не ждет второй попытки. Толстая головка члена щекотала между ног, дразнила, соблазняла... Лизетт молниеносно обхватила Икса сильными ногами, как ножницами, и притянула к вожделенным вратам.

Время застыло. Все в ней замерло в секунде от оргазма. Икс уже рядом, уже касается, уже почти вошел. Почти, почти.

Внезапно слабый шум вторгся в интимную битву между ними. Лизетт вдруг осознала, что они не одни в огромном запутанном доме. Кто-то искал ее в белых покоях. Может,

преследователи не знали, что она забрела в эту разноцветную комнату. Может, не знали, что она нашла его. Икса. Своего любовника.

Он прямо здесь, и она нуждалась в нем больше, чем когда-либо, но времени в обрез. Она хотела удержать своего мужчину, но руки скованы. Хотела закричать, но боялась, что враги услышат. Противники могут ворваться в любую минуту, нельзя попасться им в лапы голой, но невозможно заставить себя отпустить его. Так что Лизетт подняла голову, отчаянно прижалась губами к его уху и требовательно прошипела: «Трахни меня!»

Икс снова грубо хмыкнул, но с силой толкнулся внутрь, растягивая и наполняя, глубоко, мощно, жестко.

Лизетт проснулась, содрогаясь всем телом, мучительный стон вырвался из горла, когда приснившийся оргазм исчез. Простыни разворошены, подушки на полу. Несмотря на потолочный вентилятор и кондиционер, она вся взмокла.

О, Боже, как же хорошо.

Сколько времени прошло с тех пор, как ей снился по-настоящему горячий сон? И не вспомнить... ирония судьбы — во сне привиделся тот самый парень, который в аптеке напугал ее до потери пульса.

«Одно несомненно: грезить о сексе куда приятнее, чем подозревать, что за тобой наблюдают неизвестные злодеи».

Взглянула на часы, подняла подушку с пола. 3:16 утра, слишком рано вставать, особенно учитывая то, как насыщенно и интересно она провела ночь. Сейчас Лизетт полностью расслабилась, вероятно, воображаемый бешеный секс полностью отвлек мозги от борьбы с дневным кошмаром.

Отличный способ преодолеть стресс.

Вспомнила имя, которое дала любовнику из сна. Мистер Икс. Подходяще. Вполне соответствует. Лизетт снова погрузилась в дрему, воображая, какими способами поймает его во сне.

Лизетт с опаской встретила субботу, пятница выдалась настолько кошмарной, что поневоле станешь бояться сюрпризов следующего дня. Чужое лицо по-прежнему смотрело из зеркала, два года жизни по-прежнему отсутствовали в памяти, но по крайней мере этим утром не скручивало от боли и не пришлось корчиться над унитазом, выблевывая собственные кишки. И на том спасибо.

Однако не покидало странное ощущение, словно она только и ждет еще каких-то происшествий. Мимолетно — буквально на секунду — позабавило искушение снова наведаться в «Уолгринс», вдруг удастся случайно встретиться с Иксом? И тут же мысленно закатила глаза. Не удастся. Вчера он уже купил шампунь, так что вряд ли вернется в аптеку.

На субботу Лизетт обычно оставляла домашние хлопоты, в том числе поездку за продуктами, большую часть которых закупала в супермаркете «Уолмарт», а всякую мелочевку — в ближайшей к дому небольшой лавочке. Сегодня по непонятной причине не поехала ни туда, ни туда, почему-то мысль изменить привычную рутину показалась очень удачной. Вместо этого остановилась у магазина, мимо которого каждый день проезжала по дороге на работу и обратно, но никогда не заходила. Оказалось, вполне приличная торговая точка, просторная, чистая, своеобразная, поэтому Лизетт решила не спешить. Цены немного выше, чем в «Уолмарте», зато весело поискать нечто новенькое.

Неторопливый шопинг — достаточно приличный способ провести субботний день, когда кажется, будто собственное тело и рассудок ополчились против владелицы, и ничего в жизни не имеет смысла. Приятно на какое-то время отбросить глобальные проблемы и сосредоточиться на всяких мелочах, например, изучить ассортимент, вдумчиво вчитаться в этикетки, запланировать что-нибудь на ужин, подумать о... ни о чем.

За исключением... неожиданно озадачила какая-то глупость. Лизетт застыла, глядя в холодильник. Мороженое из йогурта с черникой и гранатом. Что-то знакомое, хотя неизвестно, пробовала ли такое когда-то раньше. Оно ей нравилось? Или может понравиться? Она вечно покупала ванильное, и чертовски устала от ванили. Так что... возможно. Открыв дверь, достала стаканчик и положила в корзину, рядом с рогаликами с корицей и овсяным печеньем с изюмом. Перебрала с углеводами? Лизетт обычно придерживалась некой диеты, предпочитая здоровую еду, но сегодня выявились проблемы с выбором. Что, если все это время она употребляла продукты, которые на самом деле ей совсем не по вкусу? После пережитого накануне мысль не казалась нелепой.

Нельзя питаться исключительно углеводами, поэтому вернулась и добавила в корзину фрукты и овощи. Обычно она покупала индейку: грудку индейки, филе индейки, бекон из индейки, колбасу из индейки... до смерти осточертела эта индейка! «Видеть ее больше не хочу!» Схватила настоящий бекон, хотя пакет постных куриных грудок, вероятно, сбалансирует вред. Прежде чем совершенно лишиться равновесия и добавить что-то вроде сардин в растущую кучу, направила тележку к выходу. Пока кассирша ловко сканировала предметы, Лизетт смотрела в огромные окна, изучая парковку.

Ее автомобиль был припаркован справа и несколькими местами дальше, бампером — опять же — вперед, чтобы можно было сразу сорваться и нырнуть на дорожку, ведущую к боковому выезду. Она даже не помнила, чтобы специально выбирала эту позицию, но глядя на машину сейчас, с некоторого расстояния, ясно подмечала существенное: она готова к

побегу, если что.

И еще: нет ни головной боли, ни тошноты, только четкое ощущение, что за ней следят.

Заплатила одним взмахом кредитной карты и вынула ключи из сумочки, чтобы были наготове. Схватила пакеты — пластиковые, не бумажные — прижала к бокам, чтобы не занимать руки. Ремешки тяжелых пакетов немного врезались в плечи и мешали, но руки должны быть свободны. Кажется, раньше ее подобные мелочи не беспокоили, но теперь она живет в новой реальности.

Лизетт сошла с тротуара и направилась к своей машине, автоматически сканируя взглядом окрестности. Подобное поведение тревожило, ведь раньше она никогда не была такой подозрительной. Нет, не совсем так: не никогда, а очень давно. И каким же образом вспомнить, как именно давно? И самое интересное, почему до сего дня не обращала внимания на окружающих.

Женщина на «хайлендере» рядом с автомобилем Лизетт укладывала продукты в багажник, пока двое детей, мальчик и девочка, яростно спорили, кто где сядет.

Большинство других транспортных средств были пустыми, хотя в сером седане сидел водитель, вероятно, ожидая жену или подругу, смотрел вниз, словно набирал СМС или развлекался игрой на телефоне, но Лизетт не смогла увидеть, что у него в руках. Работник магазина, молодой скучающий парень, наверное, нанятый на лето, собирал продуктовые тележки. Молодая пара направилась в магазин, девушка в правой руке держала лист бумаги, скорее всего, список. Лизетт показалось, что они поругались. Не разговаривали, не смотрели друг на друга, держались на расстоянии добрых трех футов, ни один не стремился сократить дистанцию. У него скованы плечи, у нее сжаты губы.

Лизетт нажала на брелок, открыла багажник, уложила свои пакеты и снова осмотрелась. Еще один автомобиль вкатился на стоянку, за рулем женщина, одна, объехала парковку, выискивая место как можно ближе к магазину.

Лизетт разблокировала двери, залезла внутрь и тут же снова заблокировала. Долго сидела, не заводя двигатель. Мурашки бежали по спине. Кто-то за ней наблюдал. Черт, она чувствовала на себе пристальный взгляд, хотя поблизости не заметила ничего необычного.

А может, и нет ничего необычного. Может, внезапно рассудок атаковала гипертрофированная бдительность, вот и разыгралось воображение. Разрываясь между уверенностью, что за ней следят и что все это полная чушь, Лизетт выехала со стоянки и свернула к светофору.

Серый седан с одиноким водителем — который то ли набирал СМС, то ли играл на телефоне — тоже тронулся с места и пристроился прямо позади автомобиля Лизетт. Нахмурившись, она посмотрела в зеркало заднего вида. Он по-прежнему один.

Каковы варианты? Она быстро перебрала в уме несколько сценариев. Может, преследователь сбегал в магазин, купил что надо, оплатил раньше нее, затем задержался в машине на несколько минут, чтобы отправить сообщение. Она не видела его в магазине, но это ничего не значит. Может, парень только планировал заняться покупками, но что-то или кто-то его отвлекло, вот он и не зашел внутрь. Правдоподобно. Маловероятно, но все же правдоподобно.

Опять же, может, он действительно следит за ней. Вдруг он выхватил именно ее из всех женщин на стоянке и выбрал в качестве жертвы? Лизетт вела себя настороженно и бдительно, так с чего он решил, что она легкая мишень? Или он тащился за ней от самого дома до магазина, который она никогда не посещала? Но ведь тогда она бы его заметила?

Нет, подсказал внутренний голос, не заметила бы. Потому что мечтала о встрече с мистером Иксом, размышляла о том, что надо вести себя нормально, гадала, как бы вернуться в обычную жизнь, словно ничего не изменилось за последние полтора дня. И при всем том отправилась покупать продукты в магазин, где никогда раньше не была.

Сердце подпрыгнуло к горлу. Что же делать?

Левый поворот вел к дому. Страшно привести этого парня к своему жилищу, с другой стороны, если он таскается за ней с утра, то уже в курсе, где она живет. Лизетт попыталась обдумать последствия подобной осведомленности, но все происходило слишком быстро, а пока надо сосредоточиться на вождении. Когда светофор засветился зеленым, она повернула направо.

Так же как и седан.

Теперь Лизетт ехала по главной улице, которая в конце концов выведет к офисному зданию, где она работает. Эта часть города хорошо знакома, ведь Лизетт постоянно ездила по этим улицам. Последние три года — наверное, три — пять раз в неделю следовала одним и тем же маршрутом, от которого изредка отклонялась, к тому же ежедневно выходила на обед и прогуливалась по окрестностям. Только однажды, месяца полтора назад, из-за затянувшегося ремонта дороги приходилось добираться до работы кружным путем.

Теперь, держа скорость в пределах установленного лимита, вдруг поняла, что, хотя никогда сознательно не обследовала местность, все же прекрасно ориентировалась в этом районе. Словно часть подсознания постоянно записывала дорожные впечатления на некоем глубинном уровне.

Шоссе привело к жилому комплексу. Тупик. Следующие три дороги слева вели в район проживания среднего класса. Кажется, кроме домов там имеются поперечные улицы и парк. Чуть дальше виднелось множество ресторанов, высокое офисное здание и несколько симпатичных аллей.

Седан по-прежнему держался позади, но не прямо за спиной. «Хайлендер» — вероятно, с той женщиной, ее двумя детьми и продуктами — объехал серый автомобиль и втиснулся между ними. Лизетт включила поворотник и переместилась на левую полосу. «Хайлендер» тоже. Сердце заколотилось, ладони вспотели.

Ведь не сопровождают же ее две тачки, особенно с детьми в одной из них? С другой стороны, лучше маскировки не придумаешь! И несколько автомобилей куда эффективнее для слежки, чем один... «Не сейчас, не сейчас!» — отчаянно взмолилась Лизетт, когда череп словно раскололся. Невозможно управлять машиной, если ослепляет невыносимая головная боль. Срочно принялась напевать осточертевшую «Оскар Майер Винер», сосредоточившись на словах, пока боль не утихла и не вернулась ясность зрения.

Потом «хайлендер» свернул в район проживания среднего класса, и Лизетт вздохнула с облегчением. Однако облегчение длилось недолго. Серый седан показался невдалеке, не впритык к бамперу, но держался достаточно близко.

Не включая поворотник, свернула налево, резко и чисто. Хм. «Камри», который, как недавно представлялось, она никогда бы не выбрала, оказывается, прекрасно управляем. Замедлила скорость, посмотрела в зеркало заднего вида и увидела, что седан тоже свернул и катит позади.

У Лизетт зачастил пульс. Она сделала глубокий вдох, внутренний голос приказал успокоиться. Случайность, как с «хайлендером»? Черт, нет. Невозможно рискнуть и поверить во вторую случайность за одно утро.

Лизетт посмотрела на полосу встречного движения, ударила по тормозам и, резко крутанув руль, развернулась посреди улицы на сто восемьдесят градусов и помчалась обратно к главной дороге. Пронесаясь мимо седана, не взглянула прямо на водителя, но периферийное зрение не подвело — это тот парень со стоянки продуктового магазина, точно.

Он тоже на нее не смотрел.

Психопат, грабитель, насильник... случайный попутчик? Неважно, незачем рисковать.

Снова въехала на главную дорогу и нажала на газ. Машин немного, поэтому не составляло труда лавировать между автомобилями и резко менять полосы движения, увеличивая пространство между ней и человеком в сером седане. Лизетт сосредоточилась на вождении, на обгоне транспортных средств волосок к волоску, поэтому не отваживалась взглянуть в зеркало заднего вида и проверить местоположение преследователя.

Но когда вылетела на совсем пустынный участок, все же изучила дорогу позади. И где он? Отстал на четверть мили или около того? Трудно сказать, слишком неприметная у него машина, а детали, типа решетки и фар, мельком не разглядела.

Проехала несколько кварталов после своего офисного здания, резко свернула вправо и сбавила скорость, чтобы взять себя в руки. Еще раз свернула направо, потом налево. Миновала еле плетущийся черный пикап, сделала еще один поворот, зарулила на стоянку небольшого жилого комплекса, направилась в угол и втиснула машину в узкое пространство между белым фургоном и серым пикапом. Два громоздких транспортных средства скроют ее маленький автомобильчик, если кто-то все же отследил ее до этой точки.

На всякий случай расстегнула ремень безопасности и согнулась на сидении, так что, не приблизившись, никто не увидит, что она в машине. Автоматически потянулась к сумочке, словно там лежит что-то крайне необходимое, но пальцы замерли на кожаном ремешке. Что она ищет? Освежитель дыхания? Маникюрные ножницы?

Да, возможно, она и спятила, но в глубине души точно знала, что ищет. Свое оружие.

Сердце тяжело забилося, ноги задрожали, то ли от страха, то ли от прилива адреналина. Прямо сейчас невозможно разобраться, от первого или от второго.

Может, следует позвонить в полицию, но какого черта она скажет? Она не запомнила номерной знак, и даже если бы запомнила, мужчина в сером автомобиле не совершил ничего противозаконного. Напугал истеричку с манией преследования? Это не преступление, наверняка скажут копы. Нет, никакой полиции. Кроме того, вставить батарейки и включить сотовый — значит дать возможность определить свое местонахождение.

Вот дерьмо. Автомобиль оснащен GPS. Лизетт откуда-то знала, что следящее устройство можно спрятать в недоступном месте. Если ее передвижения отслеживают через спутник, то серый седан появится в любую минуту, невозможно от него оторваться, по крайней мере пока она находится в своей «камри». Часть рассудка кричала, что надо немедленно покинуть машину, что в ней она незащищена, к тому же... в незнакомом районе, без оружия, без прикрытия, некого позвать на помощь... и все же, что лучше: сбежать или пока остаться?

Серый седан не появился, и через некоторое время Лизетт пришла к выводу, что и не появится. Если парень за ней следил, то чисто визуально и она сумела оторваться. Отсюда вытекает: либо ее автомобиль не отслеживают через GPS, либо это случайный извращенец, не из них. Он, возможно, видел, где она свернула с автомагистрали, но впереди слишком много возможных путей, в том числе ведущих обратно к главной дороге. Лизетт мысленно

прокрутила в голове свой маршрут, рискованные повороты, небывалую скорость.

Черт бы все побрал.

В каком аду она научилась так лихо удирать от погони?

Ну, может, она слишком возгордилась. Это же не победа в гонке «Формулы-1». К тому же есть шанс, что парень вовсе ее не преследовал, а она попусту рисковала жизнью и здоровьем, спасаясь от воображаемой слежки.

Лизетт подождала еще минут пять и наконец выпрямилась. Потом помедлила еще немного, внимательно оглядывая окрестности. Хорошая позиция. Ни один прохожий с улицы не увидит ее автомобиля. Шпионы уже въехали бы на стоянку и направились бы прямо к ней. Тем хуже для них, она настолько взвинчена, что, не колеблясь, нажмет на газ и протаранит любого. Интересная идея...

Но никто не проезжал мимо. Единственная деятельность в пределах видимости — жители периодически навевались к мусорному контейнеру ярдах в двадцати. Лизетт заставила себя посидеть еще немного. Сколько нужно ждать, прежде чем можно будет спокойно уехать? Здесь нельзя оставаться, но нет никакого способа без риска покинуть это место до наступления темноты. До вечера еще далеко. Наконец схватила сумочку, повесила ремешок через плечо, вышла из машины, крадучись обогнула фургон со стороны водителя и украдкой взглянула на дорогу. Никакого движения, ничего, только ребятишки играют в мяч. Комплекс не настолько велик, дорогу автострадой не назовешь ни под каким видом. Так что по ней ездят либо местные жители, либо случайно заплутавшие водители.

Они не рассчитывали, что она здесь спрячется.

Лизетт открыла багажник, отбросив параноидальные мысли, и уныло подняла пакет с продуктами — мороженое явно подтаяло. Невозможно больше здесь торчать и невозможно покинуть эту стоянку в ближайшее время. Курица тоже наверняка потекла. В багажнике царила чертова жара, не хватало еще, чтобы все протухло. Надо избавиться от съестного как можно скорее.

Лизетт подошла к мусорному контейнеру, с сумочкой на плече и пакетом с продуктами — испорченными — в руке. Что там бессмысленные траты! Теперь придется ждать еще неделю, чтобы узнать, любит ли она мороженое из йогурта с черникой и гранатом, но будь она проклята, если раньше следующей субботы наведается в продуктовый магазин. Лизетт едва не рассмеялась. Судя по всему, она явно сходит с ума — или нет? — а беспокоится о мороженом.

И вдруг ощутила присутствие девочки, задолго до того, как ребенок открыл рот.

— Если вы здесь не живете — а вы здесь не живете, — то не имеете права использовать наши мусорные контейнеры. Я здесь всех знаю, так что не врите.

Сдерживая невольный вздох, Лизетт повернулась к девчужке, опасливо державшейся на расстоянии. Лет двенадцать, наверное, тощая, тонкие светлые волосы под выцветшей синей бейсболкой, голубые глаза, хорошая фигурка. Когда-нибудь станет настоящей красавицей, если ничего не натворит с лицом.

— Ясно, — кивнула Лизетт и подняла пакет. — Нравится мороженое с черникой? Правда, чуть подтаявшее.

Девочка прищурилась. Совсем юная, а взгляд уже подозрительный.

— Не знаю. Никогда не пробовала.

— Так же как и я, но выглядело заманчиво. Давай меняться? Мое мороженое и курица на твою бейсболку.

Головной убор скроет волосы, замаскирует лицо, когда она наконец-таки покинет это место. Подобная предосторожность, вероятно, пример бесполезности, но что-то надо предпринять.

— Я не идиотка, — вспыхнула девочка и нахмурилась. — Там яд? Наркотики?

— Конечно нет, — возмутилась Лизетт. — Просто, судя по всему, домой попаду не скоро, а выбрасывать жалко.

— Но вы несли пакет к мусорке. Зачем мне отдавать бейсболку за тухлятину?

Хороший вопрос. По крайней мере мисс Бдительность больше не обвиняет в попытке отравить первого встреченного ребенка.

— Отлично. Даю двадцатку за твою кепку.

— Договорились, — быстро согласилась девочка, удивленно распахнув глаза.

— Меня зовут Лиззи, — сообщила Лизетт, поставила пакет и полезла в сумочку за деньгами. — А тебя?

— Меня учили не сообщать незнакомцам свое имя.

— Какая ж я незнакомка? Я — хорошая знакомая, которая собирается серьезно переплатить за твою потрепанную кепку.

— Мэдисон, — улыбнулась юная собеседница.

— Кто-нибудь зовет тебя Мэди?

— Нет, — отрицательно качнула головой Мэдисон и нахмурилась, давая понять, что не переживает по этому поводу, потом сняла бейсболку, и обмен состоялся.

Взяв пакет, Лизетт повернулась и подняла его над мусорным контейнером.

— Эй! — возмущенно воскликнула Мэдисон. — Там ведь мороженое!

— Ты же не стала меняться, а продала мне свою кепку. Хочешь мороженого — придется сделать для меня кое-что еще.

— Не собираюсь копаться в мусоре.

— Отлично. Хочешь заработать еще двадцатку?

— Делать-то что? Ты не извращенка, случайно? Одежду снимать не буду.

— Слава Богу. Всего лишь помоги мне с автомобилем.

— Не умею чинить машины.

— И не надо. Тачку всего лишь требуется замаскировать.

Пару часов спустя, когда темнота окутала город, Лизетт уложила волосы под бейсболку и села за руль. Нет никаких сомнений — она вышла далеко за рамки обычной осторожности и вплотную приблизилась к краю явного безумия, но почему-то искренне веселилась. Глядя на старания Мэдисон, даже смеялась. Колпаки были сняты, приличная порция грязи залепила не только номерной знак, но и бамперы, и шины.

Чистенький, как картинка, «камри» теперь не узнать. На капоте красовалась наклейка, призывающая дочь занять место на доске почета местной средней школы, а почти всамделишная гавайская танцовщица энергично раскачивалась в такт движению на приборной панели. Мэдисон даже раздобыла клейкую ленту, которой и залепила левое пассажирское окно, словно прикрывая разбитое стекло. Если тот парень из серого седана или кто-либо другой отслеживающий ее прежний автомобиль, все еще там, высматривают и ждут, то ни за что не узнают ни ее саму, ни преобразенную тачку.

Немного грустно, что никто не пришел проведать Мэдисон за все это время, оказывается, ее мама возвращается с работы после девяти, поэтому девчонка может портить чужие машины сколько влезет, ни один взрослый не подойдет и не поинтересуется, чем она

тут занимается.

— Эй! — окликнула Мэдисон, когда Лизетт завела двигатель. Та опустила стекло, и девушка сунулась в окно. — Не мое это дело, так что можешь не отвечать, если не хочешь... ты от кого-то убегаешь, да?

Лизетт посмотрела на нее из-под козырька бейсболки и криво усмехнулась:

— Солнышко, если бы я знала...

— Эл.

Фордж повернулся, услышав свое имя, произнесенное таким резким и невозмутимым тоном, что можно, не глядя, угадать, кто пришел. Гребаный факт жизни: каждому рано или поздно приходится перед кем-нибудь отчитываться — будь то сама Смерть, Всевышний или босс. Как бы высоко Эл ни поднялся по пищевой цепочке, у него все же имелся начальник, и звали ее Фелис Макгоуэн.

— Да? — вежливо откликнулся он, словно отвечал случайному посетителю, прервавшему работу, — технически так оно и было, ведь здесь, в общем-то, его территория.

И хотя Фелис никогда не выказывала эмоций, Фордж понимал, что раздражает ее, а злить шефиню — его самое любимое занятие. Небольшую передышку посреди дня можно только приветствовать, но сегодня у Эла было дурное предчувствие по поводу визита Макгоуэн и предстоящего разговора.

— В танк, — скомандовала она, повернувшись на каблуках и зашагала прочь.

Эл ничем не выдал беспокойства, хотя определенно встревожился, и последовал за Фелис в «танк» — так прозвали звуконепроницаемую комнату, защищенную от прослушивания, насколько возможно обеспечить проклятую безопасность. Туда не разрешалось вносить сотовые, камеры, диктофоны, оружие, каждого перед входом сканировали, чтобы убедиться в отсутствии любого из этих устройств. Сказанное в танке там и оставалось.

По телевизору как-то показывали шоу, где на виду у всех жили люди в прозрачной версии абсолютно автономного бункера из оргстекла, но офисный танк был всего лишь оснащен глушилками, чтобы предотвратить прием и передачу данных. Не так эффектно, как в телешоу, зато вполне работоспособно.

Перед входом Эл снял с пояса мобильник и положил в хранилище. Потом толкнул тяжелую усиленную дверь и вошел внутрь.

Внутри танк представлял собой ничем не примечательное помещение, вдоль стола для совещаний выстроились стулья с высокой спинкой, на низком комод стояла кофеварка со всем сопутствующим ассортиментом. Жесткое флуоресцентное освещение недавно заменили розовыми лампами, потому что было замечено, что во время пребывания в этой комнате все мучились жестокой головной болью и готовы были поубивать друг друга. Работа и без того достаточно напрягает, не хватало еще страдать из-за плохого освещения.

— Что случилось? — небрежно спросил Эл, закрыв за собой дверь, словно и правда не в курсе, но это — часть игры.

— Объект В.

Фелис оперлась бедром на стол — командная позиция, чтобы ясно показать: она настроена решительно. Будучи в высшей степени доскональной, Макгоуэн старательно изучала язык тела, мимику и прочие знаковые элементы, знание которых могло дать преимущество на поле, где доминировали мужчины.

Эл несколько секунд любовался зрелищем. Фелис была привлекательной, стильной женщиной. Сорок восемь лет, разведена, мать взрослой дочери. Ясные серые глаза, светлые короткие волосы. Почти мужской стиль одежды смотрелся на ней вполне женственно. Дизайнерский брючный костюм приглушенного темно-серого цвета, однако блузка под

пришитым жакетом — глубокого синего, подчеркивающего оттенок ее глаз. Как профессионал и как женщина, Фелис ступала по лезвию бытия без единой оплошности.

Она также была единственной, чье возможное поведение в данной ситуации тревожило Форджа больше всего. Не потому, что она выйдет из себя, а как раз наоборот. Хладнокровная, прагматичная начальница без колебаний примет любые меры, которые сочтет необходимыми для локализации ущерба. Хотя именно сейчас прагматизм может сработать против них. Эл упорно старался удержаться на гребне волны, чтобы предотвратить возможные гибельные решения Макгоуэн, но всегда знал, что ветер способен подуть в другую сторону, и тогда он не сможет ее остановить.

Ксавье тоже прекрасно это осознавал.

— Объект В, — повторила Фелис.

— Похоже, никаких изменений.

— За исключением возможной бреши в системе безопасности из-за всплывшего разрыва во времени.

Эл не пытался скрыть от Фелис оговорку Уинчелла, потому что честность — пока единственный способ играть в эту игру.

— Никакой угрозы нет. Мы обратили внимание на расхождение в сроках, а Объект В — нет. Она никак не отреагировала. Правда, заболела, но, судя по дальнейшим действиям, не придавала никакого значения обмолвке начальника.

— Неизвестно. Вспомни, она ведь была очень, очень хороша.

— Это было раньше. Ее память уничтожена. Теперь она самый обычный человек, живущий в весьма замкнутом мире.

— Процесс толком не изучен. Так что я не питаю к ней особого доверия, в отличие от тебя.

— Нет оснований ей не доверять, пока нет доказательств обратного, — чуть резче заявил Фордж.

Пусть Фелис и старше по должности, но Эл никогда не раболепствовал — характер не позволял.

В мире с населением более семи миллиардов человек только шестеро живущих знали, что на самом деле произошло четыре года назад. Первоначально их было восемь, но один умер по естественной причине, о втором позаботился Ксавье... Фелис не вникала в подробности, зато Эл — да.

Шестеро — такой ничтожный процент от населения земли, что невозможно без калькулятора подсчитать, сколько там знаков после запятой. Но Фелис была одной из шести... так же как Объект В. Технически Объект В понятия ни о чем не имеет, но именно возможность того, что она в один прекрасный день восстановит память, заставляло держать женщину под неусыпным наблюдением. Объект В — слабое звено, единственная, кто не являлся частью команды и кого выбросили во внешний мир. Фелис действительно никогда ей не доверяла, но была вынуждена смириться с половинчатыми мерами.

— Приказываю установить физическое наблюдение, — скомандовала Макгоуэн, не спрашивая его мнения, просто огласила решение.

Вот дерьмо! Это может стать настоящей катастрофой.

— Ты слишком остро реагируешь, — сердито сверкнул глазами Фордж, — своими действиями подтолкнешь Ксавье, тот тоже слишком остро отреагирует, что практически гарантирует ответный удар с его стороны.

Фелис никогда не оправдывалась и не вдавалась в долгие объяснения, поэтому привела кратчайший контраргумент. Она привыкла иметь дело с конгрессменами обоих полов, со всякими комитетами, чиновниками и генералами. Такая и глазом не моргнет, наткнувшись на расшвырявшего носорога, и уж конечно не дрогнет под его напором.

— Ты всегда чересчур опасался Ксавье. Он так же смертен, как и все остальные.

— И я способен убить его в любой момент, — парировал Эл. — Черт, а он может прикончить нас, причем тоже в любой момент. Он знает это, я знаю это, ты знаешь это. Думаешь, он не готовился? У него полно вещественных доказательств на всех нас, и он установит еще больше вонючих ловушек, прежде чем мы его найдем.

— По его словам. Почему он станет свидетельствовать против самого себя?

— Потому что после смерти ему будет на всё наплевать. Это слишком рискованно, Фелис, ты можешь нанести огромный ущерб, если ударишь в открытую, разрушив достигнутый паритет.

Лицо начальницы вспыхнуло от ярости, но Фелис никогда не заняла бы своей должности, если бы не умела держать себя в руках. Если эмоции хоть раз и повлияли на принятие ее решений, Эл такого не видел. Макгоуэн забарабанила ногтями по столу, потом выражение лица разгладилось.

— Я же не посылаю к ней убойную команду. Просто хочу убедиться, что Объект В не делает ничего необычного, что невозможно уловить через прослушку.

— И все равно надо оповестить Ксавье.

— Нет. Ни в коем случае. Он решит, что это всего лишь способ до нее добраться в обход него.

Вполне вероятно, зная, в каком контексте расценивает Ксавье всякий непредвиденный случай. С другой стороны...

— Думаешь, он не заметит, что ты поставила физическое наблюдение? Крайне рискованно действовать за его спиной.

— Так отправь его на задание.

Фелис действительно редко имела дело с Ксавье, поэтому не понимала, что того никуда так просто не отправишь. Он брался за задания, если хотел. Эл с ним работал, обучал, «в поле» доверял ему больше, чем кому-либо на свете. Единственное, чего не следовало делать — недооценивать этого парня.

— Он не пойдет. Не сейчас. Ксавье установил собственные прослушки, чтобы следить за Объектом В, так что узнает о любом нарушении в ту же секунду, что и мы.

— Что? Что?! — последнее слово было почти выкрикнуто, что для Фелис означало — она вот-вот взорвется от ярости. — Ты знал об этом и не предотвратил?

— Он не будет доверять нам, если мы не доверяем ему. Он это знает, и мы это знаем.

Чтобы смягчить напряженную обстановку, Эл отправился к кофеварке, выбрал сорт зерен, засыпал в машину и подставил полистироловую чашечку. Машина зашумела, через несколько секунд закапал горячий напиток.

— Более того, ему известно, где находится наш оперативный штаб, кто у нас работает и где живут наши сотрудники. Известен твой распорядок дня, известно местонахождение твоего дома, известен адрес проживания твоей дочери. Если тебя не убедили мои предыдущие доводы, Фелис, вникни хотя бы в эти. Из всех спецagentов в мире он единственный, кого я побоялся бы разозлить.

Фелис затихла, ноздри трепетали, пока она переваривала новость, что стала такой же

мишенью, как любой из них. Фордж давно понял — умники, не нюхавшие пороха, куда охотнее готовы рисковать жизнями других, чем те, кто побывал под пулями.

Мировоззрение совершенно разное.

Ясно, что она обдумывает способы, как уберечь себя. Фордж не сомневался — Фелис и его бы ликвидировала, не моргнув глазом, если бы заподозрила, что он представляет угрозу ее безопасности, однако сейчас он в ее команде, и они друг другу доверяют. Более или менее. Но Объект В — совсем другое дело, и теперь Макгоуэн не воспринимает Ксавье членом своей команды. Таков способ ее мышления, самое сильное и одновременно самое слабое место Фелис — она никогда не сомневается в правильности своих решений. Взвешивает варианты и отдает приказ.

Эл пил кофе, Фелис мысленно разбирала и оценивала ситуацию. Наконец встала со стола.

— Тебе придется пообщаться с Ксавье, — холодно распорядилась она. — Мне нужны гарантии, что вокруг Объекта В сохранится статус-кво, так что наблюдатели прибудут в кратчайшие сроки. Я сама все устрою. Можешь его предупредить, если считаешь, что это абсолютно необходимо, но я категорически против. Будь крайне осторожен.

Эл рассвирепел, поняв, что под «сама все устрою» Фелис подразумевала привлечение неких субъектов со стороны вместо его бойцов. Отлично. Урезание полномочий — явная пощечина, к тому же вполне вероятны весьма неприятные последствия, а последним указанием Макгоуэн возложила на него полную ответственность за все, что может произойти.

Если он посвятит Ксавье в приказ Фелис и все только ухудшится, та обвинит его... но не поговорить с Ксавье — это риск, на который не пойдет ни один здравомыслящий человек.

— О, разумеется, пообщаюсь, — негромко пообещал Эл, обуздав темперамент. — В конце концов, вряд ли тебе понравится, если твоим людям перережут плотки, пока они сидят в машинах возле дома Объекта В.

— Что ж, тогда все договоренности отменяются, — процедила Фелис, — и я лично им займусь. А потом придумаю способ справиться с последствиями. Просто убедись, что он все правильно понимает.

Фелис вышла из танка, четко стуча каблуками по кафельному полу. Эл сделал еще один укрепляющий глоток кофе. Ни под каким видом нельзя передать Ксавье ее последние слова, в противном случае можно гарантировать, что завтра начальница не проснется. Почему она этого не понимает?

Потому что чувствует себя в безопасности.

И напрасно. Ни один из них не способен защититься от Ксавье.

Воскресенье прошло безо всяких осложнений, главным образом потому, что Лизетт не выходила из дома. Наводила порядок и убиралась самым тщательным образом, вознамерившись отыскать скрытые микрофоны и камеры. Закатывала ковры, отмывала светильники, даже немного сдвигала мебель. Проверила все провода, подключенные к телевизору и видеомagneитофону — вроде бы самые вероятные места для установки жучков, но телевизор висел на стене, стало быть, его нельзя отцепить под предлогом перестановки. Все остальное, насколько она могла судить, выглядело нормально.

В кинофильмах жучки вставляли в телефоны или лампы, а камеры прятали за стопками книг, оставляя для объективов крошечные отверстия, хотя, конечно, их всегда можно заметить из-за мигающего красного огонька. Какой идиот ставит скрытые камеры, сверкающие красной иллюминацией, ради какой дерьмовой пользы?

После этого соображения Лизетт приготовилась к взрыву в черепе, но... ничего, даже намек. Аллилуйя! Увы, никаких правдоподобных предположений, почему определенные мысли вызывают настолько дикую атаку, не появилось, но она была готова на всё, чтобы избежать приступа. Точно неизвестно, но, кажется, впервые эти странные размышления не вызвали дьявольскую головную боль. Вероятно потому, что в последнее время без конца думала о жучках и камерах, вот тема и стала банальной, приелась.

Наконец Лизетт пришла к выводу, что если дом прослушивается, то через проводку, которую невозможно так просто проверить. Откинула крышку аккумуляторного отсека беспроводного телефона, внимательно осмотрела, но опять же не обнаружила ничего подозрительного.

После изысканий сделала три вывода. Первое — прослушку ставили профессионалы. Второе — она не обладает достаточными знаниями о шпионском оборудовании, чтобы что-либо обнаружить. Третье — возможно, она все-таки попросту слетела с катушек. Потом отбросила последний вариант, хотя такая версия не исключена, но рассудок ее категорически отвергал. Потому что две вещи несомненны — двухлетний провал в памяти и пластическая операция на лице. Каждый раз, когда Лизетт начинала сомневаться в собственном душевном здоровье, эти два неопровержимых факта тянули обратно в полный сомнений, ничему не доверяющий параноидальный омут.

Полный абсурд происходящего — самая ужасная ситуация за всю жизнь. Не только не существует никаких очевидных причин для потери памяти и перекройки лица, но и нельзя безболезненно думать о чем-то нестандартном, о чем-то вне каждодневной рутины. Насколько Лизетт знала, все ее медицинские показатели в норме. Насколько она знала, ничто в ее жизни не могло вызвать все эти кошмары.

Насколько она знала. Вот ключевые слова.

Все, что осталось — безумная теория заговора, которая казалась чересчур надуманной по сравнению с ее совершенно обыкновенной скучной жизнью, однако являлась самым лучшим объяснением невероятных фактов из всех, пришедших на ум. Чем еще можно объяснить стойкое подозрение, что сотовый прослушивается, а автомобиль, оборудованный GPS, отслеживается через спутник, и что никогда раньше такое не приходило в голову? Или внезапное проявление навыков вождения, которые совершенно ей не присущи? Или осведомленность об одноразовых телефонах?

Словно другой человек внутри нее жаждет вырваться на свободу. Нет... это ведь раздвоение личности, а Лизетт ничего подобного не ощущала. Казалось, что ее настоящая личность старается сбежать из унылой тюрьмы. Они замуровали ее в эту жизнь — замкнутую, однообразную, тоскливую и совершенно предсказуемую, в которой один день похож на другой, что абсолютно не вяжется с ней прежней. Она всегда была готова к приключениям, к рискованным поступкам. На работе в Чикаго... Черт! Черт! Черт!

Лизетт упала на пол, схватившись за голову и пытаясь задушить стоны, сжалась в комок и лихорадочно старалась сосредоточиться на чем-то другом, на чем угодно, лишь бы прекратилось это мучение. Если кто-то подслушивает, нельзя позволить им догадаться, что с ней что-то не в порядке, ведь они могут воспользоваться ее внезапной слабостью. Она так и будет совершенно беспомощна перед атаками, пока не выяснит, чем они вызваны. Что если нападения происходят именно тогда, когда она пытается покопаться в прошлом и найти ответы на ключевые вопросы?

Подбор вариантов заставил сосредоточиться, боль утихла до терпимого уровня. Видимо, концентрация на чем-то другом — вот верная стратегия борьбы с раскалывающейся головой. Приступы случались не так часто, и теперь в большинстве случаев Лизетт удавалось быстро переключиться, пока атака не выбила из колеи. Припадок утихал только тогда, когда совершенно левая тема крутилась в голове, иначе она тут же попадала в настоящую засаду.

Но эти наказуемые мысли — ключ к прошлому. Если головные боли та цена, которую придется заплатить, чтобы выяснить, что же происходит, — она готова. Вместо того чтобы избегать спусковых механизмов, надо их как следует изучить.

Теперь Лизетт отчетливо вспомнила, что жила в Чикаго. Осталась загвоздка в тамошней ее трудовой деятельности, часть ее жизни по-прежнему утопала во мраке, окутанная мысленной пеленой. Пока достаточно, проблема ясна. Попытка рассеять туман похожа на раскачивание больного зуба. Может, хмарь постепенно расползется сама по себе, может, и нет. Неизвестно, но пассивно ждать просветления — слишком большая роскошь, так что этот вариант не годится. Теперь, когда стало понятно, где копать, имеет смысл иногда возвращаться к событиям, выпавшим из памяти, возможно, что-нибудь и всплывет.

Ключ ко всему — в Чикаго. Именно там произошла амнезия, потому что Лизетт не помнила, как переезжала из Чикаго в Вашингтон. Что-то случилось в Чикаго. По крайней мере теперь появилась отправная точка.

Поздно вечером Лизетт была совершенно измучена и полномасштабной уборкой и полным разочарованием, потому что ничего толком не выяснила, но, безусловно, готова заснуть. Приняла душ, потому что запахла во время уборки... — нет, не то, скорее, на каком-то уровне чувствовала себя грязной? — и забралась в постель на десять минут раньше обычного.

Вот бы снова приснился тот горячий парень из аптеки! Каждый раз, когда Лизетт вспоминала пятничный сон, сердце начинало биться быстрее. Это было настолько чудесно, настолько ярко и реалистично, что она практически ощущала, как он в нее входит, а когда закрывала глаза, то так же ясно всплывали в памяти накал страстей и — о-хо-хо! — крышесносный оргазм. Да, проснуться от таких жарких грез посреди ночи — дорогого стоит.

Но мистер Икс во сне не появился, так что понедельник Лизетт встретила довольно хмуро. Окунулась в привычный ритм, и не потому что находила утешение в рутине, а потому, что точно осознавала: нормальное поведение — решающий фактор сохранения благополучия.

Она следовала обычному графику и поехала на работу привычным маршрутом. Постоянно поглядывала в зеркало заднего вида, но в час пик движение крайне хаотичное, транспортные средства вливались в поток, сворачивали в переулки, лавировали, меняли полосы, так что едва удавалось отслеживать тех, кто держался непосредственно позади.

Сновало много похожих автомобилей и внедорожников. Едва машина казалась знакомой, едва Лизетт начинала ее рассматривать, как через минуту-другую... постойте, вот еще одна, идентичная по цвету, но фары чуть другие. Очень сложно крутить баранку и одновременно не отводить взгляда от зеркала заднего вида. В конце концов она сдалась и просто сосредоточилась на дороге.

В офисе Лизетт почувствовала себя в большей безопасности. Улыбнулась охраннику, остановившись, чтобы предъявить пропуск, болтающийся на шее на шнурке. Разумеется, охранник ее знал, но процедура строго соблюдалась. Вход в здание находится под контролем, и все были обязаны отметить у поста службы безопасности.

Лизетт вошла в лифт вместе с другими и набрала специальный код для остановки на этаже, где располагалась «Беккер инвестментс». Кабина начала подниматься, двигатель и кабели заскрипели. Код в лифте больше всего впечатлял клиентов. Но на лестничные клетки имелся свободный доступ ради эвакуации во время пожара. И хотя вокруг стены и люди, все же нет гарантии, что некая команда не спустится по тросам с крыши здания...

Голова!

Опасаясь, что завопит или рухнет на пол, Лизетт пристально вперилась в абстрактные узоры на блузке попугайцы. Дикая мешанина пятен, но цвета приглушенные — серые, кремовые и голубые — и неплохо сочетались.

Ладно, хорошо. Концентрация на закорючках сработала, так что напевать не пришлось.

Лизетт вышла на своем этаже, из соседнего лифта появилась секретарь приемной, и они вместе зашагали по покрытому ковром коридору.

— Доброе утро, как дела? — спросила девушка, ее звали Рей, красивая, года двадцать три или двадцать четыре.

Лизетт посмотрела на книгу в руках сослуживицы: учебник по маркетингу. Очевидно, вечерами Рей посещает курсы, наметив себе другое поле деятельности. Лизетт сразу после колледжа тоже некоторое время трудилась секретарем, а также официанткой. Странно, но последнее нравилось ей куда больше первого. Пусть работа гораздо тяжелее, но по крайней мере не приходилось сидеть сиднем, и один день не походил на другой, хотя большинство клиентов были завсегдатаями. Но конечно, ради возможности получить образование на рабочем месте, как Рей, тоже занялась бы чем-то более спокойным.

Потом вспомнила, каким была энергичным ребенком. Нет, она бы все равно стала официанткой. Ей даже нравилась задача держать подвыпивших клиентов под контролем.

Эти воспоминания, заметила Лизетт, не вызвали какой-либо реакции. Потому что нормальные. Но теперь понятно — работу в Чикаго и штурмовую группу, способную спуститься по тросам снаружи здания, следует включить в список вещей, которые необходимо обдумать. Похоже, она действительно когда-то обладала смелостью проделывать подобные трюки.

В глубине души Лизетт чувствовала, что права. Чем бы она ни занималась, где бы ни находилась, не ее это предназначение — день за днем просиживать штаны в офисе.

Едва Лизетт засунула сумочку в нижний ящик стола, как Диана просунула голову в ее кабинку.

— Привет! Оклемалась? Хотела позвонить тебе в выходные, но дети устроили полный кавардак. Только взяла трубку, как разразился настоящий Армагеддон, мысли переключились на другое, и снова вспомнила про тебя уже после того, как мы легли спать.

Детям Дианы — мальчику и девочке — исполнилось четыре и пять лет соответственно, и оба они, казалось, всячески стремились свернуть себе шею еще до поступления в первый класс. Лизетт их прекрасно понимала, памятуя о собственном детстве.

— Голова еще болит, но уже не так сильно, — поделилась Лизетт, обеспечив оправдание на случай очередной атаки. — Тошнота исчезла. После обеда в пятницу больше не тошнило.

— Хорошо. У тебя по телефону был ужасный голос. Самочувствие позволит сбегать на обед?

— Конечно. Увидимся.

Диана махнула рукой и направилась к себе. Они обедали вместе по крайней мере два раза в неделю, если у Дианы не было других дел. Ее дети, казалось, без конца генерировали всякие проблемы, начиная от посещения врача и покупки подходящих подарков на дни рождения малолетних приятелей, заканчивая заменой сломанных предметов. Жизнь Дианы заполняли перманентные ремонтно-восстановительные работы — как физические, так и эмоциональные, типа утешения после плохих новостей.

И тут Лизетт осенило. «Детям Дианы четыре и пять лет, а значит, если я действительно работаю в «Беккер инвестментс» уже пять лет, то должна бы запомнить хотя бы одну беременность подруги... но нет». Она не могла вызвать в памяти времена, когда у Дианы не было двоих детей.

Вряд ли нужно еще больше доказательств абсурдности происходящего, но персональные данные куда убедительнее документов на покупку автомобиля, водительского удостоверения и налоговых деклараций. Лизетт знала дни рождения Дианы и ее детей, и другие сведения о подруге, так что если бы проработала здесь уже пять лет, то наверняка запомнила бы беременность сослуживицы.

Следовательно, не пять. Следовательно, трудилась на Беккера и жила в том доме приблизительно три года. Что произошло в течение пропавших двух лет? Да все что угодно.

«Я точно была совсем другим человеком, и необходимо выяснить, каким именно и чем занималась». От этого зависело всё.

Лизетт думала об этом весь день, теперь ясно понимая, что живет чужой жизнью, а ее истинная личность каким-то образом была украдена. Она старательно сосредоточилась на текущих делах, создавая видимость, будто ничего не изменилось, но, возможно, ключ к разгадке прошлого — вырваться из рутины и действовать по наитию, как в той забытой жизни.

Однако не следует немедленно и кардинально все менять сразу после умопомрачительного дня. Если она сейчас под колпаком — из какого ада всплыло это словечко? — то пока не сделала ничего из ряда вон выходящего, например, не записалась вдруг в класс карате, и у них нет оснований для тревоги. Кстати, боевые навыки не помешали бы, но лучше решать задачи постепенно.

Имея все это в виду, после работы Лизетт поехала непривычным маршрутом, в другую сторону от дома, плутая по незнакомым улицам и сходя с ума в сутолоке часа пик. Собственно, конкретной цели нет, так что и спешить некуда.

Рабочий день прошел гладко — нормально, — что должно бы утихомирить непроходящую мысленную сумятицу, раздражающую до невозможности, но нет. Эта якобы нормальность совсем ненормальна, явная фальшивка, и необходимо постоянно быть начеку. Несколько раз за день волосы на затылке вставали дыбом, будто предупреждая об опасности, что свидетельствует о высоком уровне тревоги. Проблема в том, что в непосредственном окружении не обнаруживалось абсолютно ничего настораживающего. Кабинет тоже прослушивается? Кто-то из сотрудников за ней следит? Каждое нажатие клавиши на компьютере фиксируется?

Нужна долгая неторопливая прогулка на машине, чтобы успокоиться. Если кто-то за ней последует — появится возможность засечь. Если преследования не будет — она разведает районы за пределами своих обычных границ, заодно и придет в себя к возвращению домой. Нет лучшего средства прочистить мозги, чем длительная поездка, Лизетт помнила, что в прошлом всегда садилась за руль, когда что-то беспокоило, и бесцельно кружила по городу, пока подсознание не выталкивало на поверхность решение проблем.

Она ехала чуть быстрее обычного всякий раз, когда позволяло напряженное движение на дороге. Ловкое и быстрое маневрирование между машинами дарило легкие всплески адреналина, внезапно нахлынуло облегчение, будто ослаб слишком туго затянутый пояс. Лизетт, как правило, не злоупотребляла скоростью и неспешно плелась по правой полосе, словно старушка. Только не сегодня. По внезапному наитию устремилась на запад, в Вирджинию. Мили пролетали под колесами. На мгновение, только на мгновение, показалось, что вернулась способность легко и вольно дышать. Никто не догадается искать ее здесь, и никто не будет наблюдать. Если кто-то за ней и следил, она не заметила хвост.

Бессмысленно кататься вечно, поэтому Лизетт съехала на I-66, затем сделала петлю и понеслась обратно к Вашингтону. Вскоре заметила указатель к огромному торговому центру. Сердце пропустило удар. Спортивные товары.

Свернула на указанный съезд и последовала за чутьем, прямо к большим красным и зеленым знакам впереди по правой стороне. Через несколько минут показался магазин и широкие забитые полосы для автомашин.

Отлично.

Невозможно бесконечно мчаться куда глаза глядят, ну, возможно, конечно, но для прочистки мозгов существуют и более эффективные способы, которые не потребуют выложить прорву денег за бензин. Раньше она была в лучшей физической форме, в колледже иногда бегала, плавала, даже увлекалась йогой. Сейчас ничем подобным не занималась. О, да, частенько бродила по окрестностям, питалась здоровой пищей, пусть и невкусной, иногда делала какие-то упражнения под DVD, когда было слишком жарко или слишком холодно для прогулок, но все это совершенно несерьезные тренировки, если можно назвать променад по кварталу тренировками.

Такая фигня не поможет. Придется серьезно потрудиться, чтобы привести себя в форму.

Для чего существует масса способов. Можно купить гантели и начать качаться, дабы нарастить мышечную массу. Можно бегать, а не ходить. Лизетт с тоской подумала о секции боевых искусств, но тут же забраковала идею: как бы их не насторожить, кем бы ни были эти они.

Хорошо, пробежки — вот достойное начало. Тогда нужна новая пара кроссовок. Обуви у нее полно, но для бега требуется совсем иное, нежели для прогулок.

Возле входа в магазин спортивных товаров свободного места не нашлось. Разумеется, можно объехать парковку из конца в конец, но здесь было слишком оживленно, не хотелось никого задерживать, пока будет рулить в узких промежутках. Вместо этого направилась дальше и перед магазином детской одежды и пекарней обнаружила искомое. Лизетт оставила машину почти у самого выезда с парковки, так что обратно придется прогуляться, но это даже на пользу, учитывая, что она решила набрать физическую форму.

Вокруг торгового центра царил суевен. Люди входили и выходили, сновали по тротуарам, обходя ряды автомобилей на стоянке. Родители с детьми, старики, усталая женщина в фиолетовой медицинской униформе и практичных белых туфлях, подростки в немыслимых одежках. Один из них на ходу набирал текст на телефоне, ищущий судьбу. Слава Всевышнему, медсестра неподалеку, на тот случай, если глупец споткнется или, не дай Бог, попадет под колеса. Оглядываясь вокруг, Лизетт не заметила ни одного человека, кто выглядел бы здесь совершенно не к месту. Никто якобы просто так не сидел в машине. Если кто-то и приехал сюда следом за ней, то соглядатай явно профессионал, потому что ничем себя не выдал.

Решительно направилась к магазину. Двери со свистом распахнулись. Почти мгновенно нахлынули запахи, и Лизетт с удовольствием глубоко вдохнула, втянув ароматы кожи, масел и металла. Вот уж никогда не думала, что в спорттоварах так по-особенному пахнет, царит такой специфический дух, однако так и есть. Наверное, так было всегда, просто она... забыла.

Неожиданно забурлили все чувства. «Это моя территория!» На случай, если подберет себе новые кроссовки, зацепила одну из больших тележек и покатила по главному проходу.

Странное ощущение: все здесь знакомое и одновременно новое. Лизетт вертела головой по сторонам, проходя мимо полок, оценивая, прикидывая, что ей нужно, что может представлять интерес. Одновременно поглядывала на других покупателей. Никто не обращал на нее особого внимания, никто тайком за ней не следил.

Однако не такие уж они дураки, правда? Нет, соглядатаи смешаются с толпой, и она их не заметит, пока не станет слишком поздно.

Внимание привлек дальний угол, и Лизетт тут же решила, что обувь подождет. Направилась к охотничьему снаряжению, словно магнитом потянуло. В отделе так же

предлагалась многочисленная зеленая, черная и коричневая камуфляжная форма, вверху висел указатель «Все для охоты и рыбалки». То, что надо... хотя не скажешь, что внезапно обуяло желание рвануть на рыбалку.

У Лизетт от восторга закружилась голова, как у ребенка в кондитерской. «Здесь точно моя территория!»

В первую очередь приковал взор впечатляющий выбор оружия на стене: винтовки, ружья, дробовики. Сотрудник у стойки внимательно следил за покупателями, выискивая воров. Лизетт быстро — автоматически — оценила парня: каштановые волосы, маленькие глазки, лет тридцати, тощий, с хилым торсом. Посмотрел на нее, кивнул и тут же ускользнул взглядом, как от явно не своего клиента. «Много ты понимаешь, дружок». Лизетт не потрудилась кивнуть в ответ — парень уже отвернулся.

Осмотрела оружие и вспомнила желание приобрести пистолет, когда намеренно вдруг почувствовала, что вполне могла попасть в ловушку на стоянке захудалого жилого комплекса.

«Но тебе нужен пистолет, который невозможно отследить, и наоборот совершенно не нужна проверка по базам, чтобы их не насторожить».

В большой витрине с охотничьими ножами среди прочих лежали более дорогие экземпляры, но в футлярах из твердого пластика. Очевидно, более высокого качества, но не хотелось выкидывать пару лишних сотен.

Лизетт вытащила один запечатанный клинок и внимательно осмотрела. Шесть дюймов нержавеющей стали, фиксированное лезвие с небольшим изгибом. Ничего необычного: удобная длина, рукоятка прекрасно ложится в руку, лучше, чем кинжал для охоты на бегемота. Бросила упаковку в тележку, вместе с кожаными ножнами, висевшими по соседству. В следующем проходе едва не закричала от радости. Перцовый спрей! Неплохая защита, пусть не так хорош, как пистолет, но лучше, чем ничего. Когда бегаешь в одиночку — точно не повредит иметь такую пшикалку под рукой. «Каким местом ты думала все эти годы, подруга, носясь повсюду совершенно безоружная?»

Положила два баллончика в тележку, поразмыслила и добавила еще один. Три — в самый раз. В разделе для туристов нашла аэрозоль против ос и шершней и почти автоматически бросила две большие упаковки в корзину. Одну можно поставить под кровать, вторую — в ванную комнату. Ничуть не хуже перцового, к тому же струя бьет на добрых двадцать футов. Ура!

В туристическом отделе помимо прочего имелся огромный выбор рюкзаков. Лизетт долго выбирала подходящий, не слишком объемный, но со множеством молний и карманов. Нейлоновые лямки. Несколько карабинов. Постояла, раздумывая о двух последних пунктах, вспомнив, как сегодня утром представила себе штурмовой отряд, спускающийся по тросам снаружи здания. Приступа головной боли не последовало, но живот напрягся, словно... в предчувствии. «Боже мой, неужели я когда-то действительно занималась чем-то подобным?»

Вряд ли. Скорее всего, пару раз забиралась в горы. И все же идея дразнила.

Взяла несколько протеиновых батончиков, дождевик, другие вещи, которые интуитивно приглянулись. Брала предметы почти автоматически, не задумываясь, механически хватала и бросала в тележку. Если остановиться и начать размышлять, сама себя поставит под удар, а она сыта по горло этими приступами. Ей просто нужны эти вещи, нужны и всё.

Наконец остановилась посередине магазина перед внушительным ассортиментом

кроссовок.

Полчаса спустя с парой спортивной обуви, толстыми носками и блестящим черным тренировочным костюмом — кто же совершает пробежки, не экипировавшись с ног до головы? — направилась к кассе. Дни пока еще длинные, темнеет поздно. По дороге домой можно перекусить протеиновым батончиком, а там бросить сумки, переодеться и успеть побегать до наступления темноты. Никаких перегрузок, только не в первый день, однако Лизетт терзало странное желание проверить себя, оценить свои кондиции.

Дойдя до прилавка, остановилась и внимательно рассмотрела содержимое тележки. Вытащив нож, перцовый аэрозоль, протеиновые батончики, дождевик и все остальное, что хотя бы отдаленно можно рассматривать как подготовку к вторжению зомби, Лизетт выложила запасы перед кассиршей:

— За эти вещи плачу наличными. За остальное по кредитке.

Может, такая осторожность бесполезна. Может, соглядатай уже отметил перечень покупок. Нет никакой возможности узнать наверняка, но в любом случае имеет смысл подстраховаться.

На миг стало интересно, не сочтет ли кассирша ее требования странными, особенно в сочетании с подборкой товаров, но пристальный взгляд на молодую женщину успокоил — та, похоже, и глазом не моргнет, увидев перед собой лук со стрелами, красный бикини и шахтерскую каску в придачу. Вероятно, девушка ежедневно видит тут всяких чудиков.

Оплатив трофеи, Лизетт устало вздохнула. Придется сделать еще одну остановку по пути домой: банкомат, поскольку кошелек практически пуст. А ведь совершенно необходимо иметь с собой приличную сумму, хотя бы в качестве меры предосторожности. Машина выдает только двести долларов в день, но можно снять две сотни сегодня вечером, а завтра в обед наведаться в банк за более крупной суммой.

Им это не понравится.

«А мне по фигу!»

Иметь дело с невидимками крайне утомительно. И все же, хотя по-прежнему непонятно, что происходит, Лизетт почему-то не верила, что у нее душевное расстройство. Если она когда-нибудь ни с того ни с сего примется мастерить клоунский колпак из фольги, то придется признать проблему. А пока продолжим в том же духе.

По дороге домой она не петляла между машинами и не гнала... сильно. На сегодняшний день квота адреналина исчерпана, и хотя ей понравилось лихачить, пора успокоиться в своей новой/старой личности. Обретя знакомую почву под ногами, Лизетт остановилась у банкомата, специально приспособленного к обслуживанию водителей. С наличными в сумочке ощущаешь себя в большей безопасности. А завтра после визита в банк самочувствие улучшится еще сильнее.

Лизетт припарковалась на подъездной дорожке, схватила пакеты с заднего сиденья и кивнула Мэгги, выглянувшей из бокового окна своей квартиры. Соседка помахала в ответ, потом задернула занавески. С ключами в руках Лизетт направилась к входной двери. И снова волосы на затылке зашевелились.

«Не оборачивайся. Пусть они по-прежнему не подозревают, что ты обо всем догадалась».

Хоть смейся, хоть плачь. И все же не обернулась.

Мужчина откинулся на спинку водительского сиденья, чашка холодного кофе покоилась в держателе для напитков справа, мобильник — в левой руке. Спокойный район, тихий. Уже почти стемнело, и только немногие дети гуляли на улице. Нельзя здесь больше оставаться, одна из соседок объекта уже спросила, чем может помочь.

Без сомнения, самое скучное задание из всех возможных. Кому, черт возьми, он так насолил?

— Да, я ненадолго ее потерял, — еще раз пояснил соглядатай. — Но уже нашел, — добавил он, взглянув в ноутбук на пассажирском сиденье, где плавающий красный маячок указывал местонахождение автомобиля объекта. — Она заехала в торговый центр в Вирджинии. Нет, не знаю, по каким именно магазинам она болталась или с какой стати помчалась в Вирджинию. Может, там грандиозные распродажи. Она ведь женщина в конце-то концов. Объехал стоянку, обнаружил ее тачку перед пекарней. Куда именно она ходила, не имею понятия, но там имелись книжный, обувной и магазин женской одежды. Примерно через час вернулась к своей «камри» с несколькими пакетами в руках.

С места стоянки соглядатай не сумел разглядеть содержимое сумок подопечной, но она была одна и явно занималась шопингом, так что никаких особых событий не произошло. Потом поехала к банкомату своего банка. Оно и понятно — поиздержалась.

Последний парень, который потерял объект из виду, уже отправлен на какую-то дерьмовую работенку на Ближний Восток. В их специальности либо действуешь профессионально, либо на задание поставят кого-то другого.

Босс не намерен поощрять облажавшихся сотрудников увеселительной поездкой в Париж.

Мужчине предстояло следить за объектом только до вечера. Чем она займется дома — не его дело. Через час он будет свободен. Если повезет, успеет домой как раз вовремя, чтобы посмотреть последнюю пару игр Национальной лиги.

Внезапно передняя дверь жилища объекта открылась, и от скуки не осталось и следа. Что за черт?

Она остановилась на дорожке и выполнила несколько быстрых разминочных упражнений. Поднадзорная офисная мышь исчезла, соглядатай ни за что бы ее не узнал, если бы не видел, как она вышла из собственного дома. Волосы стянуты в толстый хвост. Выражение лица решительное и... опасное. Одета во все черное, за исключением темно-серых кроссовок. Ни мешковатых шорт, ни майки для бега, даже учитывая пресловутую жару и влажность Вашингтона. Рубашка навыпуск — свободная, с рукавами — достаточно просторная, чтобы скрыть под ней оружие в случае необходимости, штаны длинные и облегающие.

Да, одежда новая, но это объясняется недавним шопингом. Однако после возвращения с работы объект всегда оставалась дома на всю ночь. Наблюдатель видел ее фотографии на прогулке по окрестностям — айпод, в ушах наушники, совершенно абстрагирована от реальности, в шортах и майке, куда ничего не спрячешь, разве что жвачку. Так что выход вечером из дома, может, и необычный поступок, но отнюдь не настораживающий. И все же... она совершенно переменилась.

Решительно зашагала в сторону улицы, мужчина был готов бросить пиджак на

компьютер и запустить двигатель, если подопечная скроется из виду. Однако она повернулась и направилась в обратную сторону, и он снова расслабился, следя за ней глазами: спина прямая, хорошая фигура, медленно пробежала мимо дома соседки, затем увеличила скорость. Не смотрела прямо вперед, вместо этого изучала окрестности, очевидно, ориентируясь в обстановке. Никакого айпода. Только идиоты, бегая в одиночку, втыкают наушники, ведь так не услышишь, если кто-то нагонит сзади. Очень многих грабили из-за подобной беспечности.

Поднадзорная выбежала на улицу, напрямую на него не посмотрела, но соглядатай не сомневался — она в курсе, что он здесь присутствует.

Быстро набрал номер на мобильнике, когда абонент ответил, доложил:

— Мне кажется, что-то происходит.

Недолгое молчание, потом раздраженное:

— Что значит — кажется, мать твою?

— Могу ошибаться, но, похоже, она решила заняться физической подготовкой. Никак не развлекательная прогулка — совершенно другой взгляд, словно собралась на серьезную пробежку. Нет айпода, внимательно поглядывает вокруг. Практически уверен, что она меня засекла.

Еще одно проклятье, затем:

— Сматывайся. Тебя не должно там быть, когда она вернется домой. Пришлю замену.

Три часа утра — прайм-тайм для любого уважающего себя грабителя. Окна в домах темные, все жители наверняка спят.

Фелис определенно приказала неотрывно наблюдать за Лиззи. Даже если бы его заранее не предупредили, Ксавье сразу заметил бы автомобиль — неприметный, как сотни других, но он-то знал наперечет все транспортные средства в этом районе, и эта машина явно чужая. Парень внутри старательно держался в тени, не курил, но пил кофе — наверное, чтобы не заснуть, — и без очков ночного видения было заметно движение руки, когда филер поднес ко рту чашку от термоса.

До того как устроиться возле ее дома, Ксавье произвел тщательную разведку окрестностей. Все чисто. Именно так, как обещал Фордж: низкий уровень, всего один наблюдатель.

Учитывая, как пошла игра, нечего удивляться, что к ней приставили соглядатая. Однако сведения с этого поста к нему не поступали, значит, за слежкой стоит не Фордж, а Фелис Макгоуэн, и она привлекла людей из внешнего круга.

Что ж, пусть пеняют на себя. Фелис перехватила контроль над ситуацией, отодвинув Форджа; возможно, последний категорически отверг какую-то из ее идей, вот Макгоуэн и пошла своим путем. Однако Ксавье крайне не нравилось использование посторонних. Это сигнал серьезного пробоя в доверии.

А ведь доверие — единственное, что держало их вместе. Вооруженное до зубов, подозрительное, опутанное сетями взаимного сдерживания, но все же доверие, и оно работало, потому что они знали друг друга как облупленных и проблема оставалась внутри их небольшого отряда. Люди извне... неизвестен уровень их подготовки, неизвестно, как они среагируют на быстро меняющуюся ситуацию, неизвестно, насколько чужаки в курсе или что именно им приказано.

Ксавье в любом случае предпочитал иметь дело с квалифицированными профессионалами, а не с дилетантами. Никогда не угадаешь, какой фортель способен выкинуть дилетант. Например, с перепугу открыть огонь, если задремал на посту и внезапно проснулся от непонятного шума. Черт, неизвестно даже, вооружен ли тот парень, а если да, то чем именно. Хотя, зная Фелис, он бы поставил на пистолет.

Иногда Ксавье представлял их команду как сплоченный круг бойцов со склоненными к центру головами. Фордж, несомненно, самый опасный и умелый, не считая самого Ксавье, хотя, возможно, преимущества последнего обеспечивали возраст и неустанные тренировки. Но всякий раз, когда Ксавье представлял наихудший сценарий, он никогда не целился в Эла, только в Фелис... она потеряет больше всех, что и делало ее наиболее вероятным кандидатом в нарушители статус-кво. Макгоуэн ногтями и зубами держится за свое нынешнее положение и вполне способна вообразить, будто единственный надежный способ защитить себя — устранить остальных членов группы.

Подобная тенденция не составляла тайны ни для одного из них. Ксавье запасся собственными гарантиями, а Эл Фордж не был бы Элом Форджем, если бы не поступил точно так же.

В один прекрасный день — через много лет или в любой ближайший момент — Макгоуэн станет проблемой. Возможно, он и погибнет, но Фелис тоже не бессмертна, так

что неизвестно, кто кого.

Для себя самого Ксавье все решил пять лет назад — даже раньше, если заглянуть глубже, в тот день, когда впервые согласился жить двойной жизнью в рамках подготовки к самому немыслимому сценарию развития событий.

Повлиять на происходящее пока невозможно. Все, что он мог — держать ситуацию под контролем, а значит, необходимо проникнуть в дом Лизетт... пусть ее жилище и под наблюдением.

Ксавье усмехнулся в темноте. Ему всегда нравилось дразнить врагов.

Иногда боги улыбаются — пошел дождь. Идеально. Для сидящего внутри припаркованной тачки агента видимость через боковые окна ухудшится как при тумане. Следствие не только дождя, но и неизбежного запотевания стекол. В подобной ситуации Ксавье опустил бы окно и пусть салон промокнет, потому что цель наблюдателя — следить за объектом, а не за собственным комфортом, но врожденный инстинкт требует укрыться от непогоды.

Ксавье прокрался к черному входу дома и быстро глянул за угол, вжавшись в стену всем телом и двигая только головой, чтобы четко рассмотреть автомобиль через улицу.

Иногда боги улыбаются, а иногда веселятся от души. Внезапно зажегся свет в доме, возле которого обосновался соглядатай. Пару секунд спустя загорелся светильник над крыльцом, дверь открылась, и на порог вышел мужик в халате с собачонкой, подпрыгивающей возле ног хозяина. Шавка тут же бросилась во двор сделать свои делишки.

С природой не поспоришь — парень в машине, вероятно, полулежал на сиденье, чтобы его никто не увидел, а теперь наверняка сполз еще ниже, сосредоточив все внимание на собаководельце, надеясь, что тот либо не заметит его автомобиль, либо не запомнит и никогда не опознает.

Ксавье решил, что лучшего шанса не представится. Неслышно скользнул за угол и подкрался к задней двери.

Сосед что-то говорил своему питомцу, скорее спрашивая, чем сердясь, что-то типа: «Закончил наконец?» Плевать, о чем там бормочет этот мужик, пока он на крыльце — наблюдатель в тачке глаз с него не сведет.

Ксавье бросил еще один быстрый взгляд и убедился, что теперь счастливый песик мчится к хозяину, виляя хвостом. Осталось всего несколько секунд до исчезновения отвлекающего фактора.

Ключи — один к дверной ручке, второй к засову — уже держал в руках, отдельно, чтобы не звякнули друг об друга. Ксавье быстро отпер оба замка, каждый плавно и почти бесшумно, потом положил один ключ в левый карман, а второй в правый, и осторожно повернул ручку. Тихонько проник внутрь, закрыл дверь, застыл неподвижно и прислушался.

Кухня. Сквозь окно лился свет, огоньки светились на духовке, кофеварке и микроволновке — неяркие, но эффективные. Гудел холодильник, но полы не скрипели, никто не шарил рукой по стене, ничто не указывало, что Лиззи проснулась от практически беззвучного вторжения. Извне слышался слабый толчок компрессора кондиционера, и через мгновение холодный воздух хлынул из вентиляционных отверстий.

Отлично. Гул кондиционера покроет любые шорохи.

За пределами кухни дом тонул во мраке. Именно так ей всегда нравилось спать — в полной темноте, как в пещере. Никаких ночников, ни в ванной комнате, ни в коридоре. Темнота ему только на пользу.

Двигаясь к выходу, Ксавье отметил, что светящиеся цифры показывают 3:32. Лиззи всегда следила за точностью своих часов. Наверное, даже сейчас где-то в глубине подсознания она понимала, насколько важной может стать минута. Он сам обладал инстинктивным чувством времени, научился подстраиваться под часовые пояса, где бы ни находился, и всегда определял время с точностью до минуты безо всяких хронометров. Перед операциями они неизменно сверяли часы, но это больше требовалось остальным членам команды, чем ему. Он всегда ценил пунктуальность Лиззи. Она была надежна, как секундомер.

Некогда пошарить вокруг и выяснить, где она хранит вещи. Ксавье был знаком с расположением комнат и интерьером по фотографиям. Многочисленным фотографиям. Пусть лично здесь никогда не был, территорию незнакомой не назовешь.

Спальня чуть дальше по коридору. Ксавье практически ощущал присутствие Лиззи, все чувства обострились, пришлось предпринять сознательное усилие, чтобы сосредоточиться на задаче.

* * *

Лизетт понимала, что спит, потому что сразу узнала тот сон. Снова тот же полностью белый особняк, за исключением единственной спальни, раскрашенной в разные цвета, словно туда сбежались все краски из остальной части дома. Но сейчас она находилась в огромном белом помещении, где царило полное безмолвие.

Он где-то здесь, ее мистер Икс. Невидимый, неслышимый, но она знала, что он рядом. Она чувствовала его так сильно, словно он находился в той же комнате, наблюдая за ней. Обернулась вокруг оси, проверяя углы, белые стены, окна, но кругом пусто, кроме нее никого.

Минуточку, спохватилась Лизетт. Что происходит? Это сон или реальность? Больше похоже на последнее. Она была здесь раньше. Но... о, да, в другом сне. Сердце забилося быстрее, потому что Икс был в том, другом сне, и вот теперь поджидал ее в этом.

Он в разноцветной спальне — единственном помещении в огромном доме, где все казалось еще более реальным, более ощутимым, чем в остальной части особняка. Тело затрепетало, почувствовав, что Икс рядом, мгновенно вспомнив события в последнем сне: не просто секс, пусть даже незабываемый, а фантастический и почти — почти — «всё-остальное-не-имеет-значения» секс. В том сне с ней произошло что-то очень важное, весомое, неодолимо влекущее к нему.

Но где он, черт возьми?

Она бродила из одной комнаты в другую, ища разноцветную, но на прежнем месте ее не оказалось. Черт, почему бы именно этой спальне не остаться на том же месте? После каждого из бесчисленных поворотов настроение все сильнее и сильнее ухудшалось. И вот она совершенно потерялась. Коридор вел в бесконечность, ни конца ни края. Она настолько рассвирепела, что пнула ногой стену. Он где-то здесь. Она ощущала его присутствие на клеточном уровне, всеми фибрами души, где правит только чутье, а логика вышвырнута прочь. Но если не найти его в ближайшее время, будет слишком поздно, он уйдет, займется своими делами. Он всегда уходит.

А потом уловила запах. Слабый, мужской, принадлежащий только ему, ему

единственному. Его кожи, его одежды, его любимого мыла... все ассоциируется с Иксом. Возможно, никто не замечал этого запаха, кроме нее, а ведь это так легко. Она упивалась знакомым ароматом, закрыла глаза и глубоко вдохнула, успокаиваясь, возбуждаясь и возгораясь от одного только этого запаха.

Последовала за обонянием и своими инстинктами. Перестала думать и просто пошла за чутьем. И наконец нашла комнату, которую искала. Поняла, что это та самая спальня даже до того, как открыла дверь. Взглянула на ладонь на дверной ручке и толкнула дверь, ошеломленная с порога ярким сплетением цветов. А вот и он, ждет ее, всегда ждет. Все это время он ее ждал, ей бы пораньше наткнуться на эту комнату.

— Лиззи.

Вот и все, что он сказал, одно слово, ее имя, но этого было достаточно.

* * *

Хотя Ксавье никогда раньше здесь не был, но благодаря полученным сведениям ориентировался в этом доме, как в своем собственном. Старое строение некоторое время назад отремонтировали, осовременив интерьер и планировку. Гостиная и столовая напротив друг друга, слева и справа от входной двери; кухня отделена от столовой невысокой перегородкой.

Перешел в гостиную, осмотрелся, помещение не совсем темное. Свет просачивался сквозь тяжелые шторы на окнах, плюс горели электронные маячки: синий на зарядном устройстве беспроводного телефона, яркий желтый — от кабельного телевидения, красный — на проигрывателе DVD. Мягкие разноцветные огоньки позволили разглядеть мебель, на первый взгляд искомого здесь нет. Черт, он-то надеялся, что она не отнесла все самое важное в спальню, слишком опасно туда соваться. Постоял на месте, потом медленно развернулся вокруг оси, тщательно исследуя пол, каждый стул, каждую плоскую поверхность...

Ага. Вот они — пакеты из торгового центра в Вирджинии, свалены на круглом столе.

Ради них Ксавье и предпринял рискованный ночной визит — он бы не назвал это взломом и проникновением, в конце концов у него был ключ, — может, ничего страшного не произошло, но надо удостовериться. Куда она исчезла и почему? Зачем помчалась в Вирджинию, когда все необходимое можно найти не дальше десяти миль от дома? Объект В поселили именно здесь, чтобы максимально сократить контакты с внешним миром. Скучная рутина — вот их друг. Скучная рутина — вот гарантия сохранения жизни Лиззи. Ее дни обычно были предсказуемы с точностью до минуты, отклонения случались самые незначительные.

Но не сегодняшний... точнее, вчерашний после ухода с работы. Поехала в противоположном направлении. Держала слишком высокую скорость. За каким-то дьяволом помчалась в Вирджинию, затем развернулась и погнала обратно, по пути лавировала и сворачивала, будто запутывая следы. Пропустила сначала один съезд с автострады, словно не заметила, потом еще несколько. В общем, все выглядело так, словно она пыталась стряхнуть хвост.

А ведь Лизетт, по идее, понятия не имеет, что такое хвост и уж тем более, как от него оторваться. В отличие от Лиззи.

Лизетт аккуратна до отвращения. Непременно, не откладывая, распаковала бы покупки и разложила по местам. Может, это и пустяк, но он многое подсказал Ксавье.

Недостаточно света, чтобы толком разглядеть приобретения, однако рискованно передвигать сумки. Шелест пластиковых пакетов вполне способен ее разбудить, особенно если она хоть чуть-чуть восстановила память и стала более осторожной. Мало того, она могла запомнить точное расположение этих пакетов и их содержимого. Ксавье и сам автоматически замечал такие вещи, поэтому всегда знал о визите незваных гостей.

Вытащил из кармана маленький фонарик, облепленный черной изолентой, так что выбивалась только тоненькая полоска света. Посмотрел на окно за спиной, выходящее на улицу. Лиззи повесила жалюзи в квадратные кронштейны с каждой стороны окна. Жалюзи были задернуты, но самый слабый отблеск, просочившийся сквозь рейки, будет замечен снаружи хоть и в дождь. Дерьмо.

Придется рискнуть. Загородил телом окно, наклонился и направил лучик прямо на пакеты. На долю секунды, чтобы разглядеть название магазина, потом выключил фонарик и застыл с бешено колотящимся сердцем. Он, славящийся своим легендарным хладнокровием даже под огнем, едва не сломался и весь взмок, когда смысл увиденного ударил прямо между глаз.

Дерьмо! Дерьмо! Дважды дерьмо! Магазин спортивных товаров может показаться невинным, но именно там можно запросто обзавестись определенным снаряжением, спортсмен ты или нет.

Две сумки и обувная коробка лежали пустыми. Что, черт возьми, она еще купила?

К одному закрытому пакету припилен чек из магазина. Можно и не шмонать сумки, достаточно рассмотреть чек. Внутри угадываются какие-то громоздкие вещи, надо точно узнать, какие именно. Но для чтения придется снова включить фонарик, по крайней мере на десять-пятнадцать секунд. Прямо-таки приглашение поймать лазутчика.

Варианты. Первый: забрать пакеты и отнести на кухню, подальше от окна, однако, как ни старайся, возможен некоторый шум. Второй: оторвать чек и изучить его опять же на кухне, однако тем самым оповестив Лиззи, что у нее кто-то побывал. Третий: рискнуть включить фонарик и ознакомиться с чеком прямо на месте.

Ксавье выбрал вариант номер три. Если придется убрать соглядатая, так тому и быть.

Не хотелось убивать парня, ведь несчастный олух, небось, настроился на рутинную работу, а получит умелый удар ножом прямо на посту. Издержки профессии.

Кухонное полотенце.

В кольцо рядом с раковиной висит нечто красно-белое. Не сложено каким-то определенным образом, просто висит. Войдя в кухню, Ксавье изучил обстановку и пришел к выводу, что единственная привычка, которую Лиззи сохранила из прошлого — полотенце вешать в кольцо ровно посередине. Раньше она поступала именно так.

С полотенцем вернулся в столовую. Задрапировал фонарик тканью, так что даже отблеск не прорвется наружу, нажал на кнопку и в тусклом свете прочитал список покупок.

Рюкзак. Нож. Веревка. Три перцовых аэрозоля. Заплатила за них наличными, так что эти покупки не пройдут через кредитку.

Ксавье выключил фонарик и закрыл глаза, застыв на мгновение, адреналин кипел в жилах. Сомнений нет, хотя он никогда и не сомневался в своей интуиции. Но это явное доказательство. Она вернулась... или на пути к возвращению.

Лиззи готовится либо сбежать, либо бороться. Она вспомнила всё или только кусочки?

Что именно? Наверняка не так много. Если бы амнезия полностью исчезла, сейчас Лиззи не спала бы в своей постели, а уже скрылась бы с рюкзаком этих покупок и, кто знает, с чем еще. Заполнила ли она документы на покупку оружия? Нет, только не здесь. Если ей понадобится пистолет, она уедет поглубже в Вирджинию за незарегистрированным стволом, либо отыщет блошиный рынок, либо купит в каком-нибудь переулке у левого продавца. Вывод: если она возьмет в привычку совершать необычные экскурсии, они в беде.

Нет, она в беде.

Подключения к системе наблюдения за ее жилищем, машиной, телефоном и компьютером теперь недостаточно. Он должен знать абсолютно всё, быть в курсе ее местонахождения в любой момент времени... Нельзя рисковать, вдруг она стряхнет хвост, угробит машину, покинет этот дом и рутинную жизнь последних трех лет. Даже если Лиззи только частично восстановила память, все равно способна на все вышеперечисленное, потому что наверняка испугана и не понимает, что происходит.

Решив сбежать, она обязательно возьмет рюкзак, иначе зачем его купила? Не в школу же она собралась и не в поход. Вот дерьмо, придется пошуметь, чтобы вытащить рюкзак из пластикового пакета. Теперь, благодаря чеку, известно содержимое сумки. Необходимо добраться до рюкзака. Лучший вариант — бесшумно унести вещи на кухню и там обработать, но обстоятельства сложились не в его пользу.

Ксавье запасся крошечными, практически незаметными устройствами слежения. Существуют и более мелкие, некоторые вообще микроскопические, но их труднее устанавливать, а он хотел свести к минимуму время своего пребывания здесь. Заранее разложил жучки по отдельным пакетикам и пометил каждый цифрами, чтобы точно знать, какой жучок куда поставил. Вытащил первый попавшийся, повернул в сторону тусклого света, пробивающегося сквозь закрытые жалюзи, и сумел разглядеть надпись. Ладно, номер 2 пойдет в рюкзак.

Практически в полной темноте Ксавье легко опустил руку в сумку, опасаясь выронить мелкого ублюдка. Пластик зашуршал, но почти неслышно. Нащупал лямки. Не то. Сунул руку глубже и коснулся лоскута, который, вероятно, прикрывал карман на молнии. Уже лучше. Осторожно повернул ладонь и прикрепил жучок. Затем так же медленно вытащил руку из пакета.

Один пристроен, осталось еще два.

Отнес полотенце обратно на кухню и аккуратно, точно посередине, повесил в кольцо.

Теперь предстояло сделать кое-то посложнее.

* * *

Без раздумий она шагала вперед, раздеваясь на ходу, шла к нему. Все, абсолютно все мысли исчезли, остались только вожеление и неодолимая потребность. Кожа к коже — вот что ей нужно. Он внутри нее — вот что ей нужно. Приближение кульминации и крик, когда взорвется оргазм, — вот что ей нужно. В этой комнате можно кричать сколько душе угодно. В этой комнате можно получить все, что хочется, и жить как хочется. В этой комнате она хотела бы жить вечно.

Икс, скрестив руки на груди, стоял там и ждал. В одежде. Просто ждал ее. Он всегда ее

ждал. Она стянула трусики и оттолкнула ногой без колебаний, смущения и страха. Подошла к нему, улыбнулась в темные глаза и начала его раздевать. Сняла рубашку, на минуту отвлеклась, чтобы уткнуться лицом в горячую голую грудь, и глубоко вдохнула. От него так замечательно пахло, так реально, она упивалась теплом его кожи на щеке и колкими волосками, щекочущими нос.

Пусть это всего лишь сон, зато самый лучший из всех.

Но при всем удовольствии, она хотела большего, чем вдыхать его запах... гораздо большего.

Притянув мужчину за пояс, расстегнула пряжку, потом молнию на джинсах и просунула руку внутрь, обхватила пальцами плоть, чувствуя, как та твердеет и толкается в ладонь. Икс издал глубокий горловой стон — то ли рокот, то ли рычание.

Стянула с него джинсы и отшвырнула прочь. В реальной жизни пришлось бы повозиться с обувью, но ведь это сон, поэтому к черту обувь! Сил нет терпеть, она уже влажная, готовая и нестерпимо пустая без него. Очень хотелось толкнуть его на спину и немедленно оседлать, взять жестко и глубоко, но тогда слишком быстро все закончится. Лизетт почти проснулась, дрожа и хватая ртом воздух. Нет! Не хочу просыпаться! Еще слишком рано! Хотелось почувствовать его в себе, насладиться его запахом, посмаковать каждый дюйм возделенного тела.

Икс обхватил ее голову и притянул к себе, надежно, чтобы не ускользнула. Она любила его ладони. Большие, сильные, способные убить и доставить удовольствие, искалечить и исцелить. Некоторые люди их боялись, но не она.

Икс поднял ее на руки и понес к кровати. Таким она любила его сильнее всего: голый, твердый, неистовый. Когда Икс пылал нетерпением, когда она взрывала его мир, когда он взрывал ее мир, то заставлял ее чувствовать себя... и опустошенной, и бесценной, и любимой.

Ноги Лизетт болтались в нескольких дюймах от пола. Она парила в небесах. Она так сильно его хотела, и вот он здесь, так близко, что можно обхватить его за шею и удержаться, даже если она парит в облаках, по-настоящему взлетает. Ведь это же всего лишь сон, так почему бы не полетать? Она рассмеялась, ерзая в его руках, пока он шел к кровати... а потом посмотрела в сторону и увидела свое лицо в зеркале. Смех тут же умер. В зеркале было ее старое лицо, которое у нее отняли. Она зажмурила глаза, плотно-плотно, и когда открыла снова, увидела свое новое лицо, то, которое не её.

Или её?

Какое из них настоящее? Какое нравится Иксу?

Какое он любит?

Большой вопрос: любит ли он ее вообще? После того, что она натворила?

Потом он уложил ее на кровать, отражение скрылось из виду — отлично. Не хотелось никуда смотреть, хотелось упиваться ощущениями. Не хотелось задавать вопросы, хотелось подольше удержать Икса и следовать зову инстинктов.

Минуту они просто лежали на большой кровати, грудь к груди, глаза в глаза, ноги переплетены, сердца бешено бьются в унисон. На мгновение у Лизетт перехватило дыхание. Боже мой, да он просто великолепен! Не смазливый, не слащавый, не красавчик, но сердце видело его... прекрасным.

И ему наверняка плевать, какое у нее лицо. За этим чужим лицом, как за маской, скрывается все та же женщина — вот что имеет для него значение. Да, он ее любит. Он по-

прежнему ее любит.

Икс неспешно целовал ее в шею, словно в их распоряжении всё время в мире, но Лизетт точно знала, что это не так. У них вообще нет времени побыть вместе. Она вернется в свой мир, он — в свой, и никогда ничего между ними не сбудется. Если ей повезет, сон еще повторится, если нет — она больше никогда его не увидит.

— Сейчас, — прошептала она.

— Пока нет, — наполовину засмеялся, наполовину рыкнул он.

Лизетт открыла было рот, чтобы поумолять, но передумала. Просьбы только подстегнут его не спешить и дальше.

У них нет времени.

Лизетт содрогнулась с головы до ног. Страшно не хотелось, чтобы этот сон закончился, но сил нет ждать, когда же он в нее войдет. В этой постели можно блаженствовать всю ночь, просто обнимая его. Тело истомилось, но можно и подождать даже целую нескончаемую минуту.

Больше всего на свете — даже сильнее нестерпимого желания ощутить его толчки, все быстрее и мощнее — хотелось, чтобы Икс не уходил. Никогда больше от нее не уходил.

* * *

Ксавье крался по коридору к спальне, плавно и бесшумно как привидение, словно парил над полом. Крайне нежелательно ее разбудить. В темноте она автоматически решит, что он насильник или убийца. Как и любая женщина. Черт, даже если она его разглядит, все равно так подумает. Она же не узнала его в аптеке, в конце концов.

Если проснется, включит лампу и увидит его — одетым во все черное, да еще и с оружием, — сработают бывшие навыки или же она просто запаникует и завопит? Он поставил на панику и вопли.

Дверь в спальню была открыта. Она ведь живет одна, нет никакой необходимости закрываться.

Ксавье осторожно просочился внутрь и немного постоял, глядя на кровать. Глядя на нее.

Цифры на часах и синий огонек на другом беспроводном телефоне давали достаточно света. Свернулась калачиком в постели, темные волосы разметались по тощей подушке, покрывало натянуто почти до шеи... босая ступня торчит наружу. Некоторые вещи никогда не меняются. Независимо от того, что они сделали с ее лицом и мозгом... глубоко внутри она все еще Лиззи. Ему — им всем — следовало предвидеть, что в один прекрасный день она выпорхнет из тюрьмы, в которую они ее заточили.

На тумбочке, в дюйме от светящихся часов, стоял высокий баллончик. Ксавье беззвучно усмехнулся. Он бы поставил свою задницу, что это спрей от ос или что-то вроде того. Пистолета нет, по крайней мере пока, но она вооружилась, чем смогла. Рядом лежит сотовый... и отдельно батарейки. Телефон без аккумуляторов невозможно отследить. Да, она возвращается и скоро вырвется на свободу.

Есть и еще кое-что. Лиззи была фанаткой сумок. Она их обожала, была готова экономить, чтобы купить одну хорошую кожаную вместо нескольких дешевых. Другие женщины, которых он тренировал, чтобы не занимать руки, перешли на карманы или

поясные кошельки, но не Лиззи. Она очень дорожила своими баулами. Никогда не бросала куда попала, всегда тащила в спальню и укладывала на стул. Иногда передвигала стулья, но только не тот, куда повесила сумочку.

Стул имелся и в этой спальне, футах в четырех от головы Лиззи, рядом с прикроватной тумбочкой. И сумка на нем — белая, так что Ксавье легко ее заметил — с длинным ремнем. Вот теперь сложная часть задания. Пусть у нее и нет пистолета, но Лиззи всегда отличалась меткостью и, если попадет ему в глаза перцовым спреем, то он временно ослепнет. И тогда одному Богу известно, что сотворит с ним Лиззи, пока он в невыгодном положении.

Ксавье подцепил пальцем ремень и бесшумно поднял сумку, взял сотовый с тумбочки, а затем вышел из комнаты так же тихо, как вошел. На кухне больше света, там сподручнее заняться делом.

Оказавшись в кухне, поставил ношу на столешницу и принялся за работу. Только собрался поместить жучок под номером 1 внутрь кармашка на молнии, но остановился. Это же Лиззи — фанатка сумок. У нее их без счета. Наверняка регулярно меняет сумки, в соответствии с нарядом или настроением, или еще чем-нибудь. Так что завтра легко может взять другую.

Но не кошелек. Ксавье отметил расположение бумажника, затем осторожно вытащил его и открыл. Кожаный, великоват для женщины, есть место для чековой книжки, но никаких чеков. Пара сотен наличными. Кредитные карты, водительские права, страховой полис и несколько квитанций. Ксавье попытался разглядеть дату на одной из них, но света недостаточно, да и время поджидает.

Хорошая идея, неважно, какую сумочку она возьмет, кошелек будет этот. Ксавье выложил купюры и отложил в сторону, посадил крошечный жучок под слегка порванную подкладку, потом уложил доллары в исходную позицию, а затем опустил бумажник обратно в сумочку.

Следующий шаг: сотовый телефон. Если у нее хватило ума извлечь аккумулятор, значит, она намерена подстраховаться. Этот новый аппарат взамен уничтоженного в пятницу — обычная «раскладушка». Не навороченный смартфон, что непременно выбрала бы Лиззи. Обычно Ксавье ставил жучок внутри аккумуляторного отсека, но если она вынимает батарейки после каждого звонка, то почти наверняка увидит устройство и выбросит.

Несколько секунд Ксавье изучал мобильник. Освещение здесь лучше, но все же отнюдь не светло, поэтому он положился на осязание, а не на зрение. Ощупал уголки и изгибы, но все не то. Наконец проверил клавиатуру. Эластичный, не жесткий пластик. Ногтем подцепил край, приподнял, посадил жучка под крышку, затем снова прижал. Не Бог весть что, но раз нельзя использовать батарейный слот — сойдет и так.

С сумочкой и сотовым вернулся в спальню и положил то и другое на место, откуда взял, осторожничая, чтобы телефон не звякнул о тумбочку.

Глубоко вдохнул, тихо выдохнул и посмотрел на нее сверху вниз.

Если она сейчас проснется, то он не успеет скрыться. Если она откроет глаза, то сразу увидит его в свете цифр будильника. Пора уходить, но оказавшись к ней так близко, он не мог оторваться, пока не мог. Встреча в аптеке только усилила голод. Ради такой роскоши, как понаблюдать за ее сном, пусть и в полумраке, Ксавье готов был рискнуть получить струю перцового спрея в глаза.

Лиззи... Густые темные волосы, слегка выющиеся, взъерошенные во сне. Форма лица другая, но изгиб губ тот же. Эти босые ножки те же.

Запах тот же.

Его руки не забыли, как ее обнимали.

Бывали времена, когда он подминал ее под себя и трахал до тех пор, пока она не начинала кричать. Она тоже доводила его до такого же состояния, хотя частенько дразнилась, утверждая, будто его экстатический вопль похож на хриплое мычание, что принижает образ крутого мачо.

Пришлось сжать кулаки, чтобы подавить нестерпимое желание протянуть руку и дотронуться до нее. Член дернулся, требуя гораздо большего, чем прикосновение. Вот дерьмо, надо убираться, пока не сотворил какую-нибудь охренительную глупость.

Менее чем через двадцать минут после проникновения в дом, Ксавье вытолкнул себя на улицу. Дождь все еще лил — повезло. Автомобиль с наблюдателем стоял на том же месте, но внутри никакого движения не наблюдалось. Может, дождь убаюкал парня, несмотря на кофе. Может, он сосредоточенно мочится в бутылку. Ксавье сам не раз сидел в засаде, так что знал, как это бывает. И очень радовался, что давным-давно не занимается подобным делом.

Бесшумно закрыл дверь кухни и запер замки, потом крадучись обошел дом, переходя из тени в тень. Когда между ним и тачкой соглядатая оказалось несколько зданий, прибавил скорость, желая поскорее вернуться в свой грузовик и взглянуть в ноутбук, действуют ли жучки. Потом, если аппаратура работает как надо, поедет домой и ненадолго вздремнет, пока Лиззи не проснулась и не начала свой обычный день.

Надо подготовиться. Лиззи проснется во всех смыслах этого слова, и дерьмо попадет в вентилятор. Он-то точно знал, в какую сторону отпрыгнет. Ксавье сделал свой выбор много лет назад, правильный или нет, теперь неважно.

Лиззи оставили в живых, но она не жила.

Да пошло оно все на хрен, его так никто не поймет.

* * *

Во сне он широко раздвинул ей колени, а затем глубоко погрузился внутрь. Она задохнулась, не от боли, а от облегчения, счастья и единения, какого никогда прежде ни с кем не ощущала. Она стала частью его, он — частью ее.

Зеркало, которого там точно не было, вдруг оказалось над кроватью. Огромное, во весь потолок, отражающее ее сон. Лицо... принадлежит ей? Старое или новое? Да какая разница!

Можно было закрыть глаза, чтобы не видеть тревожащих изображений, но вместо этого она сосредоточилась на Иксе, на широких плечах, мускулистой спине и тугой округлой заднице — самой лучшей из всех, которые она когда-либо видела. Тела переплетены, его загорелая кожа — и ее совсем бледная, его накачанное тело — и ее слишком хрупкое. Огромный и мощный, он накрыл ее собой почти целиком. Но сколь ни велики различия между ними, они идеально подходят друг другу.

Сильные ноги, протяжные толчки... легче теперь, нежнее. Начав медленно, он постепенно, ох, как постепенно, наращивал темп и мощь.

Лизетт зажмурилась, отдалась на волю чувственной волны и взлетала, взлетала и взлетала. Потом закричала, выгнулась, вцепилась в Икса, стиснула внутри...

Он что-то прошептал, она не сумела разобрать. Нахмурилась, открыла рот, чтобы

переспросить. Что бы он ни сказал — это очень важно, он не из тех, кто болтает только для того, чтобы услышать собственный голос, но прежде чем она смогла вымолвить хоть слово, прежде чем он смог ответить...

Лизетт резко открыла глаза. Ее трясло, каждый мускул ныл... потом смогла расслабиться, по очереди размяла напряженные мышцы, растекаясь по матрасу. Тело обмякло и потяжелело.

Надо почаще заходить в «Уолгринс». Если Икс регулярно там бывает, есть шанс столкнуться снова. «Надеюсь, на этот раз ты не психанешь и не сбежишь, как перепуганный кролик». Можно всучить ему свой номер телефона, пригласить выпить кофе, а потом...

Угу, точно про нее. Лизетт Генри — одержимая сексом охотница. Будто реальная жизнь способна хоть на йоту приблизиться к мечте. Будто есть шанс, что такой крутой парень не имеет ни жены, ни любовницы. Или той и другой одновременно.

Шел дождь. Лизетт закрыла глаза и прислушалась к стуку капель по стеклу и крыше. Очень успокаивающий звук, возможно, снова усыпит, хотя темные предрассветные часы близятся к концу и рассвет не за горами. Интересно, если настойчиво мечтать об Иксе, вдруг он снова приснится? Интересно, забудется ли утром чудесный сон?

Сейчас ночные грезы казались необыкновенно реальными, и Лизетт была готова поклясться, что все еще ощущает его запах.

Фелис Макгоуэн никогда не заморачивалась такими пустяками, как статус или привилегии, или любыми другими обманками для самолюбия, которыми невероятно дорожили большинство людей в Вашингтоне. В идеальном мире у нее будет персональный водитель, который всегда доставит вовремя по нужному адресу, и никто никогда не подвергнет сомнению ее полномочия. Вот два главных пункта в личном перечне пожеланий, но мир далеко не идеален, так что Фелис отмахнулась от фантазий и окунулась в реальность.

Ту самую реальность, в которой на голову льет дождь, как и всем остальным, и можно считать установленным, что тщательно продуманные планы где-то в процессе исполнения свернули к черту на рога, поэтому по правилам игры пришлось отправиться навестить Эла Форджа вместо того, чтобы приказать ему явиться к себе. Его нежелание наведаться в АНБ, где трудилась Фелис, подозрений не вызывает, ведь и она не хочет встречаться с Фоджем в собственном кабинете — совсем ни к чему, чтобы ее увидели в обществе супер-агента. Их отношения абсолютно секретны, таковыми и должны оставаться ради обоюдной пользы.

С одной стороны, ей легче, чем Элу. Она не вовлечена в постоянное тайное наблюдение за Объектом В. А Фордж мало того что наблюдает, так еще и официально работает под большим зонтом департамента Национальной безопасности, а значит, окутан слоями служебных инструкций и грифом «строго секретно» на персональных данных — вполне вероятно, что даже президенту не доступно его полное досье. Фордж начинал еще в секретной службе Казначейства, потом перешел в Министерство юстиции, а дальше только Богу известно обо всех его делишках.

АНБ владело данными на всю свою сеть — буквально на всех и каждого, кроме некоторых отшельников и свободных пташек, — но Фелис удалось получить доступ лишь к урезанному варианту досье Эла, в котором отсутствовали многие отчеты, вероятно, связанные с некими загадочными международными событиями, но она не попыталась вычислить, с какими именно. В чрезвычайных ситуациях стране нужны такие люди, как Эл. Из-за кое-каких стародавних дел в ее собственном досье тоже зияла парочка пробелов.

Ксавье сейчас занимался тем же, чем когда-то Фордж. Но если личный компас Эла всегда держал курс на север — в данном случае на служение интересам Отчизны — то Ксавье являл собой абсолютно непредсказуемую личность. Когда он поступил на службу, то выказывал такую же преданность, как Эл, и, Господь свидетель, уже тогда обладал запредельной квалификацией, но постепенно стал крайне своевольным. За последние четыре года Фелис мало-помалу перестала ему доверять. Но Эл своего отношения к Ксавье не изменил, по-прежнему считал членом команды, и пекся о нем сильнее, чем сам готов был признать.

Фелис никогда не искала оправданий их действиям. Напрасный труд. Редкие воспоминания о некоторых аспектах до сих пор вызывали изжогу. Рассудок понимал необходимость крайних мер, но сердце горько сожалело о том проклятом деле и оплакивало его последствия. В тот день каждый из них потерял частичку души, которую никогда и ничем не восполнить, и неважно, насколько они посвятили себя своей работе.

И вот теперь осложнения с Объектом В. Никто не хотел ее устранять, но все признавали, что она — краеугольный камень, слабое звено, и способна не только уничтожить их всех, но и нанести непоправимый ущерб стране. Что бы там Эл себе не

напридумывал, Фелис отнюдь не горела желанием отдать приказ убойной команде, хотя понимала, что обстоятельства могут вынудить и к такому варианту, в то время как Эл категорически не желал мириться с подобной возможностью.

Дело в том, что когда-то все они были очень близки, были единой командой, соратниками, вместе прошедшими через чудовищные испытания, вот и стали практически семьей, члены которой очень привязаны друг к другу. Преданность Эла своим людям вошла в легенду. Но Объект В никогда не входила в состав его группы, она была просто инструментом, который использовали для выполнения конкретного задания.

Они с самого начала планировали ее ликвидировать, если она превратится в угрозу. А до той поры Фелис была счастлива позволить ей жить.

Пока Объект В живет как амеба.

И вот теперь появились первые тревожные сигналы. Каждый в отдельности — легко объяснимый пустяк, но в целом все эти мелочи составляют совершенно иную картину, которую, по мнению Фелис, нельзя игнорировать. Эта картина четко указывала — Объект В становится угрозой.

Здание, в котором размещался центр наблюдения за Объектом В, представляло собой обычное двухэтажное строение из красного кирпича с табличкой на двери «Агентство по найму временных работников». Если к ним случайно забредал посторонний в надежде найти место сиделки или офисного служащего, то обнаруживал приемную, секретаря, менеджера и, если необходимо, соискателю действительно подыскивали работу. Но учитывая, что агентство не публиковало никакой рекламы, а номер телефона в справочнике отсутствовал, внезапные визиты случались крайне редко, практически никогда. Как-то зашел невзрачный паренек, вообразивший, что под временными работницами имеются в виду девушки по вызову и поинтересовался расценками, после заглядывали двое нетрудоустроенных, вот и все.

Внутри безопасность оборудована по высшему классу. Фелис кивнула секретарю в приемной, наверняка вооруженному. Отпечаток ее большого пальца открыл первую бронированную дверь, потом она прошла еще множество других, пока не достигла верхнего уровня. Разумеется, не существует абсолютно непробиваемых убежищ. Всегда найдется способ либо проникнуть внутрь, либо всё уничтожить. Но это строение вдали от правительственных кварталов было настолько неприметным, что практически невидимым.

В основном здание функционировало как центр разведки и поддержки. Эл Фордж собрал здесь своих тайных агентов, и одна очень небольшая группа, полностью изолированная от остального мира, занималась наблюдением за Объектом В.

В данный момент Эл отсутствовал, так что Фелис не стала сообщать о своем приходе, а направилась в танк подождать. В ее жизни крайне редко выпадала возможность насладиться полным беззвучием, а в танке царила благословенная абсолютная тишина, нарушаемая только ее собственным дыханием, собственными шагами и собственным шорохом, больше ничем. Здесь никто не ел ее глазами, никто не оценивал ее реакцию, никто не ждал приказов... ну, по крайней мере не в этот самый момент. Она выбрала зерна французской обжарки, сварила кофе и села за стол, чтобы насладиться одиночеством. Эл не заставит себя долго ждать, так что надо наилучшим образом использовать неожиданную передышку.

Надо все обдумать и принять решение, причем решение судьбоносное. Утверждение Форджа о том, что Ксавье в курсе, где живет она сама и где обитает ее дочь, невозможно игнорировать. Эл явно предупреждал, и Фелис серьезно отнеслась к предостережению.

Можно не придавать значения любой опасности для себя, потому что таковы условия работы, но когда угрожают твоему ребенку... от такого не отмахнешься, небрежно пожав плечами. Эшли — смысл всей ее жизни. Невыносима мысль, что с дочерью что-то случится, что девочка не успеет вкушать главные радости человеческого существования — любить и быть любимой, родить детей, состариться в кругу близких, сделать хорошую карьеру. Фелис желала своей дочери всего этого и многого другого. Желала всего самого лучшего. И мечтала когда-нибудь увидеть собственных внуков.

«Ни за что на свете, никогда не допущу, чтобы нависла угроза над самым драгоценным — над моим ребенком».

Невозможно увести Эшли на край света и спрятать от всех напастей. Аспирантка Стэнфорда, дочь жила на другом континенте. Отличница, она всего добивалась упорным трудом, была готова вкалывать до седьмого пота, чтобы достичь своей цели. Но она слишком молода, и даже если Фелис предупредит об опасности, Эшли не осознает серьезности ситуации и, скорее всего, решительно воспротивится кардинальному нарушению ее планов.

Стало быть, придется покончить с Ксавье.

Вошел Эл. Как бы он ни воспринял ее присутствие здесь, да еще так скоро после предыдущего визита, на его лице ничего не отразилось. Все владельцы казино в Вегасе по миру пойдут, если он когда-нибудь решит заняться азартными играми.

— Что случилось? — небрежно спросил Фордж и направился кофеварке.

Эл — не верхогляд. При желании способен в деталях спрогнозировать ситуацию, всегда все обдумывал, всегда взвешивал, всегда старался держать события под контролем. Поэтому наверняка сразу догадался, зачем она здесь.

Фелис тоже тщательно проанализировала сложившееся положение и свои намерения... не все, только некоторые.

— Объект В демонстрирует некоторые признаки... нестабильности, — констатировала она. — Ничего драматичного, но все же она отклонилась от обычной рутины.

Эл подождал, пока наполнится чашка, сделал глоток и беспечно спросил:

— Например?

Фелис разозлилась, ведь они оборудовали жучками автомобиль Объекта В, поэтому точно знали, куда она ездила вчера. Макгоуэн никогда не держала Эла за дурака, так же как он ее. Стало быть, для подобной «недогадливости» имеется причина.

— Ты же не думаешь, что поездка в супермаркет в Вирджинии, минуя несколько торговых центров с практически тем же ассортиментом, не является отклонением от рутины? — спросила она, выказывая лишь легкое недоумение.

— И Объект В обзавелась чем-нибудь подозрительным? — вздохнул Эл.

— Посетила магазин спортивных товаров.

— Ужас, — кивнул он так кротко, что невысказанный сарказм ударил сильнее, чем кулаком.

Подавив раздражение, Фелис изобразила улыбку — ей нравились достойные противники.

— Кредитная карта показывает, что она купила кроссовки, тренировочный костюм и несколько баллончиков спрея от ос.

— Да знаю я, — пренебрежительно отмахнулась Макгоуэн. — И в курсе, что больше никаких расходов по карте не прошло, так что она либо платила наличными за другие покупки, либо поехала специально в этот конкретный магазин. Опять же, она миновала

множество магазинов спорттоваров. Почему выбрала именно этот? Почему в Вирджинии?

— Может, она вообще не планировала где-то останавливаться, а просто каталась под влиянием импульса.

— Ради Бога, — процедила Фелис, подразумевая невысказанное «Не держи меня за дуру». — Ее запрограммировали не поддаваться импульсам. Если она становится импульсивной, стало быть, блокировка поплыла. К тому же спонтанная поездка — не единственное отклонение от рутины.

— А что еще?

— Вернувшись домой, она поздно вечером вышла на пробежку. У моего парня сложилось впечатление, цитирую дословно: очень похоже, что она приступила к тренировкам.

— Это просто субъективное впечатление неспециалиста, ты ведь наверняка привлекла людей, которые ничего о ней не знают. Объект В купила кроссовки и новый тренировочный костюм, вот и решила опробовать. Ничего необычного. Всем известно, как офисные трутни любят поболтать о диетах и хорошей физической форме, вот она и поддалась общему настрою.

— Возможно, — поразмыслив, наконец согласилась Фелис, потому что объяснение звучало правдоподобно, хотя и граничило с выходом за обычные рамки, но не более того.

— Если бы она активировала новый сотовый, но ведь нет. Озаботилась покупкой мобильного на следующий день после того, как разбила старый, но до сих пор даже не вставила аккумулятор. Черт возьми, почему она не позволила продавцу активировать телефон прямо у кассы? Это было в субботу. Сегодня уже вторник. Все мелочи, взятые вместе, образуют картину, которая мне совсем не нравится.

Эл промолчал, что означало — задержка с сотовым беспокоила и его тоже. Это ненормальное поведение. Поездка куда глаза глядят, спонтанные покупки, пробежка после работы — все это на нее не похоже, но по большому счету недостаточно, чтобы заставить нажать тревожную кнопку.

Но непонятки с сотовым — другое дело. Кто не вставит в новый аппарат батарейки? Такие как они — вот кто. Те, кто знают: вложить аккумулятор — значит активировать GPS, запустить маячок, позволяющий отследить местонахождение. Люди во всем мире добровольно включают автоматические устройства слежения за собой, а натура власть имущих такова, что однажды это может быть использовано для контроля передвижений кого угодно.

— Учитывая, что все это началось с оговорки ее начальника, возможно, она задумалась о нестыковке в стаже работы на Беккера, — гнула свое Фелис, — так что вполне вероятно — произошло нажатие на своего рода спусковой крючок психической... перестройки.

— Даже если проявляются некоторые из ее прежних личных качеств, это не значит, что и память тоже вернулась, — парировал Эл. — У нее нет доступа к отчетам, нет способа узнать, за какой кончик потянуть. В худшем случае она обнаружит двухлетний провал в памяти. Все ее нынешние документы взаимосвязаны и ведут в тупик. Тебе ли не знать. Мы уничтожили все базы.

— Кроме ее памяти.

— И каковы шансы успешного лечения амнезии? Как часто в тебя попадает молния, когда выходишь на улицу?

— Представь себе, на удивление высока вероятность попасть под удар молнии. А теперь

скажи: учитывая важность всех обстоятельств, сколько и каких перемен в Объекте В позволительно допустить?

«А то ты не знаешь...» Единственный логичный ответ — ноль. Никаких.

Фелис добивалась, чтобы Эл признал опасность и отозвал охрану Объекта В. У Макгоуэн имелись собственные специалисты — пустяк по сравнению с ресурсами, которые способен задействовать для акции Фордж. Если он прикажет своим людям всего лишь прикрывать спину ее бойцам, они повинуются... может, с неохотой, сомнениями или подозрениями на всю оставшуюся жизнь, но этот остаток они хотя бы проведут не в тюрьме, и тем более не в камере смертников.

— Думаю, ты преувеличиваешь проблему, — наконец произнес Эл. — Даже если она все вспомнит, что станет делать? Она, как все наши, захочет, чтобы тайное осталось тайным.

— К вопросу о шансах: какова вероятность, что она полностью восстановит память? Учитывая манипуляции с ее мозгами, самый ожидаемый исход — только частичное восстановление.

— Учитывая манипуляции с ее мозгами, чудо, что она вообще функционирует как нормальный человек, — отрезал Эл.

— Она сама это выбрала.

— Только потому, что альтернативный вариант — пуля в висок.

У Фелис заболела голова, и она потеряла лоб. Легкого выхода из этой ситуации не предвидится. Фордж явно не собирается идти на уступки, даже если сигналы опасности засверкают прямо перед глазами. Придется справляться самой.

Что ж, тогда она пойдет своим путем.

Но для успокоения Эла сказала:

— Хорошо. Последим за ней еще какое-то время. И тебе лучше помолиться, чтобы ты оказался прав, иначе мы все покатаемся в преисподнюю.

На следующее утро, собираясь на работу, Лизетт с удовольствием обнаружила, что, оказывается, ее физическая форма не так уж и плоха. Мышцы немного болят, но не сильно. После возвращения с работы лучшим ужином станет протеиновый батончик, а потом она снова выйдет на пробежку... на этот раз чуть дальше и чуть быстрее. Вероятно, имеет смысл дать мускулам отдохнуть, но очень хотелось потренироваться.

Лизетт направилась по дорожке к своей машине, когда Мэгги вышла на крыльцо в спортивных штанах и майке.

— Лизетт, погоди!

Вот ведь неугомонная особа — не просто раздражает, а даже бесит... «В конце концов, утренней болтовни в моем графике не значится», — недовольно подумала Лизетт, но остановилась и посмотрела на соседку поверх машины.

— Мне пора на работу...

— Знаю, надолго не задержу.

Мэгги поманила Лизетт пальцем и сбежала с крыльца, на этот раз без маленького брехуна на руках. Собачий лай доносился из дома, песик явно негодовал, что его оставили в одиночестве. Лизетт покорно подошла к соседке, осторожно ступая по росе. Не хотелось ехать на работу с мокрыми ногами.

— Что-то случилось?

— Возможно.

Мэгги не нанесла макияж, однако без раскраски выглядела даже моложе. Странно.

— Слушай... не оглядывайся, но на улице со вчерашнего вечера стоят подозрительные машины. Один автомобиль уехал около семи утра, другой тут же занял его место. Словно они что-то высматривают. Не нравится мне это, очень не нравится — настораживает. Вдруг они выбирают дом для ограбления?

Забавно, но когда вас просят не оборачиваться, так и тянет посмотреть. Лизетт похолодела, сосредоточившись на бдительной соседке. «Стало быть, это совсем не больное воображение, что за мной кто-то следит». Непонятно, гордиться собственной наблюдательностью или всерьез испугаться. «Не смотри туда, не смотри».

— Может, вызвать полицию, пусть проверят? — наконец нашла Лизетт.

— Не знаю. — Мэгги тоже смотрела исключительно на собеседницу. — Но как-то тревожно.

Если бы в районе орудовала банда грабителей, Лизетт не сомневалась бы, как поступить... и вдруг поняла, что в состоянии справиться и с куда худшими ситуациями.

— Не волнуйся, я разберусь, — твердо заверила она. — Спасибо за бдительность.

— Что ты собираешься делать? — немного испуганно спросила Мэгги.

— Запишу их номер.

«Ну, держитесь!» Поскольку теперь Лизетт по-новому парковала свою тачку, то выезжать задним ходом не требовалось. Завела машину, тщательно изучила все транспортные средства, припаркованные на улице, и почти сразу заметила чужака, хотя сам автомобиль ничем не примечательный — бежевый семейный седан. Точно не принадлежит никому из местных жителей. И внутри сидит мужчина, который сполз на сиденье пониже, словно стараясь спрятаться. Без предупреждения соседки Лизетт промчалась бы мимо, не

обратив на постороннего никакого внимания. Если бы она поехала обычным маршрутом, то свернула бы в противоположном направлении, и он без проблем пристроился бы сзади впритык, не позволяя увидеть номерной знак. А вдруг этот тип выхватит пистолет и выстрелит? Вряд ли. Неизвестно почему, но за ней пока только наблюдали, до сих пор никто не пытался ей навредить. А если Мэгги действительно засекла потенциальных грабителей, они, скорее всего, не вооружены, потому что, пойманные с оружием в руках, получают гораздо больший тюремный срок.

Лизетт затормозила в конце своей дорожки, посмотрела в обе стороны — никого, и вырулила на шоссе. Сразу же нажала на тормоз, дернула рычаг передачи назад и, взвизгнув шинами, рванула к подозрительной машине. Приблизившись, увидела испуганное лицо парня, таращившегося на нее сквозь окно. Снова ударила по тормозам, быстро записала номер, остановилась рядом и опустила стекло с пассажирской стороны.

— Эй, — сердито крикнула Лизетт, сотрясая блокнотом. — Если подыскиваешь объект для грабежа, приятель, лучше подумай дважды, потому что я записала номер твоей развалюхи.

— Я... — ошеломленно пролепетал водитель, словно она не листком помахала перед носом, а протаранила его машину, — что? Нет... честно, леди, это не то, что вы...

— Тогда убери свою задницу с нашей улицы, — рявкнула Лизетт. — И не говори, что кого-то ждешь, не со вчерашнего же вечера. Думаешь, люди тебя не заметили? Придурок!

Парень явно проникся, и Лизетт с приятным чувством одержанной победы пронаблюдала, как он тронулся с места, свернул на первом же перекрестке и исчез из виду. Подняла пассажирское окно, опустила водительское и с улыбкой помахала Мэгги, проезжая мимо. Соседка отсалютовала в ответ.

«Двух зайцев одним выстрелом», — торжествовала Лизетт. Если этот тип из банды грабителей, то убрался восвояси. Если частный детектив, которого наняли за ней следить — она его спугнула. Пусть доложит, что его заметили соседи, а поднадзорная записала номерной знак и заподозрила в преступных намерениях. «А пока, хоть и ненадолго, я ускользнула из-под радаров».

Скрывшись из виду, мужчина в бежевом автомобиле набрал номер на мобильнике.

— Меня засекли, — коротко доложил он. — Соседка. Потом переговорила с объектом. Та записала мой номер, обвинила в подготовке грабежа и пригрозила немедленно сообщить в полицию, если поблизости обворуют дом.

Молчание. Очевидно, собеседник взвешивал последствия.

— Ты уверен, что она не срисовала тебя еще раньше?

— Полной уверенности нет, но я видел, как соседка несколько раз выглядывала в окно и, как только поднадзорная вышла из дома, дамочка вылетела на крыльцо и о чем-то с ней беседовала.

— Хорошо. Как бы там ни было, ты спалился. Я оповещу клиента.

Тридцать секунд спустя Фелис приказала:

— Прекратить наблюдение.

Отключилась и стерла историю звонков в телефоне. С этого момента придется действовать по-другому.

Диана решила в обед прогуляться за новыми кроссовками для своего младшенького, который почему-то решил утопить одну из старых во время визита сантехника, у Лизетт же имелись свои дела, так что подруги разошлись в разные стороны.

Дневной трафик как всегда выводил из себя. Дорога до банка заняла вдвое больше времени, чем не в час пик, чему Лизетт отчасти даже порадовалась — выпала лишняя возможность обдумать, мудрый или глупый поступок она собирается совершить.

Сколько взять наличных? Она постоянно откладывала часть зарплаты, но ведь требовалось платить за ипотеку и коммунальные услуги, а недвижимость в Вашингтоне, даже в периферийных районах, стоила недешево. Некая сумма хранилась в депозитных сертификатах — хотя процентная ставка была настолько низкой, что с учетом инфляции Лизетт чуть ли не доплачивала банку, забравшему у нее деньги, — потому что это надежно. Большая часть сбережений сосредоточилась на накопительном пенсионном счете.

На расчетном счете имелось около пяти тысяч долларов, но ипотечные взносы списывались автоматически, и при нулевом остатке оплата за жилье окажется просроченной. Лизетт охватил ужас. Она никогда не выписывала необеспеченных чеков и никогда не задерживала платежи.

Но если придется пуститься в бега, то без наличных не обойтись...

Взять две тысячи — разумный компромисс. Хватит на дорогу и останется достаточно денег для ипотечного взноса, очередного, по крайней мере. А там будет видно.

Может, она и трансформируется в неведомую импульсивную особу, собаку съевшую во всем этом шпионском дерьме, но пока не готова плюнуть на свои финансовые обязательства. Шпионское дерьмо? Мысль как током ударила. Срань господня! Неужели угадала? Неужели она участвовала в чем-то этаким?

Отчасти это имеет смысл, но пугает до смерти. Лизетт не могла представить себя чьим-то тайным агентом. «С другой стороны, если меня подвергли своего рода промыванию мозгов, чем превратили в кого-то другого, разве не естественно, что я не могу представить себя шпионкой?»

В висках заломило, что Лизетт восприняла как команду перестать думать о подобной ерунде и заняться обычными делами. По крайней мере головная боль хотя и беспокоила, но не атаковала. Может, это признак, что она приспособилась или... что-то еще. Лизетт тяжело вздохнула. Вроде бы возможны несколько объяснений, и как, черт возьми, угадать правильный ответ, когда самые разумные кажутся попросту бредовыми?

В банке толклись клиенты. Лизетт глянула на часы — придется что-то съесть по дороге в офис.

К тому времени, как она уложила в бумажник две тысячи наличными, осталось полчаса до окончания обеденного перерыва. Неподалеку располагался барбекю-ресторан, не самый любимый, зато там быстро обслуживали, что сэкономит время, потому можно заскочить туда на обратном пути. Имеет смысл позвонить и заранее сделать заказ, но тогда придется вставить батарейки в мобильник, а Лизетт по совершенно непонятным причинам категорически не хотела этого делать. Сотовый теперь вызывал нервическое отторжение, внушая мысль, что кто-то способен услышать каждое сказанное ею слово.

Через десять минут Лизетт зарулила на стоянку ресторана. Заведение пользовалось

достаточной популярностью — хотя еду можно было назвать всего лишь приемлемой, но подавали без задержки. Некоторые клиенты обедали за несколькими сдвинутыми столами, другие устраивались за барной стойкой, третьи сами забирали тарелки на подносе, а затем занимали столик, четвертые уходили с коробками в руках. За стойкой трудились три сотрудника и, в отличие от кассирши в магазине спорттоваров, явно наслаждались своей работой и даже шутили с завсегдатаями.

Лизетт заказала бутерброд на вынос, чтобы съесть по дороге на работу. Пузатый бородатый мужик за прилавком, по возрасту годящийся в отцы, подмигнул, пробивая чек. Вероятно, каждая женщина, переступающая порог этой забегаловки, достаивалась подмигивания и улыбки. Лизетт окинула бородача внимательным взглядом, классифицировала как безобидного и направилась к выходу. Пожилая женщина придержала дверь, Лизетт улыбнулась, благодарно кивнула и вышла в теплый летний день, благоухающий в этом месте копченым мясом.

Она не прошла и двух шагов, когда заметила черный автомобиль, медленно объезжающий стоянку. Двое мужчин внутри, казалось, проверяли транспортные средства, потому что оба смотрели в разные стороны — водитель налево, пассажир направо. Лизетт застыла на пороге, волосы на затылке встали дыбом. Может, всего лишь разыгралось воображение, но когда они доехали до ее машины, водитель притормозил и уставился на номерной знак.

Явная угроза.

Дерьмо! Дерьмо! Не надо головной боли! Только не сейчас!

Лизетт старательно сосредоточилась на двух незнакомцах.

Боль стихла до терпимого уровня... не исчезла совсем, но хотя бы не мешала думать. «И, черт побери, я в состоянии оценить опасность», — рассвирепела Лизетт. Впрочем, оценка заняла всего мгновение. Пассажир опустил голову. Оба мужчины одеты в толстовки, капюшоны надвинуты глубоко на голову, словно они стремились скрыть лица. Толстовка — неправильная одежда в жаркую погоду, очень неправильная.

Не только Лизетт обратила внимание на машину, еле ползущую через парковку, и двух парней, совсем не похожих на желающих быстро перекусить. Несколько человек заспешили к своим автомобилям, один мужчина застыл как вкопанный, всем телом выражая настороженность, когда увидел черную тачку, медленно объезжающую стоянку по второму разу. Округ Колумбия печально известен любителями пострелять из движущегося автомобиля — почти всегда это шайка обдолбанных наркоманов, — и здесь легко попасть под шальную пулю.

Водитель посмотрел вокруг и заметил Лизетт. Должно быть, что-то сказал пассажиру, потому что тот повернулся и уставился прямо на нее. Затем высунулся из окна с пистолетом в руке.

Лизетт уронила пакет с обедом и автоматически потянулась за оружием, которого не было. Первый выстрел просвистел над головой, попав в зеркальное окно за ее спиной, стекло разлетелось на куски, во все стороны посыпались осколки. Крики раскололи воздух. Мужчина, подозрительно наблюдавший за черным автомобилем, бросился на землю.

Лизетт перекатилась за тяжелый почтовый фургон. От пули не спасет, но между ней и стрелком еще несколько тачек, так что он, возможно, не заметил, куда она спряталась. Оглушительно колотилось сердце, кровь в венах ревела так громко, что Лизетт едва слышала вопли, низвергающиеся со всех сторон.

Люди либо вжимались в бетон, либо бежали куда глаза глядят, ища укрытие, но какой-то толстяк средних лет остолбенел перед фургоном, дико вращая глазами и все еще держа большой пакет с едой навынос.

— Ложись! — заорала ему Лизетт.

Еще один выстрел.

Мужчина закричал, выронил пакет и согнулся, схватившись за плечо. Потом зашатался и упал.

Лизетт стремительно высунула голову из укрытия, молниеносно огляделась... и увидела, что стрелок целится прямо в нее.

Откатилась назад.

Третья пуля попала в фургон.

Знакомое лицо... кажется. Кавказец, лет тридцати пяти, плотного телосложения. Не палил куда попало, а выцеливал именно ее. Ага, наркоман, как же!

Лизетт перевернулась, очередная пуля вонзилась прямо за спиной. Откатилась в противоположном направлении, почтовый фургон оказался с другой стороны. Бросилась обратно, следующий выстрел просвистел над головой, пуля попала в кирпичную стену ресторана. Осколки кирпича впились в руки, поцарапали, но не нанесли особого вреда.

Дерьмо! Загнана в угол, без оружия, стрелку достаточно держать ее в ловушке пока не убьет наконец.

Машина медленно двигалась вперед, убийца с каждой секундой приближался. Какое у него оружие? Он выстрелил шесть раз. Сколько вмещает обойма?

Разум лихорадочно анализировал ситуацию, холодно игнорируя бушующий в венах адреналин. Плохо дело. Бежать некуда. Пузатый бородач из-за кассы выскочил из передней двери с дробовиком наперевес. Он больше не улыбался. Нажал на курок, грохот оглушил.

— Ублюдки вонючие! — заорал он, побагровел, передернул затвор и ловко приложил ружье к плечу.

Стрелок закричал и нырнул вниз, водитель нажал на газ. Автомобиль вылетел с парковки, задев задним бампером чью-то машину.

Ружье прогремело снова, прямо над головой Лизетт. Непрерывному потоку замысловатых проклятий позавидовал бы и пьяный матрос.

— Проваливайте, козлы! Пока я вам задницы не отстрелил!

В ушах звенело от выстрелов. Нет, постойте... от воя сирен, кажется. Трудно сказать наверняка.

Черный автомобиль вырвался на улицу, едва не столкнувшись со встречными машинами. Обалдевшие водители, визжа шинами, резко сворачивали, неожиданно оказавшись в эпицентре разворачивающейся драмы.

Не ее проблемы.

Лизетт вскочила и схватила сумочку, соскользнувшую с плеча, пока она каталась по земле, стараясь увернуться от пуль, и кинулась к своей машине. Следовало бы дожждаться копов и дать показания, но не сейчас. Хочется верить, что бородач с дробовиком избежит нарастания неприятностей, которые свалились на него только потому, что она выбрала это заведение, чтобы купить бутерброд.

Не ее проблемы.

Пора сматываться отсюда.

Лизетт с ключами в руках почти подошла к своей машине и вдруг застыла на полпути.

«Камри»... придется бросить. Нельзя рисковать. Как-то ведь они ее нашли, и неоднократно... сколько раз?

По дороге из продуктового магазина один и тот же автомобиль постоянно маячил в зеркале заднего вида, а она понадеялась, что это плод ее воображения, хотя всеми фибрами ощущала слежку. Они знают, куда она ездит, какие у нее номера... черт, может, «камри» утыкан жучками. Нужна другая тачка.

На парковку въехал новый клиент, явно не в курсе произошедшего, разве что чудом избежал несчастного случая, когда прямо перед носом вылетел автомобиль со стоянки. Лизетт помчалась к нему, водитель открыл дверь машины и вышел, потом заколебался, наконец заметив переполох возле входа в ресторан.

— Что происходит? — тревожно спросил он у Лизетт, совершенно ее не опасаясь, впрочем, большинство мужчин не чувствуют угрозы со стороны женщины.

— Стреляли, — ответила она, нарочито тяжело дыша, и подошла ближе.

Оценила машину. «Крайслер», серебристо-серый, скорее всего, шестицилиндровый.

— Что? Кто-то убит? — изумился парень и шагнул назад, похоже, решив отчалить.

— Вроде бы нет.

Лизетт медленно оглянулась через плечо. Вокруг раненого толпились люди. Вооруженный до зубов бородач — управляющий, владелец, неважно — смотрел на улицу, словно ожидая возвращения бандитов.

— Вы же не собираетесь уехать, не дождавшись полицейских? — хмуро спросил новоприбывший. — Вы должны остаться. Я-то ничего не видел, но... Эй, вы в порядке?

Нет времени церемониться, нет другого способа угнать машину.

— Простите, пожалуйста, — искренне повинилась Лизетт и ударила его в горло, не настолько сильно, чтобы убить, но достаточно, чтобы бедолага рухнул на колени, выронил ключи и, задыхаясь, прижал руки к шее.

Лизетт подхватила ключи с тротуара, перевернула пострадавшего на бок, нырнула на водительское сиденье и завела двигатель — все это быстро и ловко.

Затем аккуратно объехала потерпевшего, держа курс на выезд с парковки. Какая-то часть мозга указала, что не следует пулей вылетать со стоянки, иначе все закончится тем, что ее остановят за рулем угнанной тачки за превышение скорости.

— Простите, — повторила она, глядя в зеркало заднего вида, как ушибленный пытается встать на ноги.

Ничего страшного. Можно было двинуть ногой в пах, но ведь парень не сделал ей ничего плохого, так что Лизетт выбрала щадящий вариант для достижения цели. «Откуда я знаю... откуда я знаю, как ударить человека, чтобы вывести из строя, но не искалечить? Без понятия».

Невозможно долго рассекать на чужой тачке. Полиция уже в пути, прибудет через несколько минут, если не секунд, и мигом примется разыскивать не только стрелков, но и угнанный автомобиль. Надо перехитрить стражей порядка, они наверняка перекроют выезд на главную дорогу, так что Лизетт объехала здание и вырулила на шоссе с обратной стороны, прикидывая в голове лучший маршрут.

Лучший для чего? Для спасения. Для свободы. Для выживания.

И тут увидела стрелков в черной машине, мчавшихся назад, словно они вознамерились еще разок попытаться ее убить, пока не прибыли полицейские.

И они тоже ее заметили.

Лизетт нажала на газ и свернула в первый же переулок. Впереди сверкали синие огни. Отлично. Катит на угнанной тачке прямо в объятья полиции.

Мелькнула мысль сдаться копам... нет, пусть на время удастся улизнуть от убийц, но она попадет в тюрьму, потому что сию минуту ударила парня и украла его машину. Это не спасение, это — ловушка.

Во всяком случае, полицейские пока еще активно не заняты ее розыском.

Хочется надеяться. Сотовые и радики куда быстрее любого автомобиля.

После секундного размышления Лиззи перестала думать и повиновалась чутью. Был момент, ужасный, когда ее новая тачка взревела и ворвалась в поток, подобно черной машине киллеров чуть раньше. Шины завизжали, сигналы загудели. Белый пикап промелькнул буквально в миллиметре. Женщина в соседнем автомобиле вцепилась в руль и закрыла глаза — не самый разумный поступок. Слава Богу, трусихе хватило ума нажать на тормоза.

Лиззи тревожно взглянула в зеркало заднего вида. Черт, оно установлено для водителя гораздо выше ростом. Поправила, затем придвинулась ближе к рулю, потому что едва доставала педаль газа. Где черная тачка? Пока не видно, но это не означает, что машина отстала, может, просто умело прячется в дорожном потоке.

Осмелятся ли убийцы рискнуть поблизости от копов? Может, да, может, нет. Насколько сильно жаждут ее смерти? Насколько рассвирепели, что она теперь удирает не на своем элементарно отслеживаемом «камри» и запросто от них улизнула, пусть и не надолго?

Запросто, ага. Хорошо хоть есть на чем передвигаться. Лизетт вспомнила, как оторвалась от парня с парковки у продуктового магазина, и прошлый вечер, когда лихо гоняла по автомагистрали между штатами. Если сейчас стряхнуть преследователей с хвоста, то они ее не найдут.

И что потом?

«Сражаешься за свою жизнь, выигрываешь схватку за схваткой, но один неверный поворот, один просчет — и ты мертва». На такой скорости, вероятно, удастся прихватить с собой одного бандита, может, даже обоих. Сами виноваты, ей не хочется никому причинить вреда, но ведь приходится спасаться.

А вот и они — черный автомобиль, лавирует с полосы на полосу между транспортными средствами, крайне безрассудно, одна машина со встречки съехала с дороги, только пыль столбом.

Долго это не продлится. В настоящий момент у копов наверняка все сведения уже на руках, посты оповещены. У правоохранителей имеются всякие ресурсы: шипы, контрольно-пропускные пункты, вертолеты. Она не только украла тачку, но и стала свидетелем стрельбы, так что полицейские примутся искать ее так же старательно, как парней в черной машине. Как только копы ее засекут — ей конец. Поток транспорта поредел, освободив место для жертвы и преследователей.

— Могут изобразить непреднамеренное убийство, — пробормотала Лизетт. — Догонят где-нибудь на окраине города и спихнут с дороги, или выстрелят сзади... нет, в такой час обязательно найдутся свидетели покушения. Не вариант.

Покушения? Да, правильное слово. Неизвестно, кто эти уроды, но кем бы они ни были, Лизетт на них сильно разозлилась.

Она преодолела очередной подъем и выехала на федеральную трассу — всего две полосы в каждую сторону, однако с хорошим покрытием — и сделала крутой поворот. Снова

помчалась в Вирджинию. Хотя прошло всего несколько минут с тех пор, как она вылетела со стоянки на угнанной тачке, но время поджигает. Только не вертолеты, пожалуйста, еще нет.

Черный автомобиль тоже выкатился на трассу. Двигатель у них явно мощнее, чем у нее, шести цилиндров мало — мало! — так что они без труда нагоняли. Лизетт вдавила в пол педаль газа — бесполезно. Вцепившись в руль, взглянула в зеркало заднего вида, выбирая момент. Ближе, ближе. Вот преследователи уже слева. Они летели по федеральной автомагистрали со скоростью более ста миль в час, бок о бок, оторваться не удастся. Парень на пассажирском сиденье опустил стекло и через открытое окно нацелился прямо на нее.

Лизетт ударила по тормозам, резко крутанула руль, развернулась и оказалась на встречной полосе. Вот дерьмо! Ничего себе маневр! Где, черт возьми, она научилась так лихачить? Черная машина затормозила, мигалки впереди указали, что полицейские рядом.

— Мать твою! — злобно выпалила Лизетт, лихорадочно оглядывая приближающиеся автомобили, и нажала на газ.

Сто миль в час на федеральной трассе — это страшно. От езды по встречке — с любой скоростью! — обалдеет даже самый отвязный адреналиновый наркоман. Придется съехать на обочину, чтобы не врезаться с кем-то лоб в лоб. Лизетт снова крутанула руль, машина на мгновение подпрыгнула в воздух, потом приземлилась на пологий травянистый склон и помчалась к деревьям. Ну и дерьмо! В битве дерева с автомобилем всегда побеждает дерево. Вот ведь невезуха — оторваться от плохих парней и погибнуть от удара в гребаную лесину.

— Мать твою!

На какой-то момент, казалось, длившийся минут пятнадцать, нахлынул всепоглощающий ужас, подобного она в жизни не испытывала.

Лизетт в который раз крутанула руль и отпустила педаль газа, машина так резко и жестко врезалась в дерево со стороны пассажира, что клацнули зубы.

Потом выпрыгнула наружу. Схватила сумочку и помчалась прочь от автомагистрали. Вдали слышались сирены, но времени не хватит спрятать автомобиль. Следы четко отпечатались в траве, не говоря уже о том, что дорожное движение грохотало прямо за спиной, и — о да, — на виду валялась разбитая чужая тачка.

Интересно, у копов уже есть достоверное описание ее внешности и одежды? Большинство очевидцев дают ужасно путаные показания, полностью перевирают цвет волос, рост, возраст, но у мужика с дробовиком, казалось, имелась голова на плечах и глаза глядели цепко. Ладно, нет времени беспокоиться и гадать. Надо сматываться, чем дальше, тем лучше.

Пробираясь по щиколотку в высокой траве, Лизетт вдруг вспомнила, что не стерла свои отпечатки в автомобиле. Но... какая теперь разница? Убийцы лучше нее знали, кто она такая, черт побери, и если ее отпечатки имеются в каких-то базах... шутишь? Разумеется, где-то да имеются. Главный вопрос — где? В федеральной дактилоскопической, полицейской или где-то еще?

Учитывая место действия и общую топографию, не следует рассчитывать, что удастся долго оставаться незамеченной. Деревья поредели, уступив место асфальту, детской площадке, выдавшей лучшие дни, и улице, застроенной жилыми домами.

Несколько человек совершали пробежку в парке по соседству. Наверняка спортсмены здесь не редкость, однако часто ли можно увидеть бегунью в деловом костюме с дамской сумочкой в руке? Вдалеке, даже сквозь собственное тяжелое дыхание Лизетт расслышала шум вертолета — может, новостного канала, может, полицейского. Остальные тоже уловили стрекот и посмотрели вверх, прикрыв ладонями глаза от палящего солнечного света. Если бы

пролетел самолет, никто бы и головы не поднял, но вертолеты всегда привлекают внимание.

Неважно, кто там наверху — репортеры или копы, они будут выискивать бегущую женщину, стало быть... Лизетт застыла как вкопанная, стиснула сумочку и как все окружающие посмотрела вверх, тоже загородив глаза от солнца. В парке прогуливались несколько женщин, многие с детьми. Если просто стоять на месте, то легко сольешься с толпой.

Спрятаться на виду у всех.

Лиззи продолжала смотреть вверх, лихорадочно размышляя. Интересно, кто-нибудь заметил, что она не здешняя, или что недавно неслась как угорелая, а когда прибежала сюда, то тяжело дышала, а щеки покраснели? Но на этой улице много домов, вряд ли все местные жители наперечет, разве что найдется такая резвушка как Мэдисон, чересчур смекалистая девчушка, с удовольствием обезобразившая автомобиль Лизетт возле небольшого жилого комплекса. Боже, кажется, это случилось так давно, а ведь прошло всего... три дня?

Вертолет летел низко, барражируя над федеральной трассой, над кошмарным — Лизетт это точно знала — автомобильным потоком. Отсюда, однако, никто не увидит ни самой трассы, ни напряженного движения. Кто-то спросил, не обращаясь ни к кому конкретно:

— Что происходит?

Ответа не последовало. Вертолет повернулся и направился в ту сторону, откуда она прибежала. Лизетт посмотрела на женщину рядом, пожала плечами и неспешно пошла прочь, словно точно знала, куда идет.

Ха. По правде говоря, она понятия не имела, каков следующий шаг.

Ксавье ухватил несколько часов крайне необходимого сна в защищенной квартире Д. П. Халстон, откинувшись на спинку кресла и взгромоздив ноги в ботинках на стол. Можно было расположиться и в собственной кровати, но идея улечься спать там, где его легко могли найти — речь не о его бойцах, — в теперешней заварушке показалась излишне рискованной.

Мгновенные сообщения оповестили о перепалке Лиззи с тупыми недоумками из наблюдения. Боже, насколько типична для нее эта ловкость и напористость!

Никто не знал Лиззи лучше Ксавье. Она обыграла ситуацию со слежкой, найдя разумное объяснение всему происходящему в рамках своей легенды. Загнала топтунов в тупик, а его люди немедленно известят, если случится что-нибудь необычное. Он уже знал, что Макгоуэн снова встречалась с Элом с утра пораньше, и что после столкновения с Лиззи соглядатаи Фелис убрались восвояси.

Так-то лучше, не надо толкать Лиззи, пусть сама вернется в прежнюю рутину. Самый большой вопрос — а способна ли Фелис не толкать? Она чересчур уверена в себе, а значит, постоянно недооценивает других, но ведь люди могут послать к чертовой матери любые планы и схемы. В ее мире считается, что достаточно отдать приказ, и он будет беспрекословно исполнен. В реальном мире люди тоже постоянно подчиняются приказам, однако ради собственных интересов способны с удивительной легкостью отмахнуться от требований долга.

В общем, Фелис наверняка пишет кипятком, что Лиззи прогнала наблюдателей. Эл мог бы... Про Эла только Богу известно. Предсказать действия Форджа в любой ситуации — безнадежная затея, именно поэтому он чертовски хорош в своем деле.

Фелис легко прогнозируема. Фордж совсем наоборот. Так почему же Ксавье доверяет Элу больше всех на свете?

Потому что они с Форджем шагали по одним и тем же тернистым дорогам — вот почему. Эл попадал под прицельный огонь и стрелял в ответ. Эл не понаслышке знает, каково это — убить человека. Фордж занимался реальными делами, не умозрительными абстракциями. Пять лет назад все они влипли в дерьмовую ситуацию. Четыре года назад дерьмовая ситуация превратилась в кошмар. Они справлялись как могли, именно та акция связала их всех в непростой альянс.

Им всем придется жить с тем, что они натворили. Всем, кроме Лиззи. Ее сочли аутсайдером, единственным ненадежным членом команды. Учитывая, что первоначально она являлась ключевой фигурой плана, Ксавье этого мнения не воспринимал, но даже ему пришлось признать, что потом Лиззи так и не смогла с собой справиться, что и качнуло чашу весов не в ее пользу. Она впала в депрессию, замкнулась, часто плакала. Пришлось выбирать — пуля в голову или некая манипуляция с мозгами. Лиззи выбрала последнее. Да уж, тот еще выбор. Потерять жизнь или потерять себя.

Сам Ксавье тогда выбора не имел, потому что в любом случае Лиззи перестала для него существовать, из-за чего он мучительно страдал все эти годы.

Но Ксавье остался бы никем, если бы не обладал стратегическим мышлением, так что с самого начала соорудил собственную сеть мин и ловушек на тот случай, если снежный ком покатится вниз. К тому времени Фелис заметила, что он не шагает в ногу со строем как

стойкий оловянный солдатик, и была готова устранить и его тоже, прекрасно понимая — если Ксавье сорвется, то захватит с собой всех остальных участников группы.

Первоначально их было восемь. Двое уже мертвы. Один умер естественной смертью, второму помогли. Ксавье это точно знал, потому что сам и «помог».

Теперь осталось шестеро. Он сам. Лиззи. Эл. Фелис. Чарли Дэнкинс. Адам Хейес. Все они преступники, заслуживающие смерти, и все уцелели. Чарли и Адам ушли в отставку, живут своей жизнью, уверенные, что поступили правильно и достойно, бросив на плечи Фелис и Эла все проблемы, которые могут возникнуть в будущем.

Ксавье тоже давно слинял бы... если бы не Лиззи. Он следил за тем, как она вписалась в новую жизнь после того, как уничтожили всю ее энергию и непредсказуемость... или они так думали. Слава Богу, что все были абсолютно уверены в успехе, и, слава Богу, что все так сильно ошиблись.

Он, как и остальные, считал, что химическая промывка мозгов необратима, что его Лиззи ушла навсегда, и осталась только ее невзрачная оболочка. Эл и Фелис тоже не сомневались, что ничего никогда не изменится. Но вот она заболела, а Уинчелл брякнул подсказку про три года, чем навел Лизетт на мысль, что когда-то ее мир был совсем не таким скучным и пресным.

Так, стоп. «Черт, как же я раньше-то не сообразил». Рвота. Сильная головная боль. Это не вирус, это ее мозг начал восстанавливаться, рассудок пытается пробиться сквозь блокировку памяти. Именно поэтому она не отреагировала на оговорку Уинчелла: потому что к тому моменту уже поняла — что-то происходит. И при первой возможности уничтожила сотовый. Вероятно, Лиззи вспомнила далеко не всё, полностью память никогда не вернется. Но ее истинная личность вновь заявляет о себе, значит, начался процесс исцеления. Очень важно следить за дальнейшими изменениями... они наверняка последуют, возможно, происходят уже в эту минуту.

Необходимо переговорить с Элом... когда-нибудь, но точно не сейчас. Если сообщники осознают, что блокировка начала рушиться, Лиззи и до утра не доживет.

Но пока все улеглось. Лиззи снова вышла на работу, ни один из его наблюдателей не сообщил ничего тревожного, так что можно немного поспать.

Ксавье проснулся в полдень от тревожного предчувствия. Спустил ноги на пол, выпрямился в кресле и изучил монитор. Лиззи едет в своей машине. Обед, ничего необычного. Все остальное тоже нормально. Остался старый кофе, он разогрел его в микроволновке, соорудил бутерброд и сжевал, не переставая контролировать ее передвижения.

Маячок замер и выдал адрес. На втором мониторе высветилась детальная картинка. Вот дерьмо, она остановилась возле банка. Тревожный колокол зазвенел в голове. Вчера она уже заезжала к банкомату по дороге домой из магазина спортивных товаров. Зачем ей банк меньше чем через сутки?

Наличные. Чтобы взять побольше наличных. Лиззи знала, что лучше не использовать кредитную карту, которую могут мгновенно отследить. Не обычные копы, нет, но люди Фелис, люди Эла, его собственные... черт, да.

Неужели она планирует побег?

Ксавье выслал своим парням тревожный код, прослеживая движение автомобиля Лиззи на карте. Теперь она отправилась обратно в сторону своего офиса. Снова остановилась, высветился адрес барбекю-ресторана. Собралась пообедать. Ладно, все пока в основном

нормально, за исключением визита в банк. Аналитики Эла сумеют — или нет? — обратить внимание на этот факт, сегодня дежурит другой парень, вполне вероятно, что он понятия не имеет о вчерашнем подходе к банкомату. Сведения о слежке уничтожались по окончании смены. Но Эл получает всё, и Ксавье ни на секунду не сомневался, что Фордж уловил аномалию, если — большое «если» — сегодняшний оперативник уже сообщил, что она заходила в банк.

Ксавье только проглотил последний глоток горького кофе, как начался ад крошечный.

На мониторе затрепетали сообщения с красными флажками, одновременно зазвенела защищенная наземная сеть.

— Твою мать! — рявкнул он, вскакивая с кресла.

Ксавье точно знал, что происходит: эта гребаная Фелис действует за спиной Эла по собственному плану. «Если тебе это удалось, если хоть что-нибудь случилось с Лиззи, я тебя, сука, на молекулы разорву!»

Прочитав сообщение «У ресторана перестрелка», злобно рявкнул в телефон:

— Ты на месте?

— Почти. Только что узнал.

Очередное сообщение: «Владелец ресторана открыл ответный огонь из дробовика».

— Добрался наконец? — рыкнул Ксавье, выхватил глок, проверил обойму и сунул обратно.

Невозможно сидеть на месте и читать донесения, когда Лиззи под огнем. Вечная спутница — ледяная решимость разлилась по жилам, заморозила сердце. Если сучьи агенты убили Лиззи, весь мир уже через час узнает всю правду, но задница Фелис принадлежит ему. Неважно, какие меры безопасности она предприняла, неважно, где спрячется, он достанет эту паскуду и заставит заплатить.

— Да, я почти у цели. Стрелки смылись.

— Ты ее видишь?

Это самое главное, вокруг чего вращается его жизнь и жизнь еще нескольких человек.

— Пока нет. Я только подъехал. Дерьмо! Вот она! Идет прямо ко мне!

Жива. Кулак, сжимавший сердце, ослабил железную хватку.

Белый свет еще не померк.

— Я в пути, — сухо отрезал Ксавье. — Держи меня в курсе через защищенную сеть.

Прервал связь и пошел к двери.

Фелис ударит не только по Лиззи. Не такая она дура. Главный вопрос — попытаются ли ее люди напасть на него здесь, в квартире, или подкараулят в более уединенном месте, например, на участке дороги несколькими милями дальше, где с бешеной скоростью гоняла Лиззи?

Они не могли предугадать, что Лиззи остановится пообедать именно у этого ресторана, хотя он и на пути в ее офис, стало быть, атака была спонтанной: представилась возможность — за нее ухватились. Логично, что и Ксавье постараются достать где-нибудь на его обычном маршруте.

Фелис не использовала людей Эла, это точно, он бы знал. Сам Фордж способен — возможно — предотвратить покушения. Большой вопрос: Макгоуэн привлекла других оперативников или посторонних гражданских?

Наверняка гражданские. Они не в курсе ситуации, получив задание, не станут поддерживать с Фелис никаких контактов, да и стоимость их услуг наверняка дешевле,

значит, так легче спрятать денежные операции, чтобы с ней никак не связать.

Интересно, где Фелис расставила своих шпионов, чтобы те предупредили убойную команду, когда Ксавье выйдет из квартиры.

Варианты. Можно взять свой грузовик из частного гаража владельца квартиры на первом этаже... или автомобиль Д.П. и уйти от хвоста. Кроме того, в другом безопасном месте хранился мотоцикл, о котором никто не знал, но...

Возможно, лучший вариант — сесть в знакомый им автомобиль, выманить приставленную к нему группу в тихое местечко, где и отправить к праотцам. Понеся потери в живой силе, Фелис придется задуматься о подкреплении. Кроме того, увидев Ксавье за рулем грузовика, сучьи агенты вообразят, будто он ослабил бдительность и не ждет нападения. Ни Фелис, ни Эл не купились бы: он никогда не терял бдительности. Но нанятые ею олухи понятия об этом не имеют, что ему только на руку.

Ксавье увидел соглядата, едва поднял дверь гаража и выехал наружу: белый «шевроле малибу», припаркован пятью или шестью домами вверх по улице, на противоположной стороне. Один парень.

Тупая задница. Где она взяла этого придурка? Ладно, перефразируем: может, и не тупая задница, но, безусловно, гражданский. И все же не следует недооценивать противника, лучше действовать так, словно имеешь дело с опытным ветераном тайных операций.

Менее чем в миле от квартиры заметил хвост. Не парня в белом «малибу», а серый грузовик, «додж». Умный ход: уравнивать возможности транспортных средств, если придется палить на ходу, мчась бок о бок. Рискованный способ, возможно, вынужденный, но на каком-то извращенном уровне Ксавье одобрил недурную задумку.

Двое мужчин, отметил он, когда серый грузовик подобрался ближе. Больше никого, не видно даже парня в белой «малибу». Всего двое? Твою мать, это ж прямое оскорбление!

Ладно, тогда разберемся с парочкой на собственных условиях и по-своему. Ксавье петлял между машинами, но ехал плавно, легко, словно просто-напросто куда-то спешит, а не старается оторваться от хвоста. Они отстали, но не слишком далеко.

Как назло, обычно пустой участок дороги вовсе не пустовал, пара легковушек и полуприцеп проехали мимо, достаточно далеко друг от друга, но серый «додж» не сумел втиснуться между ними и машиной Ксавье. Вот дерьмо, теперь придется тащиться вереницей. Можно легко столкнуть противников с дороги своим тяжелым усиленным грузовиком и решить проблему, но теперь они въехали в густо населенный район, так что возможность атаки для любой из сторон исчезла.

Кстати, как там Лиззи? Защищенный телефон уже прогудел пару раз, да руки были заняты. Обогнал седан и пристроился впереди, дабы не дать возможность стрелку прицелиться, потом схватил телефон. Да, да, за рулем нельзя читать-писать СМС. Но обстоятельства вынуждают.

Сообщение «Она меня вырубила и угнала мою тачку» заставило рассмеяться вслух.
— Класс.

Его ребята — лучшие из лучших. Теперь бедолагу задразнят до смерти.

Набрал текст: «У меня на заднице двое. Справлюсь. Где она?»

«Не знаю».

«ОК, сам засеку, как только избавлюсь от двух клоунов».

Ксавье с облегчением положил трубку. С Лиззи не только все в порядке, она еще и действует так, как никто из них не ожидал, даже он. Угнала машину у одного из его парней?

Разумеется, никто и пальцем бы ее не тронул, но все же... да, это очень круто.

А пока разберемся с двумя придурками на хвосте.

Любимый парк для пробежек — просто идеальное место, отчасти потому, что Ксавье знал там каждый дюйм. Прекрасная территория для серьезных спортсменов, которым нравились трудные тренировки. Обеденный поток транспорта поредел, и все же дорога до парка заняла почти десять минут. Любители поразмяться днем разбрелись, так что на парковке имелись свободные места. Беговые дорожки обычно переполнены рано утром и поздно вечером, когда не так жестоко палит солнце, поэтому, если повезет, удастся обойтись без свидетелей.

Пусть мужики за спиной ломают голову, какого черта он сюда притащился, плевать, что они там думают, лишь бы направились за ним. К тому же, с их стороны разумно рассчитывать, что в парке легко сопроводить мишень в укромный угол и без помех выполнить приказ. Ксавье едва не фыркнул. Ага, как же. Помечтайте, болваны. «Хотели загнать меня в такое место, где нет ни камер, ни свидетелей? Добро пожаловать!»

Ксавье припарковал грузовик возле начала протоптанной тропинки, вылез наружу и исчез за ближайшим углом, когда «додж» въехал на стоянку.

Слева от него стеной стояли мощные деревья, ветви свисали до земли. Ксавье решил расположиться в лесистой части парка, где тропа изобиловала крутыми поворотами и слепыми участками с валунами и густым кустарником, дающим дополнительное укрытие.

Застыл в тени огромных деревьев, выхватил оружие и стал ждать. Хорошая позиция — видна беговая дорожка, а также прилегающее пространство, если они решат не рисковать и подкрасться к нему через подлесок.

Лучшая тактика, кстати: один идет по тропе, второй — по лесу.

Справа раздались осторожные шаги, то медленные, то чуть быстрее. Через небольшой просвет в листве Ксавье разглядел парня. Между тридцатью и сорока, редящие волосы на висках, ничем не примечательный, вокруг тысячи таких же, повседневная одежда, вообще ничего угрожающего.

С этим все ясно. Ксавье переключил внимание на лес, прислушиваясь к шороху, треску, грохоту камешков. Где второй?

Первый переместился и повернул голову. Ксавье стоял неподвижно, серая одежда сливалась с фоном. Человеческий глаз, особенно неподготовленный, ничего не заметит. Ксавье ждал, изучая добычу через крошечные просветы в листве. На пистолете в правой ладони преследователя глушитель.

«Прощай, дружок». Убийца прошел мимо, Ксавье бесшумно ступил ему за спину и со всей силы ударил рукояткой по затылку. Парень хрюкнул и повалился на землю, больше не успел издать ни звука, потому что Ксавье вырвал пистолет у него из руки, прижал к темечку и нажал на курок.

Мужик дернулся, и все было кончено.

Выстрел с глушителем все равно производит некоторый шум, второй мог что-то и уловить, в зависимости от того, как далеко находится. Ксавье предположил, что противник где-то рядом, в противном случае это просто пара дилетантов. Вероятно, тот решил, что стрелял напарник, однако агенту неизвестно, имеется ли глушитель на пистолете Ксавье. Только полный идиот заорет: «Ты его достал?» А эти ребята идиотами не были. Слишком неопытные, чтобы играть с ним в подобные игры, но не идиоты.

Ксавье вернулся в лес, быстро, осторожно, оглядывая пространство во всех

направлениях, выжидая...

Пуля ударила в дерево в шести дюймах над головой.

Ксавье упал, откатился в сторону и нацелил ствол в полумрак леса, улавливая любое движение, шелест или вздох, выбивающиеся из тишины и спокойствия парка.

Ничего.

Может, первый изначально считался расходным материалом, и второй использовал его как приманку, чтобы выманить мишень.

«Неплохо, — одобрил Ксавье. — Не сработало, но неплохо».

Враг где-то рядом. Ксавье присел на корточки, дыша медленно и легко. Можно просто дожждаться парня, да дел полно, некогда тут расслаживаться. «Испробуем древний как мир трюк». Бесшумно переместившись, старательно держась в тени, Ксавье поднял небольшой камень и бросил влево. Звук падения большого шума не произвел, да это и ни к чему, надо создать видимость выскальзывания камешка из-под ноги.

Выстрел. Ксавье засек вспышку, затем уловил почти неслышимые шаги по грязи и опавшим листьям. Большого и не требуется.

Ксавье выстрелил дважды, второй парень рухнул на землю. Пригнувшись, осторожно, не сводя глаз с предполагаемого покойника, Ксавье подошел ближе.

Оказывается, второй еще жив. Вот-вот очочурится, но пока жив. Увидев мишень, даже слабо дернулся за пистолетом.

Ксавье наступил ему на запястье и пустил пулю между глаз. Потом быстро вернулся на тропинку и перетащил труп первого стрелка в кусты, чтобы преждевременно не поднялся шум и крик, оповестив Фелис, что ее команда облажалась. Выигранное время может стать критическим.

Ксавье затоптал следы своих ботинок на мокрой тропинке, вытер отпечатки на пистолете и сунул его обратно в руку парню номер один. Пусть детективы немного развлекутся, гадая, как это мужик умудрился выстрелить себе в затылок из собственного ствола.

Потом вернулся к своему грузовику. На тот случай, если кто-то его все же увидел и свяжет с двумя трупами в лесу — хотя сам Ксавье никого не заметил, но люди увлекаются странным дерьмом, например, снимают на сотовый разные транспортные средства, — надо отогнать грузовик в безопасное место, не в гараж своего дома, и временно воспользоваться другим автомобилем.

Покинув парковку, вытащил мобильник и активировал программу, следящую за передвижениями Лиззи.

Вместо того чтобы мчаться прочь из города, Лиззи углубилась внутрь огромного перенаселенного Вашингтона, заполненного туристами, политиками и обычными жителями, среди которых при желании легко затеряться. Манила прекрасно развитая сеть общественного транспорта — особенно в центре города, — но Лиззи опасалась спускаться метро — слишком много камер и слишком мало выходов, если попадет в ловушку.

Слава Богу, в кошельке имеется наличность. Паранойя — впрочем, это никакая не паранойя, как выяснилось, — сослужила хорошую службу.

Лиззи решительно шагала по тротуару, словно четко знала, куда идет. В голове лихорадочно метались мысли. Чем, черт возьми, поможет снаряжение, раз она оставила его дома? Дьявол, надо было сложить покупки в рюкзак и положить в машину. Да, пришлось бросить «камри», но ... «О, черт, вторая ошибка, очевидная для заднего ума».

Может, представилась бы возможность подкрасться к тачке, схватить рюкзак и снова оторваться от врагов? Нет, ничего бы не получилось. С экипировкой она облажалась. А ведь можно было попросту зайти в ресторан с рюкзаком за плечами, нынче многие горожане ходят с вещмешками за спиной, она бы ничем не выделялась.

Но сейчас купленные вещи недоступны, словно запертые в каком-то сейфе, и она впустую потратила деньги. Домой нельзя. Если не плохие парни, то копы наверняка схватят. Теперь она угонщица и — о, да! — еще и хулиганка, напавшая на владельца автомобиля, так что можно не сомневаться — на ней висит целый букет преступлений. Не просто воровка, еще и бандитка. Увы, о визите в собственный дом не может быть и речи.

Возникает вопрос: это они плохие парни или она? «И как разобраться, если я ничего не помню? Вдруг в прошлом я натворила нечто ужасное?» В конце концов, как выяснилось, она весьма лихой водитель, разбирается в охотничьих ножах, оружии и перечном аэрозоле. С какой стати?

Лиззи напряглась в ожидании атаки, но боли не последовало.

Нет, надо мыслить логически. Они точно знали, где ее найти. Если она влипла во что-то криминальное, почему не напали раньше?

Вместо этого просто ждали и наблюдали. Ничего не происходило, пока она не начала вспоминать. Несмотря на все усилия вести себя с виду нормально, все же выбилась из рутины: ускользнула от преследователей, уничтожила старый сотовый и не активировала новый... ах, да, не стоит забывать о спонтанной поездке в Вирджинию. То есть практически подала соглядатаям сигнал аварийной тревоги.

Ретроспективный взгляд расставил всё по местам, чем принес чертовски огромную пользу. Придется затаиться на несколько дней, может, даже на неделю или больше. Дерьмо.

Нытье и горестные стенания не помогут. Необходимо сообразить, как действовать в сложившихся, а не в предполагаемых обстоятельствах.

Первое побуждение — бежать как можно дальше от города, но не этого ли от нее и ждут? Хорошие парни или плохие — они наверняка предполагают, что она пустится в бег.

Нужно время, чтобы помозговать, время, чтобы собраться с мыслями и придумать план.

Женщина, которой она стала — скучная, предсказуемая, с чужим лицом, — наверняка впала бы в панику. Но та, которой она была раньше, та, которая шла своей дорогой, никогда не паниковала, потому что понимала значение самоконтроля, хладнокровия и...

планирования.

«Похоже, внутри меня существуют два человека: Лизетт, которая безвольно плыла по течению, и...кто? Кто же я на самом деле?».

Лиззи.

Имя прозвучало в голове как эхо, издалека, еле слышно. Мгновенно боль пронзила череп, но исчезла прежде, чем Лизетт сосредоточилась на чем-то другом.

А это значит... черт, и что же это значит? Вдруг вспомнилось, как родители иногда называли ее Лиззи, так что память не дочиста стерта. В колледже ее звали Лиз, но... где-то в пути она превратилась в Лиззи, стало быть, могла и снова вернуться к Лизетт? Почему не удастся вспомнить, когда именно?

Потому что это нечто незначительное, не Бог ведь какое событие. Однако имя Лиззи очень нравится, а вот Лизетт не подходит, словно чужая обувь, натирающая пятки. Жаль, что эта парочка — Лизетт и Лиззи — непрерывно воюет, требуется срочно что-то предпринять, но что?

Повинуйся интуиции. Она уже не раз тебя спасла.

«Теперь понятно, что ты — мишень. Неизвестно, кто тебя преследует и почему, ясно одно — надо найти способ скрыться». Нельзя вернуться домой, нельзя звонить друзьям, нельзя забрать свою машину. Никогда больше не удастся выйти на прежнюю работу, прогуляться или совершить пробежку по знакомым окрестностям.

Кем бы ни были преследователи, они знают, как она выглядит, но на данный момент не представляют, где она находится. «Как скоро они до меня доберутся?» Инстинктивно Лизетт свернула в ближайшую аптеку, улыбнулась кассирше возле входной двери, схватила корзинку и зашагала за покупками.

Краска для волос? Нет. У нее натуральные каштановые волосы. Перекрашенные всегда заметны, и они наверняка рассчитывают, что она превратится в блондинку или рыжую. Вместо этого Лизетт взяла шпильки, чтобы по-другому уложить волосы, замаскировав их длину. Еще лучше — постричься, пусть неумело, перед зеркалом номера в отеле.

Ножницы в любом случае не помешают. Выбрала хорошую крепкую пару и положила в корзинку. Конечно, до ножа им далеко, но раз тот остался дома, ножницы все же лучше, чем ничего. В аптеках, черт возьми, не торгуют ни охотничьими ножами, ни перцовым аэрозолем.

Нашла шляпу с широкими полями — пригодится, и не только чтобы прятать лицо, но и защитит от палящего летнего солнца. Бесформенная футболка, дешевые теннисные туфли и носки. Жаль, что здесь не запасешься никакими штанами, но, слава Богу, утром на работу надела брюки, а не юбку. Сойдут, пока не купит что-нибудь другое. Кроме того, Лизетт бросила в корзину дешевую большую торбу, наряду с дорожными туалетными принадлежностями и огромными солнцезащитными очками.

Они — кем бы ни были эти проклятые они — примутся искать перепуганную офисную мышь в бегах. Значит, надо стать кем-то другим.

«Я способна преобразиться, — нахлынула неожиданная уверенность. — Полностью. В прошлом мне это прекрасно удавалось».

Благодаря жучкам в бумажнике и сотовом, Ксавье отслеживал передвижения Лиззи, поэтому не спешил ее перехватить. Жива-здоровая, пусть напугана и растеряна, но учитывая явное возвращение былых навыков, наверняка не настолько сильно, как обычная женщина. Ускользнула от наемников Фелис, сообразила даже бросить свой автомобиль, так что теперь они потеряли возможность следить за ней по «камри». Не ранена, действует весьма решительно. Похоже, лучшая идея на этот момент — дать ей время немного успокоиться.

Ксавье никогда бы себе не простил, если бы Лиззи сумела ускользнуть и от него тоже... в прошлом такое иногда случалось, не часто, но все же случалось, так что расслабляться не стоит.

Надо пристроить грузовик в безопасное место, на что потребуется время. Машину Д.П. взять нельзя, потому что люди Фелис снова нападут, если он вернется в квартиру. Можно от них ускользнуть, если войти через гараж Д.П., а не свой, но зачем рисковать, если за это время можно добраться до припрятанного мотоцикла? Байк куда быстрее доставит в нужное место, абсолютно неопознаваем, а шлем укроет от любой программы распознавания лиц.

Провал убойной команды — неудачная попытка ликвидации их с Лиззи — наверняка заставит Фелис удвоить усилия. Неизвестно, участвовал или нет в операции Эл — скорее, нет, — или привлекли бойцов из внешнего круга. В любом случае проще иметь дело с Форджем, не считая того, что его действия в той или иной ситуации невозможно спрогнозировать. Мелькнула мысль позвонить Элу, но в конце концов Ксавье решил, что это пустая трата времени.

Даже если Фордж тут ни при чем, все равно по телефону ничего не сообщит. Объединился он с Фелис или нет, в обоих случаях скажет одно и то же, так что результат звонка в итоге будет нулевым.

В общем, пусть подергаются по поводу полного отсутствия контакта с ним. Фелис затрепыхается, усилил свою и дочери охрану, чем оттянет ресурсы от поисков Лиззи. Пока довольно и этого. Фелис заплатит сполна, но не сейчас. Сейчас главное — Лиззи. А до самонадеянной суки он доберется позже.

Ксавье снова проверил местонахождение Лиззи, та стабильно двигалась к центру города, но вдруг остановилась. Увеличил изображение. Аптека.

В наше время большая аптека сродни универмагу. Можно приобрести множество необходимых вещей: кое-что из одежды, солнцезащитные очки, пусть и не кухонные ножи, но хотя бы нечто острое — ножницы, пилочки и тому подобное.

Лиззи может перекрасить волосы. Существует масса способов изменить внешность — он сам научил ее большинству из них, — хотя она, скорее всего, своими мозгами додумается до чего-нибудь новенького. Находиться в бегах очень утомительно, и не физически, а эмоционально — постоянная сверхбдительность, постоянное сканирование окружающих, постоянная готовность воспринимать всех и каждого как потенциальную угрозу. Ксавье вполне способен не спать несколько дней — с небольшой помощью определенных препаратов, — но Лиззи давно не практиковалась. Наверняка скоро обессилеет и начнет искать убежище, чтобы передохнуть. Ксавье еще раз посмотрел на два маячка, отмечающих ее местонахождение. Снова двинулась в путь. «Ладно, доберусь до своего мотоцикла, разведая намерения Фелис, а потом поеду за Лиззи».

Невозможно прямо посреди улицы кардинально изменить внешность, поэтому Лиззи ограничилась тем, что напялила широкополую шляпу и солнцезащитные очки. Поможет спрятать лицо от любых камер по пути. Беглянка ужасно устала, ноги болели, вся взмокла, адреналин давно испарился, оставив слабой и выжатой как лимон. Хотелось только одного — найти место для ночлега.

«Встряхнись, дорогуша. Не время для слабости. Собери мозги в кучку, не позволяй истощению собой командовать, иначе снова превратишься в легкодоступную мишень».

И все же нужно где-то остановиться, так что Лиззи старательно размышляла. В этом туристическом районе полно отелей, но никто не сдаст комнату без удостоверения личности или кредитной карты. Нужно место, где принимают наличные. Не отель, разве что...

Разве что удастся очаровать или подкупить портье. Небольшой пансионат, не лучший в городе, пусть даже не вполне респектабельный, пусть даже однозвездочный или вообще безо всяких звезд, вне известных гостиничных сетей, еле держащийся на плаву. Лиззи прошла еще немного, потом обнаружила себя в не слишком обустроенном районе, но и не в самом неприглядном. Впереди небольшой мотель, прямо скажем, не высшего класса, милях в пяти от огромного торгового центра.

Хотя Лиззи так устала, что почти спотыкалась, все же обошла сооружение, изучая расположение номеров, автостоянку, точки входа и выхода. Не идеал, но старое краснокирпичное здание удовлетворяло большинству требований. Многообещающая примета — на парковке совсем мало машин, так что, вероятно, примут оплату наличными.

Двери всех номеров выходили на стоянку, хорошо, не хотелось бы застрять в каком-нибудь узком коридоре. А поскольку строение старое, наверняка в ванной комнате имеется окно, пусть высокое и узкое. Вылезти будет проблематично, если дело до того дойдет, но в отчаянной ситуации, не имея другого пути к бегству, что ж, Лиззи готова раздеться догола и намазаться шампунем, чтобы протиснуться в оконце.

Еще один плюс в пользу именно этого мотеля: она уже здесь. Навалилась усталость, живот подвело, ладони болели от пакета с вещами из аптеки. Поначалу он не показался тяжелым, но теперь оттягивал руки. И чем дольше она находится на открытом пространстве, похожая... ну... на саму себя, тем больше опасность, что ее поймают.

Глянув в окно, Лиззи обнаружила, что портье — молодая женщина. Слава Богу. Женщина скорее посочувствует рассказу о злоключениях другой женщины и не потребует минет в оплату за услугу. Девушка выглядела скучающей и отзывчивой. Оба фактора сыграют на пользу Лиззи.

Она открыла дверь, сняла шляпу, тяжело вздохнула и подошла к столу.

— Чем могу помочь? — спросила служащая, просветлев лицом при виде потенциального клиента.

— Мне нужен номер. Желательно на первом этаже.

Учитывая небольшое количество автомобилей на стоянке, свободных комнат должно быть много.

Девушка — судя по бейджику, Синди — улыбнулась и постучала по клавиатуре компьютера.

— На сколько ночей?

Сложный вопрос.

— Только на одну.

— Отлично! Мне нужны ваше водительское удостоверение и кредитная карта.

Лиззи прикусила нижнюю губу. Ее фотографию, возможно, уже демонстрируют по телевизору. А может, и нет. Покажут ли в новостях очередной угон автомобиля и последующую гонку за подозреваемым? Покажут ли фотокопию ее водительского удостоверения? Ее уже опознали? К счастью, в крошечном вестибюле не имелось телевизора, и даже будь он там, не похоже, что Синди интересуется новостями. Мыльными операми, скорее, или повторами игровых шоу.

— Плачу наличными, — ответила Лиззи, роясь в сумочке. — У меня нет кредитной карты.

— Владелец велел записывать номер кредитки на случай повреждения мебелировки, — сморщила нос Синди.

Лиззи якобы призадумалась, словно рассматривая проблему, а не отвергая сходу.

— Могу внести залог, — наконец предложила она, хотя и не хотелось тратить лишние деньги. — Двадцать долларов? Тридцать? Утром осмотрите номер и, если все в порядке, вернете обратно.

Меньше всего Лиззи собиралась громить что-нибудь в этом гадюшнике.

— Ну... наверное, так тоже можно. Но необходимо водительское удостоверение.

Самая сложная часть. Лиззи напряглась и изобразила озабоченное выражение лица.

— Я... э-э-э... была бы вам очень благодарна, если бы вы нигде не зарегистрировали мое имя.

— Так нельзя, — сразу покачала головой Синди и вздохнула. — Извините.

— Понимаю, — нарочито печально кивнула Лиззи. — Просто... мой муж. Если он меня найдет... мне пришлось сбежать... только вдали от Вашингтона я буду в безопасности, но... но пока надо где-то переночевать.

— Муж? — вытаращила Синди голубые глаза.

Лиззи скорбно кивнула, всем видом выражая неподдельный страх и тревогу.

— Вы могли бы позвонить в полицию...

— Он местный политик, — горько рассмеялась Лиззи. — И знаком... со слишком многими людьми. Не доверяю я полиции.

Вот уж истинная правда.

Администраторша посмотрела в монитор, поджала губы и снова вздохнула. Лиззи принялась гадать, что предпринять дальше, нет сил тащиться куда-то еще, когда Синди наконец предложила:

— Может... прямо сейчас свободен номер 107, правда, последний клиент оставил после себя дыру в перегородке, потому что вырвал из стены вешалку для полотенец. И ремонт пока не произведен. Но на одну ночь могу поселить. Только на одну, — повторила она, подняв палец.

— О, Боже, это было бы здорово! Спасибо! — горячо поблагодарила Лиззи, открыла бумажник и развернула так, чтобы Синди не заметила кредитных карт в кармашках.

Но не успела вытащить наличные, как та сказала:

— Нет, не надо.

Лиззи удивленно вздернула брови, глядя на портье.

— Второй муж моей мамы был настоящим подонком. Я вас понимаю.

Может, из-за усталости, но глаза Лиззи обожгло слезами от доброты девушки. И все же она вытащила стодолларовую купюру и толкнула по стойке к Синди. Не хотелось быть никому ничем обязанной, к тому же Лиззи куда больше доверяла подкормленной

лояльности, чем бескорыстной.

— Спасибо, но все равно возьмите, — попросила Лиззи, вытерла глаза и слабо улыбнулась. — В любом случае, это его деньги. Мне нравится раздавать их направо и налево, пока есть возможность.

Синди пожала плечами и взяла столярник. Вот и хорошо, наверняка зарплата у нее минимальная и каждый доллар на счету. Лиззи забрала и сунула в карман ключ-карту, одарила администраторшу еще одной благодарной улыбкой и направилась к двери.

Пусть она и не дома, но хотя бы есть где переночевать — чем пять минут назад и не пахло.

* * *

Иногда Фелис накрывала ярость, но самоконтроль крайне важен на ее посту, так что она давным-давно научилась не выказывать вообще никаких эмоций. Обычно это не составляло проблемы, но сейчас нрав просто кипел, да с такой силой, что она с трудом держала себя в руках, чтобы не взорваться. Надо вести себя как ни в чем не бывало, надо улыбнуться секретарю, выходя из кабинета, — пусть натянуто, но Фелис всегда ей улыбалась — и махнуть охраннику у ворот, выезжая со стоянки. Хотя ей было наплевать на них обоих.

Сукин сын! Как он умудрился завалить такое элементарное задание? Все, что она получила — коротенький текст на экране одноразового сотового: «План провалился». Детали пока не известны, необходимо все разузнать как можно скорее.

Просто в голове не укладывалось, что всё пошло не так. Как эти идиоты умудрились облажаться прямо в начале? Убийство Лизетт — самая легкая часть, завалить Ксавье куда сложнее, а ведь это наиважнейшая задача. Фелис особо подчеркнула, что ей нужны лучшие специалисты. В худшем случае рассвирепевший Ксавье сорвется с поводка и встанет на тропу войны.

Неожиданно ударила ужасающая мысль, насколько она уязвима прямо сейчас: едет домой одна, без охраны, защищена только отменными навыками вождения, но пистолет остался дома. Обычно служебные обязанности не требовали применения огнестрельного оружия. Если Ксавье уже явился по ее душу, не поможет и автомат, единственный шанс на выживание — счастливая случайность. А Фелис никогда не полагалась на удачу. Только на свою власть, тщательное планирование и скрупулезную подготовку.

Она так сильно стиснула руль, что побелели костяшки пальцев. Пришлось направить каждую оставшуюся унцию самоконтроля на соблюдение скоростного режима. Необходимо попасть домой как можно быстрее, но если ее остановят за превышение скорости, то общение с автоинспектором займет куда больше времени, чем относительно неспешная езда по всем правилам. Необходимо позвонить, но Фелис не решалась, поскольку всегда существует крохотный шанс, что разговор кто-то сумеет подслушать. Ее дом, офис, автомобиль многократно проверяли и перепроверяли, но она не настолько глупа, чтобы рискнуть говорить свободно в любом месте этого города, особенно сейчас.

Сценарий прекрасно разработан и подготовлен. План, видимо, развалился на стадии исполнения. Уроды! Фелис была уверена, что привлечены исключительно первоклассные профессионалы. Очевидно, вместо команды класса А наняли команду Б, причем состоящую

из клинических недоумков.

Несмотря на тревожные мысли, Фелис добралась до дома без происшествий. Тем не менее жуткий холодок между лопатками не растаял, когда она въехала в гараж и закрыла за собой автоматические ворота. Тщательно изучила каждый уголок и только потом вылезла из машины.

Ксавье на всё способен, поэтому Макгоуэн держала уши на макушке. Открыла дверь и вошла внутрь, сигнализация предупреждающе запищала, Фелис набрала код, заперлась на все замки, направилась прямо в кабинет и вытащила оружие из ящика стола. Старательно проверила каждую комнату, прежде чем решилась ослабить бдительность. Пока все не закончится, придется сохранять предельную осторожность.

Потом достала одноразовый сотовый из сумочки. Следовало обзавестись новым, по-настоящему анонимным, ведь только дилетанты нарушают основные правила. Фелис никогда и подумать не могла, что сама допустит небрежность, но совершенно нет времени раздобыть другой аппарат, необходимо срочно выяснить, что произошло.

С пистолетом и мобильником вошла в туалетную комнату, пустила воду в джакузи, затем щелкнула выключателем, чтобы активировать современную придумку «водопад в горах» в углу. Обычно звук падающей воды очень успокаивал, но сейчас шум «водопада» — всего лишь средство достижения цели. Когда ванна достаточно наполнилась, Фелис включила двигатель, вращающий воду. Встала между ванной и «водопадом». Если кто-то попытается подслушать — с ума сойдет, стараясь разобрать слова сквозь непрерывный гул.

Нажала кнопку на телефоне. Когда абонент ответил, коротко спросила:

— Что случилось?

Молчание. Может, собеседник придумывал какое-то разумное оправдание неудачи, но в конце концов ограничился констатацией:

— Оба плана провалились.

— Оба? — пораженно переспросила Фелис.

Боже мой, как такое могло случиться? Ладно, Ксавье всегда был крепким орешком, но второе задание выглядело легкой прогулкой. Ситуация, оказывается, куда хуже наихудшего сценария.

— Как же так? Или твои люди полные дилетанты?

— Они напали на нее возле ресторана. Владелец решил сыграть в героя и выскочил на улицу с дробовиком наперевес. Мои люди ушли, но цель упустили.

— В общем, облажались по полной.

Фелис настолько рассвирепела, что едва могла говорить. Она редко прибегала к вульгаризмам, но ведь именно ей придется заплатить самую высокую цену за провал команды клоунов этого придурка. Он-то пожмет плечами и пойдет дальше к другим клиентам, а ей расхлебывать последствия кошмарной катастрофы.

— Мужика с дробовиком не предусматривалось в сценарии. Иногда случаются неожиданности.

— Плевать, твои люди обязаны были выполнить приказ в любых обстоятельствах.

Лизетт должна умереть. Ради Бога, да она и так почти мертвая, почти не человек! Ладно, пусть это преувеличение. Но смешно ожидать, что у нее сохранились прежние навыки после частичного стирания памяти и смены личности. Устранить ее — просто детская игра.

— Надеюсь, сейчас они ее хотя бы нашли?

— Пока нет. Она угнала тачку со стоянки и скрылась.

— Стало быть, сейчас она передвигается в чужом автомобиле? — устало спросила Фелис, ущипнув переносицу. — Бессмыслица какая-то. Ее машина стояла рядом, зачем было красть другую?

— Не знаю. Может, так запаниковала, что ничего не соображала.

— В этом случае, успокоившись, она вернулась бы к своей машине. Или уже?

— Нет, ее «камри» все еще стоит у ресторана.

Фелис посмотрела в потолок и тяжело вздохнула. Она была права с самого начала. Мелкие отклонения от рутинной жизни Лизетт действительно означали, что Объект В меняется, что ее память, пусть с трудом, но восстанавливается. А ведь изначально это казалось невозможным, хотя теперь каждый день происходит нечто такое, что сто лет назад сочли бы немыслимым. Даже Эл не сможет объяснить, зачем Лизетт бросила свой прекрасный автомобиль и угнала чужой.

— Есть и еще плохие новости, — продолжил глубокий голос на другом конце провода.

— Так и знала, что это еще не всё, — сухо откликнулась Фелис.

— За второй мишенью я послал двух парней, обоих нашли в парке мертвыми чуть больше часа назад.

И хотя Фелис ожидала чего-то подобного, все же земля поплыла под ногами, пришлось вцепиться в край раковины для поддержки.

— Не видела сведений о трупах, обнаруженных сегодня днем.

А ведь должна бы. АНБ всегда в курсе.

— Естественно. Когда они не вышли на связь, мы отследили их местоположение, нашли тела и увезли.

— А мишень?

— Домой не вернулся. Пока мы его не выследили, но обязательно отыщем.

Сцены из «Терминатора» замелькали перед глазами. Ксавье шагает неумолимо и безжалостно как робот, убивая всех, попадающих на пути, независимо от степени участия в деле. Такова оборотная сторона подготовки первоклассных бойцов. Прекрасно, если он на вашей стороне, но когда перебежит на противоположную... пиши пропало.

Разумеется, Фелис обзавелась тайным убежищем, поскольку предвидела подобный поворот еще пять лет назад. Но невозможно жить там вечно, к тому же как быть с дочерью? Ксавье способен скрываться очень долго. Кроме того, не в ее характере прятаться от неприятностей. Придется как-то справиться, придумать план, чтобы успешно завершить миссию. Фелис отбросила страх и смятение — некогда упиваться сожалениями.

— Моя дочь, Эшли... Перевезите ее в безопасное место.

— А если она воспротивится?

— Пусть брыкается сколько влезет. Пока все не закончится — будет сидеть под замком.

Эшли это не понравится, она во всех отношениях дочь своей матери, и будет злиться очень долго. Но если выбирать между девчачьей обидой и ужасающей перспективой похоронить единственного ребенка... без вариантов.

Ксавье беспощаден. Если он не найдет никакого способа добраться до нее напрямую, то использует дочь. Любыми путями: похищение, пытки, убийство. Впрочем, Фелис не сомневалась — окажись она на его месте, действовала бы точно так же. А уж про Ксавье и говорить нечего.

«Любой ценой сберегу своего ребенка».

А цена будет высокой. Эшли — очень независимая девушка, во всяком случае, очень старалась таковой стать, ей точно не понравится, когда ее спрячут, вынудив пропустить летнее обучение, оторвут от друзей и бурной общественной деятельности.

Плевать. Безопасность Эшли на первом месте.

— Ты получил два задания, одно простое, второе чуть сложнее. Заверил, что справишься, а набрал полных дилетантов. То есть облажался по полной. И как собираешься исправлять провал?

— У меня есть кое-кто на примете, — хладнокровно сообщил абонент. Может, привык к неудачам, что не воодушевляло. С другой стороны, у него безупречная репутация. — Но придется заплатить исполнителю приличную сумму. Полный отморозок, специалист в своей области. Его не часто привлекают, но в особых обстоятельствах он... незаменим.

Фелис не спросила, о какой именно сумме идет речь, потому что в нынешней ситуации это не имело значения. И если этот парень, полный отморозок, лучший в своем деле, почему его сразу не привлекли?

— Меня не волнует, кто и за сколько, задание должно быть выполнено, — снова рассвирепев, отрезала Фелис.

Пока Ксавье жив, ни она сама, ни Эшли не будут в безопасности. И никто из их группы не будет в безопасности, пока Лизетт ходит по земле. Ее следовало закопать поглубже много лет назад.

— Слушаюсь, мэм. Считайте, что специалист уже в пути.

— Позвони, когда моя дочь окажется в укромном месте.

Закончив разговор, Фелис долго стояла в глубокой задумчивости, мысленно прокручивая сценарии и варианты. В частности, самый неординарный: если она решится запачкать руки и лично прикончить проблему, то начнет с Ксавье... и нет сомнений, что для него это не секрет.

В номере 107, в дополнение к отверстию в стене на месте выдранной идиотом вешалки для полотенец, царил затхлый запах и повсюду лежала пыль, что подсказало — у маленького мотеля большие проблемы с финансами. Отвратительное золотисто-оранжевое покрывало комком валялось на односпальной кровати, к тому же под ним не было простыни. К счастью для Лиззи, в ванной висело одно забытое полотенце.

— Отлично, — пробормотала она. — Повезло не вляпаться в полное дерьмо.

Приоритеты. Еда. Лиззи вытащила из бумажника пару купюр вместе с мелочью из аптеки и направилась к торговым автоматам тремя комнатами дальше. С ключом в одной руке, деньгами в другой, не снимая шляпы и солнцезащитных очков, подошла к ряду машин. Нездоровая пища — совсем не то, что она предпочла бы на ужин, но поскольку так и не удалось попробовать бутерброд из барбекю-ресторана, то пупок почти прилип к позвоночнику. Лиззи настолько проголодалась, что была готова съесть даже просроченные продукты.

Впрочем, выбор невелик: газированные напитки, минералка, чипсы, печенье, крекеры. Набрала чего попало, вернулась в свою комнату и, как только закрыла за собой дверь, сложила «ужин» на стол, сняла шляпу и очки и села на единственный стул.

На миг, на ужасающую долю секунды показалось, что силы полностью иссякли, что прямо сейчас она сломается и зарыдает. Лиззи с трудом сглотнула, посмотрела в потолок и собрала всю волю в кулак, чтобы взять себя в руки.

Да, сумела сбежать, когда поняла, что стреляли именно в нее, но до сего момента не было времени осознать, насколько плохи дела. «Не стану плакать. Не дождетесь, ублюдки». Сосредоточилась на следующем шаге — еда. Потом душ, потом — немного поспать. Надо отдохнуть, иначе не будет сил. С этим все ясно. Затем необходимо придумать план... в голове ни одной мудрой мысли.

Придется уехать из города, но как? Общественный транспорт наверняка возьмут под наблюдение. Учитывая количество камер в метро, шляпа и солнцезащитные очки не обеспечат должной маскировки. Автобус? Возможно. Это шанс. Оплата наличными, есть надежда, что перемена внешности обеспечит достаточную безопасность. И все же идея нервировала, вдруг кто-то выследит? «Камри» — хотя и явно никудышный вариант — недоступен. И каким же образом выбраться из Вашингтона?

«Черт, — разозлилась Лиззи, — придется угнать еще одну тачку». На этот раз похитрее, чтобы кражу не обнаружили хотя бы нескольких часов. Значит, надо обойтись без разбойного нападения на водителя с целью завладения ключами, если не готова пойти на похищение человека. Угу, Лизетт Генри — крутая автоугонщица.

Почему нет?

В таком случае лучше замкнуть провода какой-нибудь старой развалюхи. Новые автомобили с компьютерами и противоугонными системами — не вариант, но что-то постарше, по возможности, с улетным двигателем: мотор ревет, бензина жрет немерено. Почему эта мысль так возбуждает?

«Интересно, как можно завести тачку без ключа?» — размышляла Лиззи, открыла пачку крекеров с сыром, намазала один арахисовым маслом, сверху положила второй. Откусила. Затхлые. Неудивительно. Черт, следовало купить немного еды в аптеке. У них наверняка

имеются протеиновые батончики, все лучше, чем эта гадость. Но тогда она впала в такую панику, что ничего не соображала. А надо бы, не хватало еще умереть от голода на радость убийцам.

«Вернемся к насущному: умею ли я заводить автомобиль без ключей?» — Лиззи, снова и снова задавая себе этот вопрос, проглотила первый засохший крекер и перешла к следующему, запивая сухари холодной сладкой кока-колой.

«Да. Да, умею!» — она почти видела, как ее рука уверенно сплетает и скручивает провода. Процесс высветился в сознании настолько ярко, словно она занималась этим только вчера. Нет, не вчера, но больше, чем три года назад, наверняка в течение тех пропавших без вести двух лет.

Лиззи приготовилась к ослепляющей головной боли и тошноте — внутреннему предупреждению, что нельзя туда заглядывать. Ничего. От облегчения закрыла глаза. Очень сомнительно, что на фоне происходящего удастся справиться еще и с безумной головной болью. Если приступ ударит в неподходящий момент, то вполне способен убить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Две пачки крекеров, две кока-колы, пакетик картофельных чипсов — и наконец наелась. Лиззи устало поплелась в ванную. В заброшенном санузле не наблюдалось ни шампуня, ни мыла, но она купила все необходимое в аптеке, так что без проблем. Может, под душем осенит более удачная идея, чем угнать тачку — учитывая непродуманность, план оставлял желать лучшего. Где найти автомобиль? Когда покинуть эту комнату? Куда рвануть на чужой машине?

Под струей воды Лиззи постаралась ни о чем не думать, просто устроила банный день для тела и волос.

Серьезно, самый дерьмовый день в жизни.

По крайней мере насколько она помнила, а память-то — ха-ха! — совсем дырявая.

Вышла из душевой кабинки, одним полотенцем вытерла тело и волосы, затем натянула бесформенную футболку. Стерла пар с зеркала и снова посмотрела на неправильную физиономию. Ведь она видела это лицо каждое утро в течение последних трех лет, но только теперь уверена, что оно чужое. За констатацией приступа не последовало. Явный прогресс, хотя Лиззи очень сомневалась, что когда-нибудь по-настоящему привыкнет к собственному отражению, словно где-то в глубине души тайно скорбела по потерянному лицу.

— Что они с тобой сделали? — спросила она у зеркала, которое, само собой, не в состоянии ответить ни на этот, ни на чертову тучу других вопросов.

Включила телевизор перед кроватью. В мотеле принимали мало каналов, да и картинка плохонькая, но надо посмотреть новости. Уже показывали ее фотографию? Сообщили имя? К утру ее будут искать все местные копы? «Спустишься с небес на землю, — хмыкнул циничный внутренний голос. — С чего ты взяла, что такой пустяк, как угон автомобиля, привлечет внимание в городе, где убивают чуть не каждый час?»

В ожидании новостей Лиззи сидела на краю кровати и паковала вещи в большую дешевую торбу, купленную в аптеке. Маленькую сумочку — в самый низ, все остальное посередине, ножницы сверху, ручками наружу, чтобы легко схватить при необходимости. С тоской вспомнила рюкзак, протеиновые батончики, нож, новые кроссовки. Больше она не повторит ошибки, теперь все вещи будут при ней, куда бы ни пошла. Разумеется, огромный чемодан совсем ни к чему.

Сюжет о заварушке возле барбекю-ресторана показали первым, и Лиззи затаила

дыхание, ожидая подробностей об угнанной тачке и нападении на водителя. Однако ведущий всего лишь отметил, что свидетель был ранен, получил первую помощь в больнице, после чего его отпустили домой. Затем перешел к другим новостям.

«Ха! — восторженно воскликнул циничный голосок. — Теперь убедилась? Угон автомобиля — не новость для Вашингтона, а вот как это произошло, где и когда...» Лиззи даже немного оскорбилась. Она чуть с ума не сошла, сидит в этой дыре вся на нервах и совершенно без сил, а оказывается, ее история всего лишь мелкая мошка на телерадаре опасных преступлений.

Не стала переключать каналы на тот случай, если позже сообщат подробности. Но нет, больше ничего. Никаких упоминаний о погоне, покушении на убийство — ее самой, кстати, — и о происшествии на федеральной трассе.

«Они не хотят, чтобы тебя разыскивал кто-то посторонний. Они сами тебя найдут. Забудь о полиции, нет смысла ее бояться. Они гораздо страшнее копов».

Возможно, ее лицо показали на каком-то другом новостном канале или объявили по радио о розыске, но Лиззи так не думала. Тайнственные «они» контролируют всё, даже информацию, выдаваемую общественности. Снова всплыл вопрос: она из хороших или плохих парней? Неизвестно, и на данный момент Лиззи не слишком заморачивалась по этому поводу. Единственная забота, единственный приоритет — выжить.

Хотя, рассуждая логически, все же скорее из хороших. Она не чувствовала никакого стремления к убийствам, дракам и бронированным автомобилям. Преступные наклонности, если таковые и имелись, ограничивались, судя по всему, угоном транспортных средств... ерунда, из-за которой никто не станет охотиться за ней, чтобы убить. За покушением скрывается нечто большее. Просто пока не понятно, что это за «большее».

Слишком рано ложиться спать, по крайней мере в обычный день. Но сегодня уж точно денек из ряда вон, похоже, нормальность канула в прошлое. Лиззи так устала, что решила воспользоваться возможностью отдохнуть, где и когда выпал шанс. Легла в кровать полностью одетой — вдруг придется убежать в спешке? — сумку, забитую всем ее имуществом на данный момент, поставила на полу рядом.

И заснула.

Закрывая глаза, Лиззи предполагала, что если вообще что-то приснится, то нечто ужасное, кошмарные незнакомцы, проклятые они.

Вместо этого снова привиделся Икс: в разноцветной комнате, на той огромной кровати. Даже во сне она немного удивилась, что он снова появился. На этот раз она его оседлала, а он был в наручниках. И ему нравилось. Не так сильно, как когда он обладал полным контролем, но все же... ему нравилось. Забавно. Иксу нравилось отдаться в ее власть. Нравилось ее любить. И, ох, секс был горячим. Пусть понарошку, но так гораздо лучше, чем ничего. Такой фантастический секс случался с ней в прошлом, годы назад. После этого ничего. Никого и ничего.

Она полностью вобрала его в себя, неспешно скакала на нем верхом, растягивая удовольствие, словно для них это последний раз, единственный раз. Потом прошептала Иксу на ухо: «Надо было позволить им убить меня... Так было бы лучше, чем сейчас... легче... Нет, нет, они меня убили, а ты им позволил...»

Лиззи проснулась со сжатыми кулаками, сердце билось как сумасшедшее. На дворе было темно. Наручных часов у нее не имелось, будильник на прикроватном столике показывал какую-то ерунду, и она не решилась вставить батарею в мобильник только для

того, чтобы проверить время. Вероятно, следует выбросить сотовый, но Лиззи не решалась. Что, если приключится чрезвычайная ситуация и он ей понадобится? Например, чтобы набрать 911 и позвать на помощь, когда кто-то снова попытается убить? Да, надо пока поддержать у себя мобильник, по крайней мере пока не вырисуется какой-то конкретный план.

Лиззи не осмелилась включить лампу — наверняка на посту уже новый портье, и если он увидит свет в разгромленном номере 107... в общем, не здорово. Но с тяжелыми, плотно закрытыми шторами все же рискнула включить телевизор. Перещелкивая каналы, нашла круглосуточный новостной и посмотрела на цифры в левом нижнем углу.

Всегда сверяй часы. Это очень важно. Одно движение пальца — и экран погас.

Оказывается, она проспала без задних ног целых пять часов — удивительно, учитывая обстоятельства. Еще час, от силы два, и пора отправляться на охоту за старым автомобилем, который можно завести без ключа. Ни в коем случае нельзя оставаться здесь до утра. Синди — добрая душа, но что, если она передумает? Что, если проболтается подруге, которая расскажет другой подруге, которая выложит новость неправильной подруге?

Никому нельзя доверять.

Если украсть автомобиль с парковки возле дома или многоэтажного жилого комплекса, его, скорее всего, не хватятся до утра. Или от какого-нибудь мотеля, вдруг кто-то имел неосторожность оставить ключи в замке зажигания. Такое случается сплошь и рядом. Только не отсюда, потому что угон привлечет к заведению излишне много внимания. Синди наверняка заподозрит исчезнувшую постоялицу.

«К завтрашнему утру доберусь до Вирджинии, а то и до Северной Каролины. Брошу машину до восхода солнца, на таком расстоянии от города можно без опаски сесть в автобус. Ну, почти без опаски».

План. Наконец-то.

А пока? Вряд ли удастся снова заснуть. К тому же будет волноваться, как бы не проспать, так что придется бодрствовать. Казалось, воспоминания больше не вызывают приступов, так что Лиззи сидела и пыталась вспомнить... хоть что-нибудь. Обычные простые подробности, типа — где она жила раньше, носила короткие или длинные волосы, делала ли прививку от гриппа каждый год. С последними тремя годами все ясно, а как насчет до этого? Двухлетний провал оставался наглухо закрытым.

Менее чем через час Лиззи услышала рев мощного мотоцикла, въезжающего на стоянку. Видимо, кто-то решил здесь переночевать. Внезапно идея угнать байк и умчаться на нем с развевающимися на ветру волосами показалась странно заманчивой. «А я умею управлять мотоциклом?» О, черт, да. Она внезапно уверилась, что привыкать к мотоциклу не придется. И хотя решила не угонять тачку с парковки этого мотеля, но любопытство подталкивало: посмотри.

С выключенным светом в комнате снаружи не заметят, если она чуточку раздвинет шторы и глянет на автостоянку. Как раз вовремя — фары мотоцикла только что погасли, обозначив его местонахождение.

Байк остановился на противоположной стороне Г-образной парковки под единственным разбитым фонарем. С минуту водителя скрывал мрак, и Лиззи с трудом различала его фигуру, но затем он появился на освещенном пространстве, и у нее остановилось сердце.

Он. Парень из «Уолгринс».

Мистер Икс.

Ну, для случайного совпадения это уж слишком.

Он старательно держался в тени, насколько это возможно, учитывая, что стоянка освещена. Это плод ее воображения, или он идет прямо к ней? Спокойной, решительной, самоуверенной походкой, словно точно знает, что она здесь, словно явился по ее душу.

Дерьмо! Он один из них!

Лиззи двигалась быстро. Перекинула через плечо ремень большой сумки, выхватила ножницы и бросилась в ванную. Падающего с улицы света достаточно, чтобы сориентироваться. Можно вылезти через окно, но есть идея получше. Лиззи ловко щелкнула засовом, дернула створку вверх, подтянулась и ножницами сильно ткнула в матовое стекло. Звук падающих осколков не потряс ночную тишину, но этого... достаточно. Наверное. Высунувшись наружу чуть больше, негромко охнула, потом ударила кулаком по оконной раме.

И замерла.

Икс не заставит себя долго ждать. Здесь, позади отеля, царил полная мгла, но Лиззи знала, откуда он появится, когда крадучись обойдет здание, рассчитывая застать ее либо застрявшей в узком оконце, либо сидящей на земле в полном обалдении от приземления на голову. Придурок.

Лиззи спустилась с окна, на цыпочках подошла к двери и вышла из комнаты как можно тише.обежала мотель по бетонному тротуару, на секунду задумалась о краже его мотоцикла. Нет, ничего не получится. Этот парень — эти люди — явно используют какой-то изощренный способ слежки, наверняка и байк под контролем, может, даже через спутниковый GPS, что позволяет отключить двигатель одним звонком.

Много времени Иксу не понадобится, он быстро выяснит, что она не выпрыгнула в окно, а вышла через дверь и уже в пути. Надо бежать по темным участкам, стараясь оставаться вне поля зрения врага.

Лиззи кралась вдоль стены мотеля, потом остановилась, затаила дыхание и прислушалась. Возможно, Икс разыскивает ее в непосредственной близости от осколков, но долго поиски не продлятся. Минута-две, он всё поймет и вернется на стоянку. А она передвигается на своих двоих, по крайней мере пока.

Только справедливо и его на время оставить без средства передвижения.

Будем надеяться, что Икс один, стало быть, никто не заметит, как Лиззи помчалась к мотоциклу, хотя первоначально собиралась бежать в обратном направлении, но шанс слишком заманчивой, просто невозможно отказаться. У нее не было плана, но она быстро научилась доверять инстинктам и прислушиваться к внутреннему голосу, которые до сих пор уберегали от смерти.

Приблизившись к байку, Лиззи на секунду порадовалась, что Икс поставил его в самом темном месте на стоянке, и несколько мгновений разглядывала мощного железного коня. Потом мысленно попросила прощение у прекрасной машины за то, что собиралась сотворить. Но ничего не поделаешь.

Присела на корточки и ножницами перерезала провода свечей зажигания. Откуда ей известно, что это провода свечей зажигания? Не понятно... но сейчас это не имеет значения. Сделав дело, Лиззи ненадолго почувствовала облегчение. Затем встала и спокойно ушла. Хотелось припустить из всех сил, но если кто-то увидит, быстрая ходьба вызовет меньше подозрений, чем залопашный бег.

Лиззи не рискнула вернуться в свой номер, так что прошагала по узкой полоске тротуара до следующего мотеля, а затем до главной дороги. Постоянно держала ушки на макушке и старательно прислушивалась к звукам за спиной, но позади царил тишина.

Легкая торжествующая улыбка ненадолго озарила лицо — вот Икс-то рассвирепеет, когда не сможет завести свою чудо-машину! Какая жалость, что нет времени воочию насладиться последствиями акта вандализма.

Куски и кусочки знаний быстро возвращались, но пока процесс завода двигателя без ключа Лиззи видела только по телевизору, а всем известно, что телевидение — полный отстой по части точности. В голове крутились картинки, как руки ловко выполняют эту работу, но рассудок подсказывал, что все не так просто.

Надо либо лезть под капот, либо портативным сверлом извлечь замок зажигания. Любой способ требует инструментов. И хотя сумка чертовски тяжелая, но, к сожалению, никаких инструментов в ней нет, если не считать маникюрных ножниц. Так что остается угрозой вырвать ключи у водителя.

Добравшись до главной дороги, Лиззи повернула налево, вздохнув с облегчением, что так далеко ушла и преследователь не догнал. Шагов не слышно, однако следует учитывать, насколько велики возможности Икса. Тайком оглянулась и едва не вскрикнула от радости, убедившись, что за спиной никого нет. В глубине души Лиззи на самом деле ожидала увидеть грозную мощную фигуру, приближающуюся из темноты бесшумными шагами.

Кто он такой, черт возьми? Неожиданно на Лиззи нахлынуло нелепое возмущение, что фантастический любовник из грандиозных эротических снов оказался охотящимся на нее убийцей. Похоже, подсознание над ней повеселилось.

«Забудь о сексе. Кто он такой и почему за тобой охотится — гораздо важнее». Значит, их первая встреча в «Уолгринс» была не случайной, и если бы она тогда не умчалась как сумасшедшая, они бы, скорее всего, никогда больше не увиделись. Он оттуда — из тех пропавших без вести двух лет. На каком-то подсознательном уровне она его узнала, вот почему впала в безумную панику и сбежала. Побег доказал ему, что некоторые из ее воспоминаний возвращаются, и теперь она, так или иначе, представляет для них угрозу.

Однако в эту версию никак не вписывается наблюдение. Зачем вообще за ней следить? Если Икс намеревался ее убить, то у него имелась масса шансов.

Потому что он не хозяин. Кто-то где-то проанализировал сведения о ее поведении и принял решение. Икс — просто член убойной команды.

Убойная команда. В голове застучало, зрение затуманилось, Лиззи резко остановилась... а потом боль исчезла.

Глубоко вдохнула, напряглась и специально мысленно произнесла: «Убойная команда». Ничего. Снова пустилась в путь.

Похоже, всякий раз, когда Лиззи сознательно решалась подумать о запретном, мозг на время вырубался, словно врезался в электрифицированную изгородь. Но едва часть забора падала, можно было безнаказанно проникнуть внутрь.

Ладно, пусть аналогия банальная, зато понятная. Когда будет время, разберемся, откуда всплыла «убойная команда», но сейчас имеются более насущные проблемы.

Кварталом ниже Лиззи увидела неоновые огни бара. Только начала переходить на другую сторону, чтобы избежать яркого света и не облегчать Иксу задачу, как неожиданно осенило — лучшего места не придумаешь, чтобы найти машину с ключами внутри. Подвыпившие субъекты весьма небрежны.

Лиззи поспешила вперед, изредка оглядываясь, но пока везло. Она даже улыбнулась, представив, как Икс все еще пытается завести свой покореженный мотоцикл. Нет, теперь он уже наверняка обнаружил повреждения, даже если потратил сколько-то времени на тщательный обыск старого мотеля. Оставалось надеяться, что удача ее не покинет. Надеяться, но не расслабляться. План прежде всего.

Лиззи остановилась, не подходя к бару, и изучила стоянку в поисках клиентов, вышедших на перекур, которых желательно избежать. Никого. Медленно принялась обходить парковку, старательно прячась в тени. Возможно, придется идти дальше, если здесь оставлены только автомобили новых моделей, ей-то нужна тачка постарше, не оснащенная никакой спутниковой системой. Заглядывала в окна, дергала двери, высматривала, не торчат ли ключи в замке зажигания. Выпивохи частенько их оставляют. Ничего подходящего не подвернулось, и невозможно бродить здесь всю ночь. Увы, в этой части города даже алкоголики не забывали блокировать дверцы автомобилей.

Расстроенная Лиззи затаилась в тени мусорного контейнера и прислонилась к стене, не обращая внимания на вонь, на то, что паршивые теннисные туфли из аптеки уже натерли волдырь на пятке, чувствуя отдаленное присутствие Икса так остро, словно он дышал ей в шею. Пусть она замедлила его передвижение, но наверняка ненадолго. Лиззи понятия не имела, каким способом, но они явно прицепили на нее какие-то устройства слежения. И когда он наконец ее настигнет, то отыграется по полной.

И ведь настигнет, и скоро, если не обзавестись колесами.

В баре открылась дверь, Лиззи отступила глубже в тень. Услышала неразборчивое бормотание, все громче, словно люди подходили ближе, но осталась на месте — лучшего укрытия не найти. Мимо рука об руку прошла парочка. Может... нет. Лиззи почти сразу отмахнулась от этой идеи. Если уж угонять тачку, то точно не с двумя пассажирами. Пусть они и вышли из бара, но ни один не шатался, не спотыкался и не говорил слишком громко. Будь они пьяными, Лиззи справилась бы с обоими, но, похоже, ни парень, ни девушка спиртным не злоупотребили. Оба уселись в темно-красный универсал, не переставая болтать, даже не взглянув в ее сторону. Выехали со стоянки, и Лиззи снова осталась одна.

Неожиданно эта истина обрушилась, как тонна кирпичей. Она буквально и абсолютно в полном одиночестве. Некого позвать на помощь, не у кого спрятаться, некому позвонить, никто не протянет руку помощи в серьезной опасности. Там, во влажной душной ночи, присев за мусорным контейнером, Лиззи чувствовала себя и испуганной, и униженной, и покинутой, и беспомощной.

Почти мгновенно взбунтовалась. Да, напугана — если честно, почти до смерти, — но будь она проклята, если беспомощна. В любом случае либо сбежит, либо вступит в бой. И будет биться изо всех сил, пусть даже проиграет сражение, все равно нападение не сойдет мерзавцам с рук, уж она-то постарается, чтобы потасовка привлекла внимание.

Хоть какое-то утешение.

В баре снова открылась дверь, на этот раз выпустив парня, который, спотыкаясь, побрел между рядами автомобилей. Он напевал себе под нос какую-то кантри-песню, не громко, но достаточно звучно, чтобы понять — однозначно не певец. Зато изрядно пьян и одинок. Парень мурлыкал один и тот же куплет, пошатываясь и позвякивая ключами в такт.

Лиззи быстро перебрала варианты. Можно подождать, пока он добредет до своего автомобиля, сбить его с ног, выхватить ключи и уехать, но сколько времени будет в ее

распоряжении, пока потерпевший не очухается и не вызовет копов? Немного, а время как раз нужнее всего. Второй вариант — познакомиться, этот весельчак, похоже, отвечает всем требованиям.

Лиззи вышла из тени контейнера, натянула улыбку на лицо и направилась напрямик к жертве.

— Привет.

Парень качнулся назад, удивился, а потом тоже улыбнулся.

— Привет. Откуда ты взялась?

Выпивохе лет под тридцать, худощавый, не меньше шести футов ростом, одет в джинсы, теннисные туфли и футболку, подчеркивающую худобу. Хотя он намного выше, Лиззи вполне могла бы победить его в честном бою. А ты, детка, прямо-таки специалист по грязным приемам...

Лиззи быстро отмахнулась от странной мысли.

— Просто шла мимо и заметила, что в нынешнем счастливом состоянии тебе не следует садиться за руль.

— Я отличный водитель, — заверил парень, махнув ключами.

— Ничуть не сомневаюсь, но раз уж я здесь, почему бы мне не отвезти тебя домой?

Парень расплылся в дружелюбной милой улыбке.

— Эй! Так ты из волонтеров, которые развозят малость выпивших по домам?

Малость? «Дружок, ты настолько нализался, что того гляди шлепнешься на задницу».

— Угу, — ответила Лиззи, воспользовавшись подсказкой.

— Матери... этих... как их... нетр... нетре... водителей.

— Точно, — твердо заверила Лиззи. — Я от «Матерей нетрезвых водителей», и нам пора ехать, чтобы я могла вернуться сюда и помочь кому-то еще.

— Хорошо, — снова просиял в улыбке парень, вручил ей ключи — с брелком сигнализации, слава Богу — и застыл на месте.

— Правильное решение, — одобрила Лиззи и нажала кнопку, неподалеку пискнул автомобиль.

— Эй, это очень-очень здорово, — пробормотал гуляка, когда она взяла его под руку и повела к машине.

Он так сильно навалился на нее, да еще и без конца спотыкаясь, что Лиззи всерьез начала опасаться, как бы им не растянуться на асфальте. Если он упадет, то утянет ее за собой.

Но они все-таки дошли. Лиззи прислонила парня к машине — белому автомобильчику иностранного производства, достаточно распространенной модели, чтобы ничем не выделяться на автостраде.

— Как тебя зовут, дорогой? — спросила она, открывая заднюю дверь.

Он вполз внутрь и лег на сиденье, с трудом втиснувшись в тесное пространство.

— Шон, — сообщил парень и невнятно добавил фамилию, что-то типа «сабвуфер».

Наверняка не такая, но Лиззи не волновала его фамилия, так что она не стала переспрашивать.

— Хорошая машина, Шон, — одобрила Лиззи, бросила торбу на переднее пассажирское сиденье и поправила зеркало. — И содержишь в чистоте.

— Моей сестры, — по-мальчишески хихикнул тот, странный смешок для взрослого парня. — Не собирался брать, но ее автомобиль гораздо лучше моего, а сеструха уехала из

города, так что никогда не узнает, — снова хихикнул Шон и изобразил нарочитое «тсс».

— Не скажу, обещаю. Это будет наш маленький секрет. А теперь можешь вздремнуть, пока я везу тебя домой.

— Угу, — согласился он и замолчал.

Лиззи вырулила со стоянки и повернула в противоположную сторону от мотеля. Интересно, чем сейчас занят Икс? Небось, все еще возится со своим мотоциклом.

— Удачи тебе, — пробормотала Лиззи.

— Что? — с заднего сиденья подал голос Шон.

— Ничего, милый, поспи пока. Скоро приедем.

Шон настолько расслабился, что даже не сообщил свой адрес. Видимо, волонтеры из «Матерей нетрезвых водителей» угадывали пункты доставки с помощью телепатии.

Через несколько минут Шон захрапел. Если разрешить — наверняка проспит хоть целый час. За это время можно укатить довольно далеко. Но зато когда парень проснется, то значительно протрезвеет, следовательно, с ним будет сложнее справиться. Мало того, его местонахождение послужит указателем для ее преследователей.

Икс и без того нашел ее слишком легко. Незачем им помогать.

Как они это делают? Так и подмывало вышвырнуть в окно все купленные в аптеке вещи. Жучок можно вставить куда угодно. Самый вероятный вариант — мобильник, хотя старый она растоптала вдребезги. Это единственная вещь, которая постоянно под рукой. Не понятно, как они сумели бы добраться до нового телефона, Лиззи нигде его не оставляла... разве что кто-то проник в дом, пока она спала.

«О, Боже, страшно вообразить!» Следует все же выбросить эту чертову штуку в окно.

Но не сейчас. Надо придумать что-нибудь похитрее, поставить охотников в тупик и выиграть драгоценное время. Невозможно представить, какие еще ресурсы имеются в их распоряжении, помимо жучка в сотовом.

Лиззи ехала на запад по автомагистрали I-66, в голове лихорадочно крутились мысли. Кстати, о мобильнике и кому звонить... Очень короткий список в одну строку: Диана. Печальное свидетельство унылых последних трех лет — некому позвонить, кроме единственной подруги. Да и той нельзя, только не с этого проклятого телефона.

Стоп. У Шона ведь наверняка имеется сотовый? В наше время мобильник есть у каждого.

Они уехали достаточно далеко. Лиззи свернула на следующем повороте и вырулила на стоянку ближайшей станции техобслуживания. Остановилась возле стены здания, вышла, открыла заднюю дверь и с трудом вытащила пьяненького Шона из машины. Для такого тощего парня он оказался удивительно тяжелым.

Лиззи нежно обняла Шона и повела вперед, заодно выуживая бумажник из заднего кармана.

— Вот так, милый, — пропела она и прислонила его к мусорному контейнеру прямо за зданием.

— Это не мой дом, — ошолбенело заметил Шон.

— Нет, не твой, просто мне надо по-быстрому сгонять в туалет.

— А-а-а... Хорошо.

— А знаешь, Шон, — заявила Лиззи, осторожно опуская выпивоху на землю за контейнером, где его не увидят ни с улицы, ни со станции по крайней мере до утра, — тебе и правда не стоит так напиваться. Когда-нибудь попадешь в беду.

— Да, да, — досадливо проворчал Шон, словно не раз слышал это и раньше.

Вздохнул и снова задремал, привалившись к железному боку контейнера.

Лиззи быстро обхлопала его карманы, нашла мобильник и осторожно выудила двумя пальцами, чтобы не потревожить сон. Затем вернулась в машину сестры Шона и уехала.

Промчалась несколько миль на запад, прежде чем тронула экран телефона, заставив его засветиться. Дорогой смартфон — очень плохо, нельзя долго держать его при себе. Ни под каким видом не хотелось звонить Диане домой посреди ночи, чтобы попрощаться или что-нибудь сказать, но нельзя же просто исчезнуть.

Лиззи набрала рабочий номер Дианы, услышав сигнал, нажала кнопку голосового сообщения.

— Привет, Диана, — произнесла Лиззи... безмятежным тоном женщины, которой она была последние три года, а не той экстремалки, которая только что обворовала пьяного парня и испортила дорогой мотоцикл. — Просто хотела сообщить, что сегодня не выйду на работу. — Явное преуменьшение. — И завтра, наверное, тоже.

Лиззи не решалась проговориться о чем-то серьезном, дабы они не догадались, что Диана много для нее значит... Но потом сообразила: раз они наблюдали за ней все эти годы и прослушивали все разговоры, то уже в курсе их отношений. Так что эту зацепку скоро вычислят.

— Спасибо за то, что была хорошей подругой. Буду скучать по тебе, но так сложилось... мне пришлось уехать. Если представится возможность, я еще позвоню. Береги себя.

Закончила разговор и расплакалась.

Черт возьми, они не только украли часть ее прежней жизни, теперь еще и дом, и работу, и единственную подругу. «Если я когда-нибудь до вас доберусь... берегитесь, сволочи».

Вырулила в правый ряд, опустила пассажирское окно и злобно швырнула наружу смартфон Шона. Может, мобильник выживет, но, скорее всего, нет. Если они перехватили вызов, то определяют, откуда сделан звонок, и пьяный до бесчувствия Шон и его сотовый укажут преследователям на запад.

«Ты точь-в-точь Гретель, но без Гензеля, разбрасываешь хлебные крошки, чтобы навести врагов на ложный след».

«Маленькая засранка обвела меня вокруг пальца!» Ксавье разрывался между яростью и смехом. С одной стороны, Лиззи покусилась на святое — осквернила «харлей», но с другой, изобразить побег через окно ванной — ловкий ход. Ксавье гордился изобретательной нахалкой. Злился как сто чертей, но гордился.

Поскольку Лиззи передвигается на своих двоих, поймать ее не проблема, но что дальше? Она будет биться, как дикая кошка, придется ее вырубить и перекинуть через плечо — не самый умный поступок на оживленной улице... или не вырубать, а просто окликнуть: «Лиззи!», но тоже неизвестно, удастся ли избежать драки... Полицейские примчатся через пять минут. Ладно, через десять, с учетом трафика в этой части города. В любом случае, он и сам теперь пешеход и пока нет никакого способа незаметно доставить ее в безопасное место.

Лучший вариант — просто отпустить, при условии, что догонит беглянку до того, как та обнаружит жучки и выбросит в канаву все свои вещи, даже одежду. Лиззи, которую он знал, не постесняется именно так и сделать. Тот факт, что она все еще частично остается Лизетт, вносил в уравнение фактор непредсказуемости, поэтому трудно предвидеть ее поступки.

Ладно, пока надо починить мотоцикл — как ни крути, лучший способ путешествовать анонимно.

Кроме того, необходимо придумать план и разместить бойцов на нужных местах. Если Фелис вообразила, что Ксавье не нанесет ответный удар — она просто безмозглая коровья лепешка. Ни в коем случае нападение на Лиззи не сойдет Макгоуэн с рук.

Само собой разумеется, что после отмщения будут сожжены все мосты в эту страну. Устранение высокопоставленного сотрудника АНБ вывалит все виды дерьма на голову Ксавье, особенно если Фордж в сговоре с Фелис. Хотя Эл наверняка бы привлек других людей и действовал другими способами, это не означает, что он не согласился с планом Макгоуэн. Трудно представить, что та положила исключительно на собственные полномочия.

Если она использует ресурсы АНБ для слежки за ним и Лиззи, то им повезло как покойникам. Средний гражданин понятия не имеет, насколько пристально шпионит за ним собственное правительство. Но вряд ли Фелис отдала приказ о ликвидации оперативникам АНБ, с которыми официально связана, ведь в дальнейшем к ней могут возникнуть неудобные вопросы. Возможно, она прибегнет к помощи подчиненных позже, но сейчас Ксавье готов был держать пари, что Макгоуэн обратилась к посторонним. Проиграв одну битву, она тут же ввяжется в следующую.

По мнению Ксавье, метод «шаг за шагом» в данном случае не годился. На ее месте он сразу задействовал бы тяжелую артиллерию, уничтожил угрозу, а потом разбирался с последствиями. Зачем тратить время, бродя вокруг да около?

Но добраться до Фелис будет нелегко. Она примет все меры предосторожности теперь, когда первая попытка провалилась. Возможно, когда-нибудь придется свести счеты с Элом — неизмеримо более трудная задача. И как-то урегулировать дела с Лиззи.

Тактически следовало сначала обеспечить безопасность, а затем отправиться за беглянкой. Именно этого ждут от него Фелис и Эл — что он последует инструкции на случай непосредственной угрозы. Но хотя Ксавье все эти годы защищал Лиззи, никто не

знал, что они были любовниками большую часть обучения и совместной работы.

Фордж считал, что повышенный интерес Ксавье к Объекту В вызван гибелью женщины в ходе той операции, и только поэтому Ксавье так яростно возражал против стирания памяти, к чему все же пришлось прибегнуть. Ксавье и Лиззи старательно хранили свои отношения в тайне. Легкие интрижки иногда возникали между оперативниками, но из-за крайне деликатного характера миссии оба сочли, что их связь должна оставаться секретом.

И тогда, и сейчас, когда дело доходило до Лиззи, Ксавье посылал к черту все правила и инструкции. Лиззи в бегах, до смерти перепугана, Макгоуэн бросит все силы на ее поиск. Необходимо добраться до нее первым. Даже если Лиззи его забыла, даже если сейчас улепетывает от него так же, как от агентов Фелис, он сумеет ее успокоить, вывезет в безопасное место и убедит, что никогда ничем не навредит ей. Интересно, как много она вспомнила, сколько в ней всплыло от прежней Лиззи. Пусть даже самую малость, все равно это больше, чем он смел надеяться.

Ксавье ткнул в телефон, предчувствуя, что его парни, все до единого, полопаются от смеха.

— Нужно отбуксировать «харлей», — приказал он, сообщил свои координаты и приготовился к взрыву веселья.

Молчание.

— Ты попал в аварию?

Можно было сказать, что мотоцикл внезапно заглох, но не хотелось сваливать вину на великолепную машину.

— Она перерезала провода.

Приглушенное фырканье.

— Кроме шуток? Мать твою, я в нее влюблен.

— Даже не мечтай, придурок. Она моя. Просто вызови кого надо.

* * *

Сидя в автомобиле сестры Шона на стоянке возле круглосуточного «Уолмарта» в Лисберге, штат Вирджиния, Лиззи сканировала окрестности, высматривая что-нибудь подозрительное, и сосредоточенно размышляла.

Как Икс до нее добрался?

Она бросила свою «камри», которая, скорее всего, была оборудована устройством слежения, и все равно он нашел ее через несколько часов. Должно быть, жучок где-то при ней. Но где?

Лиззи выудила сумочку со дна торбы, достала сотовый и батарейки и всё внимательно осмотрела. Телефон не только не включен, но даже не активирован. Она была очень осторожна, ни единого чертового шанса, что Икс сумел ее разыскать через этот мобильник! Тогда как? Да еще так скоро?

«Может, они имплантировали чип прямо мне в череп или куда-то еще. И стало быть, отслеживают не через сотовый, а через меня саму».

Догадка не вызвала даже тени головной боли, в отличие от попыток вспомнить хоть что-то реальное из своей неизвестной жизни. Тем не менее Лиззи потратила несколько минут, перебирая пальцами волосы, ощупывая голову в поисках хоть небольшой

припухлости. Ничего. Наконец отбросила пряди назад, чувствуя себя полной дурой, каковой наверняка показалась бы любому прохожему.

А может, устройство вживлено в спину, что в данный момент никак невозможно проверить. А может, в печень или куда-то еще с помощью лапароскопической операции.

Нет, на животе не заметно заживших шрамов.

Отмахнулась от причудливых идей и вернулась к телефону. Нет смысла. После покупки Лиззи не выпускала аппарат из рук, даже не вставляла батарейки, стало быть, никакого способа отследить этот сотовый не существует. Да и вообще, она могла выбросить его в окно много миль назад, просто чтобы обезопаситься, но не стала. Наблюдение за входящими и выходящими покупателями подарило лучшую идею.

Лиззи долго пристально смотрела на сумочку, потом вздохнула. Чудесная вещичка, Лиззи, вопреки обыкновению, ходила в офис только с ней по крайней мере месяц, непривычно долго. Что автоматически ставило сумочку под подозрение.

Лиззи снова вздохнула, решительно схватила сумку, перевернула вверх ногами и вытряхнула содержимое в полиэтиленовый пакет из аптеки. Сумочка кожаная, гладкая, идеального размера, но не исключено, что именно в ней жучок... маловероятно, но не невозможно. Придется выкинуть. Будь время, она бы тщательно обыскала вещичку, ощупала шов за швом, но время сейчас работает против нее. Каждая задержка — потенциальная катастрофа. Надо бежать дальше.

Повредив мотоцикл, она замедлила передвижения Икса, но Лиззи несколько не обманывалась — ненадолго. Всего лишь выручила себе немного времени, да и то если, на ее счастье, он работает в одиночку. Если же нет, что куда более вероятно, Иксу достаточно вызвать подмогу, которая наверняка не за горами. Возможно, он уже прямо за спиной.

Нет, если бы у него имелась поддержка, Икс уже нашел бы ее, и она была бы... что? Мертва? В заточении?

Под ним в постели, обхватив ногами его талию... Господи! Что за дурацкие мысли! Она наверняка спятила, раз воображает секс с парнем, который старается ее убить. Наплевать на фантастические сны, будь она нормальной, прямо сейчас ударила бы себя по щекам, просто чтобы прийти в себя.

Лиззи вытащила из бумажника Шона шестьдесят долларов и засунула деньги на дно торбы, желая, чтобы он был богачом, для которого эта сумма ничего не значит. Посмотрела на его кредитные карты, отклонила вариант как слишком рискованный, затем уронила бумажник в сумку.

Ярко освещенная парковка являла собой оазис света в темноте, но Лиззи надела шляпу и солнцезащитные очки. Пусть окружающие сочтут ее странной или гулящей женой известного политика... хотя кто станет встречаться с любовником в «Уолтмарте»? Впрочем, люди чуют сплошь и рядом, скрывая лица, особенно в супермаркетах. Там кругом камеры, неохота подставляться.

По дороге к магазину Лиззи ощупывала сотовый, нашаривая любую подсказку тому, как Икс ее разыскал. Водила пальцами не только по телефону, но на всякий случай даже по батарейкам. Одновременно оглядывала окрестности, не хотелось бы пропустить что-то подозрительное, но первым делом необходимо выяснить — как преследователь ее нашел. Неплохо бы заодно понять — зачем, но в данный момент «как» — всего важнее.

И тут что-то почувствовала. Под цифрой 7 на клавиатуре самый глухой звук. Никогда бы и внимания не обратила, если бы не искала хоть что-нибудь необычное.

— Ах ты гаденыш, — буркнула Лиззи себе под нос, входя в «Уолмарт», и виновато улыбнулась вздрогнувшему работнику магазина, толкавшему ряд тележек. — Извините, это не про вас.

Парень кивнул, но выглядел настороженным. Хорошо. «Запомни меня, дружок». Когда Икс здесь появится, то потратит некоторое время, бегая среди стеллажей, потому что будет совершенно уверен, что она здесь. И здорово ошибется.

Но когда, черт возьми, он добрался до ее телефона? Единственная возможность — Икс или кто-то другой проник в дом, пока она спала, и прицепил жучок. Боже, представить жутко, но есть ли другой вариант?

Отсюда вытекает вопрос: если некто побывал в доме, и этот некто жаждет ее смерти, почему не убил во сне?

Потому что уже потом кое-что изменилось, и единственное, что приходит в голову — изменилась она сама. Незначительно отклонилась от рутины — и попала под обстрел. Эта мысль проскальзывала и раньше, но жучок в сотовом — несомненное доказательство.

Что ж, хоть что-то выяснилось. Теперь понятно, как Икс ее нашел, и Лиззи точно знала, что делать. Положила сумочку в тележку и покатила в продуктовый отдел, стараясь двигаться быстро, не глядя по сторонам, словно очень спешит. Схватила пакет с оранжевыми леденцами и бросила в корзинку, чтобы создать видимость шопинга. Бумажные тарелки полетели вслед за конфетами.

В этот предрассветный час посетители никуда не торопились. Что за люди приходят в магазин практически посреди ночи? Или чокнутые, или ненавидят толпы, или просто полуночники.

Покупатели блуждали среди стеллажей, бросали тележки, мешая остальным пройти по тому же проходу. Что за пестрая толпа: наркоманы, выпивохи, заглянувшие сюда по пути из бара домой, странные личности, похоже, вообще никогда не покидавшие своих убежищ при свете дня. Вот этот, видимо, живет в автомобиле. Не ей судить, самой того гляди придется ночевать неизвестно где. Но, черт возьми, вон та тетка вырядилась в розовое сетчатое трико на два или три размера меньше, в дополнение к ядовито зеленой майке, да еще и без лифчика. Лиззи моргнула и поспешила прочь, пока не ослепла.

Прошла мимо помятого парня с фингалом под глазом, набирающего пиво и упаковки вяленой говядины. Да уж. В шляпе, солнцезащитных очках и безразмерной футболке Лиззи вполне соответствовала окружению. Она даже оценила себя как одну из самых нарядных покупательниц.

Поразмыслила, не взять ли бастурму, просто чтобы перекусить чем-то не из автомата, но нет времени расплачиваться за покупки. Икс на подходе, неизвестно, насколько близко. И, кстати, вполне вероятно, что не один на этот раз.

Сердце сжалось, но страх не помощник в бегах, поэтому Лиззи решительно отмахнулась от паники. «Будем решать проблемы по мере поступления».

Несколько человек толклись посреди полок с продуктами, но она нашла совершенно пустой проход. Вставила батарейки в новый мобильник и решительно включила аппарат, затем быстро подошла к низенькой толстой латиноамериканке, внимательно изучающей этикетки на двух разных банках супа. Как и Лиззи, женщина поставила свой баул — огромный красный мешок — на подставку в тележке для ребенка, каравая хлеба... или брошенной без присмотра сумки. И, аллилуйя, к тому же ее кошелка была широко открыта. Лиззи мимоходом уронила телефон в бездонные недра. Учитывая глубину и обхват торбы,

могут пройти недели, прежде чем мобильник обнаружат, если только он не зазвонит.

Лиззи перебралась к замороженным продуктам, достала бумажник Шона, открыла холодильник, запихнула бумажник поглубже, взяла большую пиццу пепперони и положила в свою корзину. «Вот тебе еще одна крошка. Поломайте голову, мистер Икс».

Бросила тележку в следующем проходе и с пустой сумкой направилась напрямик к выходу. Проходя мимо полосы проверки, сняла шляпу и очки и взбила волосы, понадеявшись, что сотрудник, заметивший ее у входа, не увидит, что она ушла. Хорошо бы Икс примчался, пока женщина — нынешняя обладательница сотового Лиззи, находится еще в магазине.

Мысленно перечислила все, что хотелось бы купить: ботинки, разные шляпы, протеиновые батончики, воду, ножи — два или три. Но не здесь и, безусловно, не сейчас. Наверняка по пути попадется другой «Уолмарт». А еще лучше — зайти в какую-нибудь лавочку, где вряд ли имеются камеры безопасности. Можно наведаться на блошинный рынок, хотя для этого придется ждать выходных. Определенно нужна новая тачка. Черт, надо до рассвета бросить машину Шона, как только тот очухается, тут же сообщит об угоне автомобиля сестры.

А потом Лиззи решила направиться на юг. Все оставленные путеводные «крошки» ведут на запад, а вместо этого она рванет во Флориду. Сработает ли обманка? Достаточно ли ложного следа для прыжка к свободе?

По-прежнему необходим хороший план, по-прежнему необходимо принять многие решения, но впервые за этот безумно долгий день для Лиззи сверкнул лучик в конце тоннеля.

Шаг за шагом.

* * *

Игнорируя ворчанье парня по поводу выдергивания из постели посреди ночи ради эвакуации и ремонта мотоцикла, Ксавье прислонился к стене гаража и еще раз изучил карту на своем мобильнике. Механик — Рик — принадлежал к его команде, разбирался в двигателях всех видов, к тому же был более чем достойным снайпером.

Замена проводов не слишком сложный процесс и не занимает много времени. Ксавье и сам бы справился, если бы прихватил с собой запчасти. С другой стороны, хорошо, что кто-то из своих в тихом местечке делает техническую работу, обладая и всем необходимым оборудованием, и прекрасными навыками.

После звонка Рику Ксавье часто проверял местонахождение Лиззи. От мотеля, затем на запад по I-66. Две мигающие точки, обозначающие ее сотовый и кошелек, до сих пор держались вместе.

И вдруг разделились. Ксавье оттолкнулся от стены, нахмурился и воззрился в экран. Провел по дисплею пальцем и увеличил изображение. «Уолмарт». Мобильник еще в магазине, а кошелек направился к выходу.

Ксавье быстро пробежался по вариантам. Лиззи подбросила кому-то мобильник или кошелек, а потом направилась к выходу? Жучок в бумажнике обнаружить гораздо сложнее, а сотовый, такой маленький, легко бросить кому-то в карман или сумочку, проходя мимо. С другой стороны, кошелек могли украсть. В худшем случае, либо она нашла оба жучка, либо

просто избавилась от всех вещей, сбежала и начала все сначала. При таком раскладе он ее потерял. Ксавье яростно отмахнулся от этой мысли. «Я тебя все равно найду». «Уолтмарт» в Лисберге — отправная точка. Лиззи наверняка попала под камеры на парковке, а он непременно найдет способ получить доступ к записи. По крайней мере ясно, что она за рулем.

А пока оставалось только наблюдать за маячками. Если один — или оба — двинутся в сторону близлежащего кондоминиума, где и останутся — скорее всего, это не Лиззи. А вот если один замрет в доме или квартире поблизости, а второй двинет дальше — это она.

— Долго еще? — рявкнул Ксавье.

— Нет, — таким же тоном рявкнул Рик, все еще сердясь, что его вырвали из постели.

Ксавье набрал номер и приложил трубку к уху.

— Новости есть? — спросил он, когда Мэгги ответила.

— Они наблюдают за ее домом, — отрапортовала Мэгги таким бодрым голосом, словно уже полдень. — Медленно объезжают квартал, неприметный автомобиль около часа простоял на улице, потом уехал. Во второй половине дня ей доставили пакет. Ну, почти. Так называемый курьер позвонил, посмотрел в окно, затем вознамерился пошататься вокруг. Я вышла на улицу и предложила расписаться за Лизетт, он испугался и ушел. Судя по всему, в бандероли находилась пустая коробка, просто предлог позвонить в дверь, на тот случай, если кто-то наблюдает. Пока внутрь никто не залез, но, полагаю, долго ждать не придется.

— Она туда не вернется.

— Конечно, нет. Она же не дура, — оскорбилась за соседку Мэгги. — Дальнейшие инструкции?

— Если вломятся в дом — звони в полицию. Как обеспокоенная соседка, — уточнил Ксавье.

— Сама справлюсь, дай только разрешение...

— Нет. — Не хватало еще трупов на пороге Лиззи. — Надо их отвлечь.

И разозлить. Наверняка они изумлены, что офисная мышь так ловко ускользнула и заставила их носиться как мартышек за собственным хвостом.

— В следующий раз поручи мне что-то более волнующее, — с явным разочарованием вздохнула Мэгги. — За последние несколько дней дела немного оживились, но присматривать за пустым домом чертовски скучно.

— Но ты же любишь собак, — заметил Ксавье, наблюдая, как Рик заканчивает ремонт.

— Да, Рузвельт — это приятный бонус, — согласилась Мэгги и вернулась к насущным проблемам. — Дам тебе знать, если ситуация обострится, но думаю, что, не увидев результатов слежки, они двинут дальше. — Помолчала. — С ней все в порядке?

— Насколько я в курсе.

Ксавье закончил разговор и снова прислонился к стене гаража, глядя на мигающие точки, все дальше и дальше удаляющиеся друг от друга. Если повезет, через час-другой он сумеет определить, какой жучок остался с Лиззи. Если же она избавилась от обоих... он облажался по-королевски.

Утреннее солнце окрасило небо розовыми полосами, когда Лиззи добралась до городка Фронт-Роял. Рядом обнаружился «Макдональдс», позади которого она и припарковалась, рядом с автомобилями сотрудников, втиснувшись в тесное пространство, чтобы не были видны номера. Рано или поздно кто-нибудь да обратит внимание на тачку Шона.

Лиззи тщательно вытерла всё, до чего дотрагивалась, потом вышла и заперла машину. Краем футболки даже протерла ключи, затем, не касаясь их пальцами, выбросила в мусорный контейнер. Накинула ремень сумки на плечо и отправилась в путь.

Беглянка безумно устала. Пять часов сна, которые удалось перехватить в начале долгой ночи, помогли конечно, но стресс и адреналин исчерпали почти всю энергию. В таком состоянии долго не продержаться. Надо поесть, надо снова поспать, хотя бы недолго. Усталость делает неповоротливой, как физически, так и ментально.

Можно зайти в «Макдональдс» — там хороший кофе, — но угнанная тачка рядом, так что лучше перекусить в другом месте. Скорее всего, не имеет значения, где именно она позавтракает, но на данный момент никому не известно, кто украл машину, и не хотелось давать возможность расследователям связать с ней автомобиль сестры Шона. В «Макдональдсе» установлены камеры безопасности? Лиззи точно знала, что в некоторых имеются. Не следует рисковать.

Она пошла дальше, в очередной раз проклиная дешевую обувь на ногах. С другой стороны, по крайней мере шагает не босиком.

Лиззи не имела ни малейшего представления, куда идет, но направилась в оживленную с виду часть города. И не ошиблась. Через несколько кварталов заметила простое квадратное здание с неоновым знаком «Открыто», подойдя ближе, прочитала вывеску на окне: «Кафе Сэма». Ниже прикреплен листок с меню на завтрак, обед и ужин. «Неплохо для Сэма», — оценила Лиззи и шагнула внутрь.

Несколько секунд постояла на пороге, изучая заведение. Метрдотеля нет, клиенты занимали места самостоятельно. Туалеты прямо напротив входной двери. Лиззи направилась напрямик в дамскую комнату. Голод настойчиво напоминал о себе, но некоторые потребности еще более актуальны.

В туалете она вымыла лицо и руки, расчесала волосы пальцами, затем снова сполоснула руки. Поморщилась, глядя на себя в зеркало. Слава Богу, что удалось принять душ в мотеле, и все же кожа снова липкая, хотя никаких физических усилий не предпринимала, только вытащила Шона с заднего сиденья.

Нужно купить новое белье. Поскольку запасной одежды с собой нет, невозможно воспользоваться услугами прачечной, разве что дожидаться абсолютно голой, пока вещички выстираются и высохнут. Наличие даже одного комплекта сменной одежды совершенно меняет мир.

Но сначала главное. Следующий шаг: еда.

Ресторан явно пользовался популярностью среди местных жителей, большинство кабинок и столиков заняты. Лиззи изучала скудный выбор пустых мест, тревожное чувство шевелило волосы на затылке. Следует устроиться поближе к кухне и черному выходу. Пока она размышляла, оглядывая заведение, парень освободил заднюю кабинку, и Лиззи поспешила туда, чтобы занять его место, пока официантка убирала столик.

Поскольку в ближайшее время скорее всего понадобится много энергии, беглянка заказала огромный завтрак: ветчина и яйца, бисквит и кофе. Предложенную овсянку Лиззи отвергла, сомневаясь во вкусовых качествах каши, тогда официантка порекомендовала картофель по-домашнему. Картофель? О, черт, да.

Завтракая, Лиззи напряженно размышляла. Местность вокруг незнакомая, но городок приличных размеров, так что наверняка удастся обзавестись всем необходимым для следующего шага.

Неизвестно откуда вдруг всплыла уверенность, что в Шарлоттсвилле — миль через семьдесят-восемьдесят отсюда по проселочным дорогам — находится большая автобусная станция. Надо раздобыть карту и убедиться, что память не подводит.

В общем, приблизительно семьдесят пять миль. Можно и пешком дойти — реально, но глупо. Нет времени брести по дороге. Попросить кого-то подвезти? Однако стоит ли доверять случайному попутчику? Черт, нет.

Доверять нельзя никому, и точка. Подумать только, во что обошлась доверчивость бедному выпивохе Шону, сколько всего у него украли: автомобиль сестры, который вернут, но Шон чертовски дорого заплатит, когда сестра узнает о происшествии. Бумажник — может, тоже вернут, смотря кто найдет кошелек в морозильной камере «Уолмарта». Дорогой смартфон. И еще шестьдесят баксов.

У Лиззи имелась с собой куда большая сумма, однако она понятия не имела, как долго придется бегать, так что каждый доллар на счету, пока всё не устаканится. Хочется верить, что когда-нибудь действительно всё закончится, в конечном итоге она где-то обоснуется, раздобудет новое удостоверение личности и создаст некое подобие нормальной жизни. А пока память полностью не восстановилась, пока она точно не узнает, что происходит, невозможно позволить себе остановиться надолго, только на краткий отдых. Ага, придется малость потратиться, — Лиззи вдруг осенило, каким способом добраться до Шарлоттсвилля.

Нужные магазины, вероятно, открываются не раньше девяти-десяти, но не хотелось заходить в очередной «Уолмарт», хотя там можно купить все необходимое в одном месте. В большом торговом центре слишком много камер, незачем лишний раз светиться. Маленькие магазинчики куда безопаснее.

Официантка была доброжелательна, но, слава Богу, слишком занята, чтобы завязать разговор. Лиззи поела, расплатилась и ушла.

День предстоит тяжелый, но ничего, справится. Какое-то время придется обойтись без отдыха. Когда доберется до Шарлоттсвилля и сядет на автобус южного направления — тогда и подремлет. В автобусной духоте не очень-то выпишься, но любой сон ценен.

А пока надо продолжать двигаться, продолжать идти вперед.

Примерно милей дальше Лиззи наткнулась на симпатичный торговый центр. Некоторые отделы открывались в девять — повезло. В «Доллар дженерал» купила вяленую говядину, крекеры, арахисовое масло, кухонный нож — лучше, чем ничего, — коробку пластырей и три бутылки минералки — надо бы побольше, но лишний вес обременит в долгом пути. Прямо сейчас следует обзавестись только самым необходимым, а воду можно приобрести по дороге.

В «Биг Лотсе» нашла рюкзаки, ассортимент невелик, но сейчас это неважно. Главное — выбрать достаточно большой, чтобы вместить все имущество. Лиззи купила темно-зеленый, а также бейсболку, солнцезащитный крем, толстые носки, наручные часы, несколько пар нижнего белья и коробку влажных салфеток. Затем пошла в дамскую комнату и немного

привела себя в порядок, сменила белье, заклеила пластырем волдыри на пятках и натянула пару толстых носков, чтобы лучше защитить ноги.

Вот теперь она готова к последней остановке: загончик с велосипедами.

Лиззи уложила волосы под бейсболку и нацепила солнцезащитные очки. Замаскировавшись, вошла в магазин и немедленно огляделась в поисках камер видеонаблюдения. Одну заметила сразу: черная, под потолком, горит огонек. Она напряглась на секунду, но тут же обратила внимание, что красная лампочка на камере мигает слишком быстро.

Муляж. Лиззи расслабилась, сдвинула рюкзак, поправила ремни на плечах. Вещмешок уже был набит покупками и прочими вещами, черт, довольно тяжелый, но ничего не выбросишь. В данный момент вес рюкзака — последняя из проблем.

Утро среды — явно не самая горячая пора для торговли велосипедами, так что единственным обитателем зала являлся пожилой мужчина за прилавком, который поднял глаза при ее появлении и спросил:

— Показать вам что-то конкретное?

— Спасибо, нет, я сама посмотрю.

Лиззи решила, что, вероятно, разговаривает с владельцем, учитывая его возраст и то, что старик изучал бухгалтерскую книгу.

Направилась в отдел распродажи. Лиззи не могла себе позволить дорогую машину — а велосипеды с хорошими ходовыми качествами стоили более тысячи баксов, — но и кусок дерьма ей тоже ни к чему. Если на распродажу выставлены только дрянные дешевые модели, придется потратить денег больше, чем хотелось бы, но нужно что-то приличное с надежными зубчатыми соединениями, чтобы без осечки преодолеть значительное расстояние. Интересно, существует ли для велосипедов такое понятие как прошлогодняя коллекция?

Предлагалось несколько уцененных экземпляров, какой-никакой выбор, но только одна модель отвечала всем требованиям. Черный, невзрачный, несмотря на несколько синих деталей — самое то, ничего кричащего и не нужно. Лиззи перевернула бирку с ценой и слегка поморщилась. Даже со скидкой велосипед стоил немного дороже, чем она рассчитывала потратить. Осмотрела еще несколько машин, чуть дешевле, но слишком ненадежные на вид.

Поняв, что девушка действительно намерена что-то приобрести, владелец вышел из-за прилавка и спросил:

— Показать вам один из них?

Лиззи сняла солнцезащитные очки.

— Мне нравится черный, но он довольно дорогой. Не сбрасываете ли вы цену при оплате наличными?

* * *

Рано утром маячок на сотовом остановился в жилом доме менее чем в миле от «Уолмарта» в Лисберге, а маячок в бумажнике продолжал двигаться.

Мчась по дороге в прохладе предрассветных часов на огромном ревушем «харлее», Ксавье обдумывал ситуацию. Не исключено, что Лиззи выбросила и кошелек, и мобильник,

тогда догнать ее гораздо проблематичнее. Не невозможно, но, безусловно, куда опаснее для нее.

Если ее навыки вернулись, Лиззи вполне способна избавиться от всех своих вещей, но Ксавье делал ставку на то, что она все еще не восстановила полностью прежние оперативные познания. Инстинкт, да, врожденная смекалка, да, но остальное... наверное, еще нет. Лиззи, очевидно, нашла жучок в мобильнике, после чего, скорее всего, возомнила, что в безопасности, и прекратила поиски средств слежения. Ксавье был почти уверен, что в данный момент кошелек по-прежнему при ней.

Но как надолго?

В настоящее время Лиззи ничто не угрожает со стороны Фелис, поскольку агенты полностью потеряли Объект В после того, как та бросила свою «камри». Однако существуют две иные опасности. Первая — если она в достаточной мере восстановила свои навыки, то вполне способна от него ускользнуть. Лиззи была чертовски умелым бойцом, и прогнозирование ее поступков всегда являлось сложной задачей.

Вторая — если она настолько оправилась, что вспомнила Ксавье, то, вполне вероятно, вернется обратно в Вашингтон и примется разыскивать его там, не имея другого способа с ним связаться. В огромном мегаполисе многочисленные уличные камеры и прочие возможности АНБ быстро выловят беглянку и практически нацелят ей в спину лазерный прицел.

Чем дальше Лиззи уедет от Вашингтона, тем лучше для них обоих.

Во Фронт-Рояле ее скорость — в смысле, скорость бумажника — изменилась. По-видимому, Лиззи избавилась от угнанной тачки и теперь передвигается на своих двоих, стало быть, кошелек все еще при ней.

А пока кошелек при ней, Ксавье последует за маячком. На отремонтированном «харлее» быстро догонит. Но что потом? Предположим, настигнет ее на ревущем байке где-то посреди федеральной автотрассы, Лиззи запаникует. А если обзавелась пистолетом, то еще и отстреливаться начнет, не открывать же ответный огонь? Или испугается, съедет в кювет на очередной угнанной тачке, разобьет машину, покалечится, а то и погибнет.

Надо придумать что-то похитрее. Пока просто отслеживать передвижения. Понаблюдать. Нет, не совсем так. Очень хотелось взглянуть на Лиззи собственными глазами.

Благодаря жучку, не составит труда ее разыскать, но следует убедиться, что Лиззи пока устройство не обнаружила.

Судя по карте, сейчас она в «Доллар дженерал» в торговом центре. Ксавье припарковал свой мотоцикл в конце аллеи, почти полностью скрывшись за фургоном, и через несколько минут увидел, как Лиззи вышла из магазина, размахивая пакетами. Вот и ответ на вопрос: кошелек при ней и жучок в кошельке.

Не самый благоприятный момент вступить с ней в схватку прямо здесь и сейчас. Слишком много свидетелей, слишком много предпосылок нежелательного исхода. Пока достаточно и того, что жучок не тронут.

Значит, можно перекусить или хотя бы заправиться кофеином. Ксавье проследил, как Лиззи благополучно вошла в другой магазин, завел «харлей» и помчался в ресторан, лавируя между машинами. Пусть Лиззи по-прежнему считает, будто стряхнула его с хвоста и сбежала, когда она окажется в более пустынном месте, он найдет способ с ней поговорить. Невозможно бегать вечно, в конце концов она совершит ошибку и Фелис ее достанет.

Ксавье не спеша позавтракал, но мониторил время, дав Лиззи небольшую фору. Официантка убрала грязные тарелки, он потягивал последнюю чашку кофе, наблюдая, как маячок на экране мобильного удаляется от Фронт-Рояля.

Что за черт?

Что-то не так. Жучок не сообщал точную скорость, но достаточно близкое значение. Лиззи двигалась чересчур быстро для пешехода, но слишком медленно для автомобиля. Возможно, едет по улице, на которой пробка, ремонт, блокирование, но... вряд ли.

Здесь-то движение вполне нормальное, а Лиззи не слишком далеко уехала. Если дорога частично перекрыта, то местные жители объезжали бы затор, но на соседних улицах плотность потока тоже выглядит обычной. Поскольку Ксавье был не в курсе тамошних заморочек, то, когда официантка вернулась спросить, не хочет ли он еще чего-нибудь, ответил:

— Спасибо, нет. Скажите, не ремонтируют ли дорогу в этом районе? Я направляюсь на юг, не хотелось бы понапрасну терять время.

— Точно не знаю, но вряд ли, иначе посетители ныли бы по этому поводу весь день.

— Понял, спасибо.

Девушка ушла, Ксавье снова взглянул на маячок в сотовый, ломая голову над загадкой и допивая кофе. Потом скорость Лиззи снова изменилась. Несколько минут двигалась довольно медленно, потом рванула вперед, затем снова замедлилась.

Ксавье осенила невероятная идея, притянутый за уши вариант вызвал улыбку. Он перешел в топографический режим и рассмеялся. Медленная скорость на подъеме, быстрая — на спуске.

Лиззи катит на велосипеде!

Ксавье восхитился ее хитростью. Велосипед можно купить без удостоверения личности, не требуется регистрация, не дорогой, к тому же не придется заморачиваться угоном очередной тачки или путешествовать автостопом, рискуя нарваться на психа. И кто догадается, что она передвигается на велосипеде? Абсолютно никто. Лиззи удивила даже его, хотя она всегда обладала гибким мышлением. Шлем и очки — чертовски хорошая маскировка. Чертовски хороший способ стать невидимкой.

Дорога, по которой она катит, в конечном итоге приведет к Шарлоттсвиллю. Ксавье пару раз ткнул в экран телефона и обнаружил, что в городке имеется автовокзал. Ага, там можно бросить велосипед и купить билет в любом направлении. Эта конечная станция достаточно далеко от Вашингтона, так что, вероятно, вне зоны наблюдения, и достаточно близко, чтобы Лиззи запомнила факт ее существования во время обучения. Наверное, в памяти Лиззи запечатлелось несколько путей спешной эвакуации, один из которых — терминал в Шарлоттсвилле.

Пока Лиззи передвигается на велосипеде, догнать ее не составит труда. Ксавье гораздо больше волновало другое: когда и где подкараулить Лиззи, как онаотреагирует на встречу с ним и как избежать свидетелей. Если она сильно устанет, предстоящее противостояние пройдет намного проще... для него, во всяком случае.

Совсем не пустяшный фактор, кстати. Во время тренировок Лиззи время от времени побеждала Ксавье. Не слишком часто, но всё же случалось, так что ученица преисполнилась самоуверенности. Немногие в состоянии уложить Ксавье на лопатки, но Лиззи пару раз удивляла своей хитростью, к тому же она не чуралась грязных приемчиков. Мысленно Ксавье все еще мог воспроизвести ее торжествующую улыбку, когда ей впервые удалось

опрокинуть его на спину.

Решив выпить еще кофе, Ксавье поднял пустую чашку в безмолвной просьбе добавить. Нет причин торопиться, пусть Лиззи катит по дороге, а он пока спокойно посидит и подумает, каким именно способом заставит негодяйку расплатиться за ущерб, нанесенный любимому «харлею».

У нее велосипед, у него — мотоцикл. Итог погони предопределен.

* * *

«О Боже, да я в никудышной форме!». Лиззи одновременно крутила педали и проклинала каждое съеденное в прошлом печенье, каждый лишний фунт. Последних не так много, к счастью, ага, и все же следовало начать пробежки пару месяцев назад, а не на этой неделе. Не надо было прекращать тренировки в тот день, когда...

«В какой именно день?» — призадумалась Лиззи. Точно не вспомнить, но она четко осознавала, что когда-то была в состоянии легко справиться с подобной поездкой и не считала велосипед пыточным приспособлением.

Дрянные тонкие рюкзачные лямки врезались в плечи. Ноги гудели. Задница онемела. Иногда Лиззи вставала на педали, давая некоторую передышку ягодичным мышцам, зато увеличивалась нагрузка на ноги.

Бедняжка катила по малолюдной двухполосной дороге уже целый час, не меньше. Взглянула на часы... оказывается, сорок пять минут. Очевидно, когда тебя пытаются, время течет гораздо медленнее. По ее расчетам, крутить педали оставалось как минимум четыре часа и пятнадцать минут, не учитывая неизбежных остановок в пути.

Болело всё тело, и очень хотелось в туалет. Не стоило заказывать третью чашку кофе на завтрак. Можно, конечно, облегчиться в кустах на обочине, но только в крайнем случае. Ведь за деревьями выстроились дома, в траве, возможно, растет ядовитый плющ и скрываются клещи и москиты.

Лиззи едва не расхохоталась, но побоялась, что смех превратится в истерику. Кто-то пытался ее убить, за последние двадцать четыре часа она угнала тачку — две тачки, — украла наличные у пьяного Шона, солгала впечатлительной молодой женщине, чтобы получить номер в мотеле и, возможно, привела хладнокровных безжалостных убийц к невинным ночным покупателям. Неизвестно даже, кто она такая, и некогда разложить мысли по полочкам, пока не окажется в безопасности... и посмотрите, что ее волнует? Соображения застенчивости и опасности придорожной дикой природы штата Вирджиния.

Нет времени заикливаться на всякой ерунде. Надо сконцентрироваться на движении, на способах выживания. А уж потом, в каком-нибудь тихом местечке можно и обмозговать ситуацию.

Шаг за шагом.

Тяжелые подъемы, требовавшие невероятных усилий, сменялись благословенными спусками... какого черта дорога в основном идет в гору? Почему так редко вниз, практически никогда? Это просто издевательство. Лиззи наслаждалась каждым мгновением, когда можно было отпустить педали и перевести дух, пусть ветер обдувает лицо, пусть ноющие мышцы расслабятся.

Хотя шоссе было полупустым, все же время от времени Лиззи вынужденно перемещалась в крайний правый ряд, по инерции, когда обгоняла машина. Некоторые водители осторожно огибали спортсменку, другие со свистом проезжали так близко, что воздушной волной раскачивали велосипед. Сколько придурков сидят за рулем!

Лиззи не считала, что Икс передвигается на автомобиле. Иначе давно сбил бы велосипед и для уверенности отутюжил колесами, а потом уехал, оставив ее в виде мокрого пятна на проселочной дороге.

А ведь чутье пыталось предупредить еще там, в «Уолгринсе», вот почему она впала в панику и сбежала. Потом гормоны сыграли злую шутку в эротических снах, в результате здравомыслие исчезло. Теперь Лиззи по-настоящему ненавидела Икса, этот подонок мало того, что осквернил прекрасные сновидения, так еще и вознамерился ее убить.

Думы об Иксе отвлекли на некоторое время, но ненадолго. Вскоре протестующие мышцы выступили на передний план, черт побери.

Лиззи едва не разрыдалась от счастья, когда свернула и увидела прямо перед собой автозаправку. Туалет, вода, еда, передышка, пусть и короткая. Надолго останавливаться нельзя — Лиззи так измучилась, что после слишком продолжительного отдыха уже не заставит себя снова сесть на проклятый велосипед.

* * *

Две встречи с Фелис в танке менее чем за неделю — весьма примечательно. Эл надеялся, что никто в здании не записывает визитеров. Он удивился, что она явилась так быстро после его звонка, но, учитывая, что натворила...

На этот раз Фордж встретил начальницу, стоя со скрещенными руками, и, едва дверь за ней закрылась, процедил:

— Безмозглая идиотка.

Фелис остановилась на полпути, распрямила плечи и напряглась. Не хватало еще оправдываться.

— Я сделала то, что следовало сделать давным-давно. То, на что у тебя никогда не хватит духа.

— Нет, ты по-королевски облажалась. Уже достаточно плохо, что ты единолично приняла такое решение и привлекла к делу посторонних. Но привлечение неумелых посторонних ставит под сомнение твою собственную компетенцию. Идиотский поступок.

Недипломатично называть Фелис идиоткой два раза за пару минут, но в данный момент ее обида Эла не волновала, пусть от злости хоть до потолка прыгает. Если Макгоуэн вознамерилась и к нему послать убойную команду — та уже в пути. Еще хуже, если Ксавье хоть на минуту заподозрил, что Фордж соучастник покушений, тогда он тоже не заставит себя долго ждать. Эл всегда знал, что та операция ему еще аукнется и выйдет боком, поэтому не исключал пули в голову или чего похуже. Ксавье был из разряда «похуже».

— Люди работают, — взяв себя в руки, спокойно сообщила Фелис и направилась к кофеварке.

— Твои, — подчеркнул Фордж, — не мои.

Макгоуэн продолжила методично заваривать кофе. После провала покушения на Лиззи Эл не слышал от Ксавье ни единого слова. Значит, Фелис наехала не только на Объект В, но

и отдала приказ убить самого Ксавье. План явно провалился, иначе она бы уже вовсю хвасталась успехом в устранении печально знаменитого супер-агента.

— Понимаю твое недовольство, но теперь, когда процесс запущен, согласишься — отменить ничего нельзя. Мяч в игре. Мы должны довести дело до конца.

— Соглашусь, — коротко подтвердил Эл.

Фелис отпила кофе, стараясь не выдавать злорадного удовлетворения от его неохотного согласия.

— Я приказала уничтожить обоих — и Объект В, и Ксавье. Учитывая его непомерный интерес к ней, не видела другого выхода.

— Ты должна была прийти ко мне, — сверкнул Эл испепеляющим взглядом.

— Ты бы никогда меня не поддержал. Наверняка принялся бы отговаривать. Так что я сама обо всем позаботилась.

— Нет, попыталась позаботиться и облажалась по полной.

Еще один испепеляющий взгляд.

Фелис ненавидела неудачи, а еще больше — когда тыкали носом в эту самую неудачу.

— Я привлекла специалиста закончить задание.

— Прекрасно, и ты ждешь, что твой так называемый специалист разыщет Ксавье?

Если Ксавье пустился в бега, никто никогда его не найдет, пока он сам не захочет «найтись». И тогда разразится катастрофа.

— Это его проблемы, — отмахнулась Фелис, побаюкала в руках чашку кофе и сделала еще один глоток.

Эл уставился на начальницу долгим взглядом, глубоко пряча гнев. Оба прекрасно знали — ради защиты Лиззи и себя Ксавье расставил множество мин, которые в случае чего немедленно взорвутся и оповестят весь мир о том, что они натворили. Последствия для страны будут просто разрушительными. Даже если для наведения порядка им удастся посеять сомнения в его душевном здоровье, очернить Ксавье и выставить психом, одержимым теорией заговора, подробности операции застрянут в памяти многих. Теория заговора, кстати, будет жить вечно. И если поверит достаточное число граждан...

— Нет, это твои проблемы. Ксавье за тобой непременно придет, — старательно сохраняя внешнее спокойствие, заявил Эл. — Сегодня, через два года, в любую минуту, — продолжил Фордж, отметив, что Макгоуэн снова напряглась. — Полагаю, ты посадишь своего стороннего специалиста в собственном доме. Если тебе повезет — Ксавье появится раньше, а не позже. Сначала он отыщет Объект В, увезет в безопасное место, а затем займется тобой. А вот если он решит выждать, если уделит больше времени на разработку плана и отложит возмездие, пока не уляжется ярость — в решающий момент ты и помолиться не успеешь. Только если он поддастся гневу и нападет сейчас, есть шанс, что твой специалист сумеет его перехватить и покончить с этим делом.

— А Объект В?

— На твоём месте я бы первым делом разобрался с Ксавье, затем прикинул, в какую цену нам обойдется устроенный тобой бардак, а уж потом волновался об Объекте В.

— Мог бы предложить помощь. У тебя есть бойцы.

«Это что — гребаная шутка?» Эл стиснул челюсти, изо всех сил цепляясь за хладнокровие, насколько это возможно в данной ситуации.

— Не слишком умно в текущий момент.

Моментальное согласие встретиться сегодня утром наконец обрело смысл: Фелис

решила, что он поможет навести порядок в кутерьме, которую сама же и заварила. Да эта сука просто спятила, если вообразила, будто он рискнет любым из своих парней, науськав на другого своего парня, только потому, что она облажалась.

— Если он с тобой свяжется...

— Ты узнаешь первой, — отрезал Эл.

Фелис поставила недопитую чашку на стол и вышла из танка, не оглядываясь.

Эл последовал за ней, забрал свой пистолет и сотовый и направился в комнату, где дежурил Деревон Эш, прослушивая дом, машину и рабочий кабинет Объекта В. Задание и прежде было скучным, а теперь от скуки сводило челюсти. Просто нечего слушать. Если возродилось достаточно много от Лиззи, то она ни за что не вернется ни в одно место, ни к одному человеку, знавшему ее как Лизетт. В том-то и вопрос: сколько всплыло истинной личности Объекта В? Достаточно, чтобы заставить пуститься в бега, или достаточно, чтобы сделать ее опасным противником?

Фелис последует совету и посадит своего специалиста в собственном доме. Ей понравится идея использовать наемника по двойному назначению: не только как снайпера, который сумеет уничтожить Ксавье, когда тот явится по ее душу, но и как неофициального телохранителя. Ксавье не идиот и, решив наехать на Фелис, первым делом примется искать подобного умельца. Если только не позабыл абсолютно всё, чему Фордж лично обучал его годы назад.

Макгоуэн уверена, что полностью контролирует ситуацию, но Эл в любой день поставил бы все свои деньги на Ксавье.

Еще три часа. Три часа и пятнадцать минут страданий и упорства. Этот участок дороги ровный, слава Богу, к тому же впереди спуск к побережью. Мышцы горели огнем, причем абсолютно все — от шеи до лодыжек. Задница вообще потеряла чувствительность.

Лиззи проезжала мимо ряда небольших предприятий, вероятно, принадлежащих какому-то городку, однако никакого указателя не заметила. Видела только знак ограничения скорости — 3,0 мили, удивилась, потом разглядела, что вместо запятой зияло пулевое отверстие.

Все последние часы рассудок приказывал двигаться вперед, а тело неистово призывало остановиться. За всю жизнь с губ Лиззи не срывалось столько ругательств, причем значения некоторых из них были для нее непонятны. Вероятно, со стороны она — в шлеме, с рюкзаком, в безразмерной футболке, да еще и постоянно бормочущая себе под нос, — выглядела как городская сумасшедшая с велосипедом вместо торговой тележки. Плевать.

Может, причиной послужили постоянное ритмичное нажимание на педали, монотонное шуршание шин по дорожному покрытию, чередование проклятых подъемов и благословенных спусков или тот факт, что впервые за долгое время рассудок не полностью поглощен задачей выживания, но в голове неожиданно всплыли картины прошлого. Лиззи напряглась, ожидая атаки, способной выбить из седла, но... ничего. Ни боли, ни тошноты. Расслабилась, решив плыть по течению.

Воспоминания не содержали ничего из ряда вон выходящего, ничего конкретного, просто кое-какие общие сведения. Она не всегда работала в офисе, не всегда была предсказуемой, не всегда следовала установленному распорядку, никогда не трудилась строго с девяти до пяти.

Чикаго. Охранная фирма. Не какая-нибудь однодневка с командой вооруженных мордоворотов, но первоклассная компания с офисами в высотном здании в центре Чикаго с шикарным видом из окон. Они обслуживали множество именитых клиентов.

Лиззи не раз нанимали в качестве телохранителя, мужчинам особенно нравилось, что она совсем не походила на охранницу, но стреляла как никто другой. И прекрасно водила машину. У Лиззи дрогнуло сердце. Так вот откуда навыки лихой езды, вот откуда умение вычислить хвост и избавиться от соглядатаев. Вот почему она так часто тянулась за пистолетом, которого не было. В те времена она никуда не выходила без оружия.

Однако по-прежнему непонятно, почему амнезия охватывает именно два года или почему кто-то хочет ее смерти, но предыдущая должность многое объясняла. Большое облегчение узнать, что всплывшие навыки приобретены на легальной работе, а не... ну, неважно.

Когда Лиззи настойчиво выжимала память, что-то блокировало, что-то мешало. Поэтому, крутя педали, она старалась не думать ни о чем конкретном, ни на чем не заикливаться, просто отпустила рассудок в свободное плавание, и вот тогда в голове снова замелькали картины прошлого.

Лица сослуживцев, некоторые более четко, чем другие. Никаких имен, не хотелось давить на мозги слишком сильно, в данный момент любой пустяк о забытой жизни весьма ценен. Болело все тело, Лиззи так измучилась, что порой мелькала малодушная мысль съехать на обочину и просто сидеть там, не напрягаясь, пока они не поймают. Но упорно

гнала вперед.

Если просто крутить педали, не насилуя рассудок, больше вспомнится. Так и случилось, в голове словно шиюз открылся. Стрельбище, где она оттачивала навыки. Кабинет, но в нем она проводила мало времени. Полет на самолете... куда-то. Куда? «Ладно, не будем заострять, расслабься и пока подумай о других вещах, других местах и других событиях».

Футбольный матч с «Солджер Филд», она болеет за «Бирс», смеясь над пивом вместе с... кем-то. Может, коллега, может, просто друг. Высоченный мускулистый парень на тренировке нападает сзади, застав врасплох, она побеждает в схватке благодаря навыкам боевых искусств, которыми занималась еще в колледже и весьма преуспела. Как можно такое забыть?

Глупый вопрос. Как, черт возьми, вообще можно что-то забыть?

«Итак, я работала телохранителем». Лиззи была даже кем-то вроде восходящей звезды, легко осваивала разные виды оружия и новые профессиональные навыки, при необходимости ловко прикидывалась обманчиво безобидной, никогда не ослабляя бдительности. Но работала не только охранницей. Иногда выслеживала кого-то, иногда просачивалась в компании, чтобы узнать побольше о руководящем составе, иногда...

Автомобильный гудок рывкнул слишком близко и слишком громко, резко вернув Лиззи в реальность. Оказывается, она съехала на левую полосу, чем встревожила или разозлила водителя, загородив ему путь. Лиззи дернула велосипед направо, благодарно махнула рукой и сосредоточилась на текущих событиях. Сбежать от убийц, перехитрить Икса, придумать план, начать вспоминать, а затем случайно попасть под машину? Ни в какие ворота не лезет.

Автомобиль умчался, Лиззи снова осталась одна на дороге. Наверное, лучше просто принять воспоминания, но не давить на мозги. Не в ее характере отступать, но сейчас не время ломиться в закрытую дверь. Не хотелось иметь дело с болью и тошнотой, к тому же не следует слишком отвлекаться. Пока не найдется безопасное убежище.

Ни одно из всплывших сведений не объяснило потерю памяти и покушение на убийство. Существует несколько возможных причин для селективной амнезии и реконструкции лица, например, дорожная авария или выстрел в голову... хотя, несомненно, должны были остаться вещественные доказательства — шрамы после операции бесследно не исчезают. Если для амнезии и изменения лица еще можно притянуть хоть какие-то объяснения, то попытка покушения... тут гадать рискованно, нужно больше информации, иначе не разобраться.

По крайней мере теперь понятно, откуда взялись экзотические навыки, экстремального вожделения, например, или умения заводить машину без ключа. Тупица! Взыскание долгов! Теперь Лиззи вспомнила, что до того, как стать телохранителем, несколько раз изымала автомобили в счет долга. Не угоняла тачки, соединив проводки, а возвращала компании, которой они принадлежали по праву, когда покупатели переставали вносить платежи. Разумеется, гораздо проще вызвать эвакуатор, чтобы забрать машину, зато так... гораздо интереснее.

Работа телохранителем нравилась Лиззи куда больше. Заработная плата значительно выше, к тому же после окончания смены не приходилось выковыривать грязь из-под ногтей. Во всяком случае, насколько она помнила.

Скатываясь с небольшого холма, Лиззи ненадолго насладились дуновением ветерка, игнорируя прискорбный факт, что впереди очередной подъем. Дерьмо. Сколько еще продержатся ноги?

О, Боже, она на последнем издыхании.

Никогда в жизни Лиззи не доходила до такого изнеможения, даже во время тренировок. Пару раз, когда ноги и спину ломило совсем уж невыносимо, она шла пешком, толкая двухколесное чудовище. По крайней мере работали другие мышцы, и передвигаться на своих двоих куда легче, чем крутить педали. В конце концов, она ходила каждый день своей жизни. Когда всё закончится, она не постоит за ценой, но никогда больше не взгромоздит свою задницу на велосипед.

Кстати, о заднице, та вообще отваливается.

В детстве Лиззи гоняла на велосипеде каждый день и хоть бы хны. Как у детей это получается? Почему не болят их маленькие попки? Это просто несправедливо. Ведь она сейчас сражается за свою жизнь, а не просто катается по окрестностям.

В какой-то момент Лиззи показалось, что за только что пройденным поворотом раздался рев мотоцикла, и у нее едва не остановилось сердце. Она быстро свернула с дороги, толкая велосипед через высокие сорняки на обочине, пока не добралась до какого-то куста, за который и уложила машину, а сама распласталась в зарослях рядом. В тот момент не имело значения, разлеглась ли она прямо на ядовитом плюще, и пусть даже гребаная змея ползет вверх по ноге. Сердце билось так сильно, что грохотало по ребрам.

Лиззи уткнулась лицом в землю — запах травы и грязи заполнил нос, кожу покалывало — и прислушалась к низкому, фырчащему, почти тигриному реву, характерному для «харлея», накатывающему всё ближе и ближе. У Икса был «харлей». По ее мнению, ни один другой мотоцикл в мире не издавал такого рычания.

Озноб пробежал по телу. «Боже, как же он умудрился так быстро меня найти? Я бросила свою машину. Выбросила свой телефон. Выбросила любимую сумочку. Еду на велосипеде».

Хорошо хоть выбрала неприметный черный шлем вместо ярко розового, который даже среди этих зарослей наверняка привлёк бы внимание. Черный же просто растворится среди травы. Металлические спицы... не блеснут ли на солнце? Если бы успеть прикрыть велосипед пучками сорняков, но нет времени, «харлей» уже рядом... Лиззи не смела поднять глаза, не смела шевелиться...

Байк без остановки проревел мимо, пыхнув бензином, и Лиззи обмякла от облегчения. Затем быстро подняла голову и посмотрела вслед стремительно удаляющейся фигуре, стараясь разглядеть, не Икс ли в седле, не его ли это «харлей».

Разумеется, определить невозможно, не со спины и не на такой скорости, с которой парень исчез за поворотом. Лиззи удалось только заметить, что водитель внушительных габаритов.

Так что... не доказано. Может, Икс, а может, кто-то другой. В мире полным-полно «харлеев» и здоровенных байкеров.

Но если это был он... Ох, дерьмо. Он теперь впереди, стало быть, на любом участке дороги следует ожидать столкновения с ним. Всё, что ему нужно — выбрать укромное место и ждать.

С другой стороны, прямо здесь довольно пустынно. Лиззи осторожно села и огляделась: кругом пастбища, в поле зрения ни одного дома — хорошо, значит, никто не видел, как она хоронилась в кустах. Не хватало только какого-нибудь любопытного ребенка, с пыхтением прорывающегося к ней сквозь заросли, тем самым выдавая Иксу ее укрытие.

Но если враг каким-то образом отслеживает ее передвижения, то увидел бы, что она

остановилась, и уж точно не проехал бы мимо. Следовательно, либо мотоциклист не Икс, либо она выбросила его жучок. А если верно последнее, каковы шансы, что он окажется на этой двухполосной дороге, ведущей в глубь Вирджинии, причем прямо у нее на хвосте? Практически нулевые. Выходит, это был не Икс.

Лиззи глубоко судорожно вздохнула. Она чувствовала себя в безопасности на велосипеде, со скрытым под шлемом и очками лицом. Инстинкты не подвели... кажется. И всё же, если снова услышит рев мотоцикла за спиной — опять спрячется на обочине.

Потеряно много времени на дурацкое недоразумение, пора в седло — буквально — и снова в путь. Лиззи выпрямилась, поправила рюкзак, немного затянула ремни, перекосившиеся при падении на землю, вытащила из-за куста велосипед, протолкала через бурьян и поднялась на дорогу.

Короткий «отдых», пусть и напряженный, принес мышцам некоторое облегчение. К тому же выброс адреналина, вызванный неподдельным ужасом, тоже сыграл свою роль, так что Лиззи с новыми силами принялась давить на педали, стремясь уехать как можно дальше.

«Если живой доберусь до автовокзала, то никогда — никогда и ни за что! — больше не сяду на велосипед. Настоящее пыточное приспособление».

Чтобы отвлечься от боли, Лиззи обдумывала, как именно избавиться от ненавистного драндулета. Просто бросить на тротуаре — никакого удовлетворения, хотелось отомстить и изничтожить.

Расстрелять. Пистолета нет, так что не выйдет. Сжечь. Разбить молотком на мелкие кусочки. Оба варианта жизнеспособны, купить бензин, спички и молоток — не проблема. Какой из них лучше, чтобы не подвергнуть опасности ни себя, ни окружающих, и не попасть за решетку, кстати? Молоток. Люди, как правило, боятся пожаров, даже мелких.

Поток транспорта значительно поредел. Несколько машин промчались мимо, больше никого не наблюдалось. Впереди Лиззи увидела трехсторонний перекресток и станцию техобслуживания. Знак на полосе, по которой она ехала, указывал налево. О, да, теперь Лиззи вспомнила, что на карте в этом месте своего рода зигзаг, потом через милю после перекрестка шоссе сворачивает вправо.

Но близкая станция манила неодолимо. Мышцы просто убивали. Лиззи мечтала об аспирине, бутылке холодной воды, протеиновом батончике, и очень хотела в туалет. Последнее — на самом деле первейшая потребность.

На вид солидное здание, с общественными туалетами внутри. Лиззи закатила велосипед за мусорный контейнер, чтобы не было видно с дороги, сняла очки и, прихрамывая, поплелась в автосервис.

Служащая — дама средних лет с вьющимися волосами и приятным голосом — разговаривала с молодой женщиной, которая усадила одного малыша на бедро, второго, мальчика лет трех, держала за руку.

— Никуда не уходи, стой здесь, рядом со мной, — предупредила мать сына, вынужденно выпустив детскую ладошку, чтобы заплатить за фруктовый сок и бутылку сладкого чая.

Непоседа скривился, подпрыгивая вверх-вниз, но держался возле родительницы.

В магазине бродили еще два клиента, оба мужчины, один разглядывал леденцы, другой вытаскивал из холодильника упаковку с шестью банками пива. Ни один не обратил на Лиззи никакого внимания.

Холодный воздух из кондиционера утешал сильнее молитвы. Лиззи вошла в дамскую

комнату одна, поэтому заперла за собой дверь и глубоко вздохнула от облегчения, наслаждаясь прохладой, отсутствием ненавистного велосипеда, тем, что все еще жива, здорова и умчалась так далеко от Вашингтона. Небольшое помещение недавно убирали, сильно пахло хлоркой, зато чисто и имелось все необходимое.

Удовлетворив первоочередные нужды, Лиззи вымыла и высушила руки, сняла шлем, засунула его между коленями и помассировала голову. В шлеме имелись вентиляционные отверстия, но после тяжелых физических усилий волосы пропотели, хвостик тоже пострадал, неряшливо сбился на сторону, а несколько прядок выбилось наружу.

Лиззи стащила резинку, помотала головой, покрутила шеей из стороны в сторону, повела плечами. Намочила бумажное полотенце и положила на лицо, наслаждаясь прохладой, потом снова собрала волосы в аккуратный хвостик и нахлобучила на голову шлем.

Когда Лиззи вышла из дамской комнаты, молодая женщина с двумя детьми уже ушла, пиволуб расплачивался за свои шесть банок, и только второй парень продолжал придирчиво выбирать конфеты.

Лиззи подобное поведение показалось немного странным, ведь мужчины, как правило, не мучаясь, хватают первое, что попало под руку. Это женщины любят поглазеть на товары. Лиззи подозрительно посмотрела на вдумчивого покупателя, но тот выглядел самым обычным парнем, в джинсах, футболке и бейсболке. И уж точно не Икс. Лиззи сняла с полки бутылку холодной воды, аспирин, который — ни фига себе! — стоил вдвое дороже, чем в аптеке, и взглянула на протеиновые батончики. Выбор невелик — одна марка, с шоколадом или арахисовым маслом. Взяла по штуке того и другого.

Пока Лиззи рассчитывалась, конфетный фанат наконец выбрал, кажется, несколько батончиков «Херши», потом побрел к пакетам с крендельками и картофельными чипсами. Может, тугодум. Может, времени навалом и больше нечем заняться.

Выйдя на яркий солнечный свет, Лиззи нацепила очки и двинулась вокруг стоянки. Встав за мусорным контейнером, открыла пузырек с аспирином, положила в рот две таблетки и запила водой. Аспирин поможет, во всяком случае, не повредит. Потом заела шоколадным протеиновым батончиком, чтобы лекарство не расстроило желудок. Взглянула на часы — потратила на остановку двадцать минут. Пора двигаться дальше.

Мышцы, настроившиеся малость расслабиться, начали протестовать уже в первые четверть мили. Лиззи снова принялась придумывать самые дьявольские пытки, которым подвергнет ненавистный велосипед, когда в нем отпадет необходимость.

Дорога свернула направо, углубляясь в сельскую местность. Кругом поля, заставленные гигантскими круглыми тюками сена, пастбища с коровами, несколько лошадей. Лиззи знала, что маршрут пролегает по малонаселенным районам, вдали от большинства городов и поселков, но не представляла, что здесь совершенно пусто. Если бы она ехала в машине, то ничего бы не заметила, но на велосипеде внезапно и остро осознала, насколько одинока и беспомощна, если какие-то уроды попытаются напасть.

Нет, не беспомощна. Это курица Лизетт так считала. А она — Лиззи, которая интенсивно тренировалась на уроках боевых искусств, которая умела драться, причем грязно, умела защитить клиента от угона автомобиля, попытки похищения или простого грабежа. Да, тогда она была вооружена, а сейчас при ней нет пистолета, но ничего страшного, ситуация чертовски скоро будет исправлена. Зато есть нож и готовность его использовать.

Сзади раздался глубокий низкий рев мотоцикла.

Мимолетно, на долю секунды мелькнула мысль просто остановиться на обочине. В конце концов Лиззи решила, что у Икса не имеется никакого способа выследить ее сию минуту. Ведь она стряхнула его с хвоста. Это просто еще один мотоциклист, холмы Вирджинии, очевидно, весьма популярны среди байкеров.

Нет, нельзя рисковать.

Лиззи отчаянно крутила головой, место явно неудачное — по обе стороны дороги поля, недавно скошенные и уставленные скирдами. Справа виднелся большой сарай, где хозяин сена, наверное, хранил свои тюки, но до него добрая сотня ярдов, а мотоцикл приближается быстро.

Дерьмо! Можно попытаться добраться до сарая. Но гораздо ближе огромный круглый стог, за ним тоже можно спрятаться.

Лиззи не стала слезать с велосипеда, вместо этого рванула прямо по полю, подпрыгивая на неровностях так сильно, что клацали зубы, склонившись над рулем, изо всех сил давила на педали. С большим трудом удавалось удерживать велосипед в вертикальном положении — земля изобиловала рытвинами и ухабами.

Лиззи добралась до первого тюка, спрыгнула с велосипеда и присела на корточки, сердце колотилось от напряжения и страха, хотя понятно, что ей ничего не угрожает, что мотоцикл промчится мимо...

Громкий гул немного притих. Байк явно сбросил скорость.

Прижавшись спиной к скирде, Лиззи украдкой глянула в сторону дороги. Огромный парень верхом на «харлее» легко преодолевал на мощной машине ямы и бугры, которые едва не выбросили ее из седла, черная футболка облепила мускулистый торс, лицо скрыто черным шлемом с опущенным забралом.

У Лиззи пересохло во рту, зрение затуманилось. Бежать некуда, спрятаться негде. Она на велосипеде, он на мотоцикле — отстает ярдов на пятьдесят и катит прямо на нее.

Быстро сунулась в рюкзак и достала кухонный нож. В солнечном свете оружие выглядело жалким и слабеньким, но другого нет. Наверное, в сарае лежат мотыги, косы, вилы... ничто не спасет в безвыходном положении. Да и что может колюще-режущий инструмент против пули? Плевать. «Я так просто не сдамся, только не после всего пережитого. Буду биться до последнего».

Помчалась вперед, тело действовало само по себе, не дожидаясь приказов мозга, отказываясь капитулировать. К дьяволу велосипед, на таком неровном поле куда быстрее передвигаться на своих двоих, только бы не сломать лодыжку. Лиззи неслась прочь от преследователя, мышцы забыли про усталость, боли исчезли, остались только безумные усилия и жгучая потребность добраться до сарая раньше Икса. И она отчаянно молилась, молилась и молила Боженьку послать хоть что-нибудь, чем можно защититься, молила, черт возьми, чтобы фермер, скосивший траву, приехал на своем тракторе убрать сено в сарай. Молилась о любом шансе.

Лиззи бежала на запад, под полуденным обжигающим солнцем, размывающим видимость. Не оглядывалась назад, не смотрела, насколько враг близко, а стрелой мчалась вперед по жесткой стерне. Еще двадцать ярдов... десять... и неожиданно нырнула в глубокий сумрак ветхого строения. Резко затормозила, временно ослепнув, яркие пятна плясали в глазах.

Свирепо зажмурилась, пытаясь вернуть зрение. Дерьмо! Следовало прищуриться, чтобы уберечься от солнечного света. И вот теперь на несколько драгоценных минут она совершенно беспомощна, а низкий рев мотоцикла всё ближе, всё громче.

Нет времени сокрушаться! Лиззи крепче сжала кухонный нож... бесполезная железяка, надо срочно подыскать другое оружие.

Чуть приоткрыла глаза, зрение восстановилось достаточно, чтобы разглядеть в глубине сарая справа какие-то инструменты, может, удастся что-то использовать. Змеи... кстати, разве не мотыгами крестьяне убивают змей?

Ага, отличная мысль. Мотыга против пистолета.

И все же мотыга лучше, чем ничего, лучшее, чем прямо сейчас можно вооружиться. Нож хорош в ближнем бою, но нужно чем-то удерживать врага на расстоянии.

Двигатель байка смолк.

А вот и она — мотыга, словно Господь услышал отчаянные молитвы и материализовал инструмент прямо из воздуха. Лезвие ржавое, черенок кривой, но что есть, то есть. Лиззи, с мотыгой в одной руке и ножом в другой, повернулась лицом к смерти и взглянула на преследователя.

Икс, остановив мотоцикл в двадцати-двадцати пяти ярдах, сидел верхом на своем «харлее», опустив ноги в ботинках на землю, и спокойно наблюдал, как Лиззи сначала металась по сараю и наконец вышла наружу, вооружившись чем смогла.

Солнечный лучик отразился от черного шлема и ослепил беглянку.

Лиззи трясло от страха, голова кружилась, перед глазами плавали пятна. Она слышала собственное слишком тяжелое и слишком быстрое дыхание, смутно сообразила, что у нее

гипервентиляция. Надо взять себя в руки, надо вернуть самоконтроль, иначе нет никаких шансов. Вдохнула как можно больше воздуха и замерла, заставляя себя успокоиться.

Головокружение исчезло, зрение прояснилось. Лиззи приняла боевую стойку и приготовилась к сражению.

Икс неторопливо слез с мотоцикла, пнул подставки и утвердил «харлей» на утрамбованном участке. Лиззи мимолетно подумала, что, учитывая, насколько неровное поле, он, должно быть, сходу нашел единственный плоский пяточок в округе. По-прежнему спокойными размеренными движениями Икс пальцами в перчатках расстегнул ремешок, стянул шлем и повесил на руль. Затем неспешно направился к ней.

Оружия не видно. Руки пусты.

Это не значит, что у него за поясом сзади не заткнут пистолет. Хотя нет, он никогда не прятал ствол за спину. Ему нравилась плечевая кобура.

У Лиззи бешено застучало сердце, в ушах заревела кровь, в горле завибрировал крик, беззвучный и неудержимый. Обзор сократился до туннеля, она видела только его лицо — жесткие, грубо вытесанные скулы, черные как ночь глаза, сосредоточенные, словно у ястреба на добычу.

Икс шел к ней, будто прогуливаясь, двигаясь свободно и легко, с расправленными широкими плечами, невозмутимый и решительный, готовый напасть в любую минуту.

Лиззи снова взглянула ему в лицо.

Время повернуло вспять, мысленный забор разлетелся на куски. Лиззи опустила руку с ножом и обессилена привалилась к косяку, но, хотя трудно сражаться с двумя повисшими руками, разоружаться пока не собиралась. Тяжело дыша, смотрела на него, не мигая, прошлое и настоящее сцепились в вихре красок и звуков... ночи и дни... тогда и сейчас...

Его лицо.

Он всегда так ходил — с беспредельной уверенностью в себе, словно контролировал всё и вся в этом мире.

Быстрые взмахи ногами и руками, глухой звук падающих тел, хрюканье, когда удары достигали цели. Партнер по тренировкам сумел врезать Иксу по яйцам, тот со сдавленными проклятьями рухнул на пол, в то время как она с другими девушками взывала со смеху, потому что он почти никогда не проигрывал бой.

Собственно, и этот не проиграл. Выпрямился, перекатился, вскочил перед противником и, пока тот не оклемался, двумя молниеносными выпадами — один правым локтем, второй левым коленом — послал соперника в полет. Парень рухнул на коврик, дыханье вышибло, поверженный застонал и постучал по полу ладонью в знак капитуляции.

Икс схватил полотенце и направился к Лиззи, двигаясь как обычно гибко и легко, впившись в нее черными глазами. Пот стекал по его лицу, футболка цвета хаки потемнела.

— Почему женщины всегда гогочут, когда мужик получает ногой по яйцам? — буркнул он, сильно хлопая полотенцем по щекам.

— Потому что яйца для мужиков самое дорогооооо, — протянула Лиззи, старательно подражая Голлуму и продолжая смеяться при виде, как он злился.

Икс крайне редко попадал впросак, поэтому Лиззи наслаждалась от души.

— Чертовски верно, — рявкнул он.

Икс подходил все ближе, по-прежнему не сводя с нее глаз. Икс... Нет, не Икс... но что-то похожее... Икс...

Ксавье.

Его зовут Ксавье.

Имя взорвало мозг, воспоминания потоком хлынули через разрушенные стены. Дни. Ночи. Лиззи отчаянно стиснула черенок мотыги, чтобы сохранить равновесие, чтобы не рухнуть оземь, чтобы не упасть в обморок. Ксавье!

Он тяжело навалился сверху, полностью накрыв обнаженным телом, широко раздвинул мощными ногами ее колени и вольготно устроился в колыбели ее бедер. Лиззи очень любила этот момент, когда он замирал перед решительным рывком отвердевшего толстого пениса, любила первый, сначала легкий толчок, любила движения его гибких бедер. Здоровенный, жесткий, всякий раз на миг изумлял ее тело своими размерами, а потом она расслаблялась, таяла и вбирала в себя. Он всегда дожидался ее безмолвной готовности, сдерживаясь, и только когда ощущал, что она рада его принять, входил так глубоко, что Лиззи невольно вскрикивала от удовольствия, наслаждаясь толчками горячей твердой плоти внутри себя.

Ксавье. Господи, это же Ксавье!

Тот остановился в тени навеса, склонил голову и пристально на нее смотрел. Он явно не опасался ни ножа, ни мотыги, только не в ее руках, впрочем, нет сомнений, что он легко с ней справится. Ведь она недостаточно обучена... хотя они когда-то много тренировались вместе. Но сейчас она ослабла, давно не практиковалась, не выпалась, плюс истощена от многочасовой поездки на велосипеде в летнюю жару, в то время как он комфортно рассекал на своем «харлее».

И тут Лиззи затрясло уже от ярости. Подонок! Он все же сумел прицепить на нее жучок, поэтому мог настигнуть в любое время, и при этом плелся следом, пока она чуть Богу душу не отдала, развлекался, гад, наигрался вволю и только потом явился сюда. За ней. Наверняка это именно он со свистом промчался мимо на мотоцикле. Лиззи настолько рассвирепела, что пнула бы в его драгоценные яйца, если бы остались силы. Ничего, день еще не закончился...

— Лиззи, — низким спокойным голосом произнес Ксавье, очень осторожно, словно боялся напугать, наверное потому, что не знал, что именно и сколько она вспомнила. — Я не причиню тебе вреда. Ты меня помнишь?

Да. В памяти все еще зияли огромные дыры, но его она вспомнила.

Она любила его. Или нет, главное, он любил ее. Даже в нынешнем подвешенном состоянии Лиззи четко это вспомнила, хотя по-прежнему понятия не имела, что заставило ее так разительно перемениться. Но кое-что определенно не изменилось: она все еще его любит, в противном случае сердце не колотилось бы так сильно, словно вот-вот лопнет.

Ксавье здесь.

Неожиданно Лиззи поняла, что долгие годы не жила вовсе в том сером и пустом мире. Боль и радость, и все оттенки гнева вспыхнули в душе, и она ненадолго закрыла глаза. Слишком много всего свалилось одновременно, никак не удавалось справиться с эмоциями и обрести хоть какую-то ясность мышления.

— Да, — наконец просипела Лиззи дрожащими губами, воткнула нож в дверной косяк и прошептала по-Голлумовски: — Дорогооооо...

Не успели слова сорваться с уст, как Ксавье ринулся вперед и прижался к ней всем телом, отбросив мотыгу. Наверняка сбил бы с ног, если бы не стискивал так крепко. Обхватил обеими руками, приподнял и впился в губы. Поцелуй получился пылким, страстным и жадным, мелькнула мысль, что он никогда так не набрасывался, словно смертельно по ней изголодался. Склонил голову, язык завладел ее ртом, Лиззи от

нахлынувших чувств содрогнулась всем телом.

Да, да, именно так она раньше целовалась... только с ним. Ощущение правильности происходящего, изначальной принадлежности друг другу пронзило так резко, будто острым лезвием.

Обхватив его руками за шею, Лиззи поцеловала в ответ так же вдохновенно, как в прошлой жизни, как делала во сне, мысленно крича: «Это же ты! Ты!» Целовала так же сильно, как он ее, не замечая, что зубы стучат о зубы, утопая в его вкусе, в его запахе, в ощущении его горячей кожи, в самом факте его присутствия.

Ксавье держал ее одной рукой, второй бросил на землю ее шлем, потом принялся снимать с нее одежду. Быстро и ловко, словно атаковал. Лиззи с трудом вернулась в реальность. Он же не собирается... прямо здесь?.. о, да, собирается и прямо здесь. Недоверчивое изумление мгновенно превратилось в жгучую потребность. Между ними так было всегда, взаимное влечение с самого начала пылало настолько жаростно, что Лиззи иногда казалось — она того гляди выпрыгнет из кожи.

Через минуту Лиззи была обнажена ниже пояса, и ее несколько не волновало, что они расположились у сарая, прекрасно видимого с дорожки вдоль поля со скирдами сена. В тени, на таком расстоянии, наверное, никто не сумеет их разглядеть. А даже если и сумеет — плевать.

Лиззи волновал только Ксавье. Она снова его нашла, ну, или он нашел ее. Остальное неважно. Они снова вместе.

Негде устроиться, разве что улечься прямо на земле, но он такой сильный, что это не проблема. Ксавье расстегнул ремень и джинсы, приспустил вниз, прислонил Лиззи к дверному косяку, обхватил двумя руками ягодицы и тяжело приник всем телом. Она оплела ногами его талию, приподнялась, открылась, и он жестко ворвался внутрь.

Время остановилось. Мир замер. Прошрое и настоящее слились воедино, всё как раньше — и жар тел, и мощное безжалостное соитие на грани боли. Никаких прелюдий, никаких предварительных ласк. Она всегда без колебаний бросалась к нему и на него: один звонок — и она тут как тут, хотя иногда упиралась просто назло, один поцелуй — и она уже возбуждена, одно прикосновение — и она уже готова.

«Слишком долго я жила без тебя».

Внутри Лиззи, словно паводковые воды, поднималось напряжение. Ксавье толкался глубоко и сильно, она подпрыгивала на нем вверх-вниз, громко постанывая от наслаждения. Приближалась кульминация, слишком невероятная для обычного удовольствия, Лиззи голодно стиснула мышцы внутри, всем телом обернулась вокруг него.

Потом разрядилась, затрепетала в стальных объятьях, впиалась пальцами в широкую спину, уткнулась лицом в шею, чтобы заглушить рвущиеся из горла гортанные стоны. Ксавье сильнее прижал ее к косяку, двигая бедрами как поршнем, а затем ритм изменился, стал медленным, глубоким, плавным, потом Ксавье рыкнул — Лиззи вспомнила этот короткий грубый звук перед тем, как из глубины его груди вырывался протяжный стон, — мускулы постепенно расслабились, и он обмяк, тяжело придавив ее.

Лиззи закрыла глаза, провела пальцами по густым темным волосам, снова обхватила за шею.

— Ксавье...

«Как я вообще жила без тебя?»

Он в курсе происходящего и сумеет заполнить ужасные пробелы в памяти. Лиззи

любила его до безумия и теперь, когда они снова вместе, ни за что его не отпустит, пока не выдоит досуха.

А потом надерет ему задницу за все мучения сегодняшнего дня.

Неловко — не то слово.

Наполовину оголенная, в буквальном смысле, она занималась сексом с парнем, хотя так и не разобралась в ситуации. Разве не следовало для начала хоть что-то выяснить, прежде чем пускаться во все тяжкие?

Лиззи схватила брюки и прижала к себе, словно они способны исправить ее промах.

— Гм... У меня есть несколько влажных салфеток в рюкзаке, — промямлила она и махнула на стог сена, где бросила пожитки, когда в панике помчалась к сараю.

Ксавье, похоже, не разделял ее смущения. Обхватил жесткими мускулистыми руками за талию и притянул к себе. Лиззи автоматически напряглась, больше от замешательства, чем протестуя. Постепенно расслабилась, прижалась щекой к сильному плечу, обняла спину, ощущая рябь мышц под пальцами и горячую кожу. Хотя подробности их романа ей по-прежнему неведомы, всё в этом парне было удивительно знакомо и невероятно правильно — и запах, и вкус, и то, как идеально их тела подходят друг другу.

— Я принесу, — сказал Ксавье, чмокнув ее в макушку. — Только не вонзай мне нож в спину, ладно?

Лиззи подумывала вытащить нож из дверного косяка, куда его воткнула, потому что грызли сомнения: вдруг да понадобится? «Если сомневаешься, надо вооружиться, чтобы потом не пожалеть. Интересно, Ксавье действительно хорошо меня знает или по жизни привык постоянно допускать вероятность потенциальной атаки?»

Она все еще размышляла, когда он вернулся, но пока оставила нож на месте.

— И всё же до сих пор не понимаю, что реальность, а... — начала Лиззи.

— Мы, — прервал Ксавье, одарив ее мрачным пронизывающим взглядом. — Мы — реальность. На данный момент этого достаточно.

— Я так многого не помню. Не помнила тебя, пока ты сюда не приехал. Икс. Я называла тебя мистером Иксом.

— Достаточно близко, — кивнул он после паузы. — Верно мыслила.

— Тебя действительно зовут Ксавье? — спросила Лиззи, просто для подтверждения.

— Да.

Она перестала задавать вопросы и повернулась к нему спиной, чтобы привести себя в порядок. Глупо, наверное, чувствовать себя неловко после того, чем они только что занимались, но просто не было времени привыкнуть к нему, привыкнуть к переменам. В какой-то момент она была уверена, что он явился ее убить, а уже в следующую секунду мозги воспламенили эротические картины. Никакого моста, никакой связи между прошлым и настоящим.

Лиззи посмотрела на влажные салфетки в руке, и вдруг между глаз ударила очередная мысль: они только что занимались сексом без презерватива, а ведь она давным-давно не принимает противозачаточные таблетки. Это оплошность? Или раньше она тоже ничем не пользовалась? Лиззи чувствовала себя настолько нормально и спокойно, словно презервативы никогда не были частью их интимной жизни, но она не знала наверняка. В этот раз, наверное, все обойдется, поскольку месячные ожидаются через несколько дней, но когда они выберутся отсюда, придется принять меры предосторожности и сесть на таблетки.

Если предположить, что они останутся вместе и оба не погибнут, что и означает

«выберутся отсюда».

В глубине души Лиззи не сомневалась в «останутся вместе». Теперь, когда Ксавье снова рядом, впервые с того дня, как она заболела, она не чувствовала себя ни потерянной, ни напуганной. Ладно, у нее страх и потерянность отчасти остались, но Ксавье-то ничем таким не маялся. Пусть она понятия не имеет, что творится, зато он полностью в курсе.

Он ее нашел. Узнал, что она в беде, и нашел.

Лиззи натянула брюки, отчаянно размышляя. Напрашивается еще один очевидный вывод, и мысли так часто били между глаз за последние несколько минут, что она начинала чувствовать себя боксерской грушей.

— Придурок! — повернувшись, рявкнула Лиззи.

— Да ну? — вздернул брови Ксавье и одарил ее сытым самодовольным взглядом темных глаз. — С чего это вдруг?

— С чего это вдруг, — злобно передразнила она. — Только не говори, что не мог догнать меня в любое время. Вместо того чтобы остановить меня час назад, ты выжидал, пока я не устану до полусмерти на этом проклятом велосипеде. Это ведь ты промчался мимо, когда я пряталась в бурьяне, да?

— Да, но место для воссоединения показалось мне не совсем подходящим.

Так бы и врезала! В голосе ни нотки извинений, хотя от него и не дождешься. Ксавье проанализировал ситуацию, разработал тактический план, и точка. Он когда-нибудь меняет собственные решения? Прецеденты ей не известны, но Лиззи не стала бы биться об заклад.

— Мне нужно было место без свидетелей на тот случай, если ты меня не помнишь.

— Я и не помню, — отрезала она, живот снова сжало от вернувшегося ужаса.

— Зато всё вышло как нельзя лучше: не пришлось силком тащить тебя на мотоцикл и увозить куда-то, ты наверняка дралась бы как дикая кошка и вопила что есть мочи, — невозмутимо констатировал Ксавье, обхватил за шею левой рукой и припал к губам в долгом поцелуе.

Поцелуй успокоил, как ничто другое, и всё же не утихомирил.

— У тебя было много возможностей, — выпалила Лиззи, едва рот освободился.

— Я дожидался, пока ты устанешь, чтобы свести борьбу к минимуму. Ты ведь устала?

— Как собака, — парировала она. — И еще кое-что. Ты явил прекрасный пример гнилой тактики и перестраховочного мышления. Потому что я не просто устала — у меня болит каждая мышца, и я зла как черт.

Ксавье хмыкнул, выслушав пламенный выговор.

— Усталость — нормально, злость — не новость. Боль попробую как-нибудь облегчить.

— Например?

— Как тебе гостиничный номер с джакузи?

Велосипед, купленный только сегодня утром — и превративший хозяйку в отбивную, — неплохо послужил... глаза бы его никогда больше не видели! Лиззи оставила драндулет там, где бросила, наверняка не позже, чем через полчаса, кто-нибудь подберет. Нацепила рюкзак и шлем, подождала, пока Ксавье оседлал «харлей», и устроилась на сиденье позади.

Это вам не какой-нибудь туристический мотоцикл с комфортным пассажирским местом со спинкой, эта машина создана для мускулов и скорости, а значит, мчится как стрела и к черту удобства. Так что Лиззи устроилась как птичка на жердочке, крепко обняла Ксавье за талию и положила голову ему на спину, вверив в надежные руки свою драгоценную жизнь.

Он завел двигатель, и мощная пульсация завибрировала между ног.

— Господи, — пробормотала Лиззи. — С таким зверем женщине и мужик не нужен.

Ксавье рассмеялся и стиснул ее ладони на своем животе, затем нажал на газ и вырулил на асфальт.

Учитывая шаткость своей позы, Лиззи высоко оценила водительские навыки Ксавье, тот вел байк так ровно и гладко, словно вез хрупкий фарфор. Мотоциклетное седло куда удобнее велосипедного, а может, преимущество в том, что педали крутить не нужно. Дорога на двухколесной железяке заняла бы не меньше часа, и наверняка большую часть пути пришлось бы брести пешком, а на «харлее» они домчались гораздо быстрее.

Ксавье выбрал большую солидную пятизвездочную гостиницу. Разумеется, предварительно он ничего не забронировал, зато предъявил платиновую кредитку с именем и фамилией, не имеющими ничего общего с «Ксавье». Чему Лиззи совсем не удивилась — они явно вовлечены в переделку, требующую поддельных документов.

Поставили «харлей» на охраняемой парковке и поднялись в роскошный люкс с балконом, камином, огромной кроватью и чудесной антикварной мебелью. Ванная комната была раза в два больше, чем в ее доме... ну, или в том месте, которое совсем недавно Лиззи считала своим домом. Наверняка она туда никогда не вернется, и хотя теперь понятно, что тамошняя жизнь полностью состояла из иллюзий, всё же Лиззи испытывала боль при мысли, что больше не увидит единственное пристанище, которое хорошо помнит. Отмахнувшись от печали, оценила ванну — не джакузи, правда, но долгое отмокание в горячей воде плюс пара таблеток аспирина отлично помогут снять последствия велопробега.

— Чур, я первая, — объявила она, наклоняясь, чтобы включить воду.

— Будь моей гостьей, — усмехнулся Ксавье, похлопывая ее по заднице.

— Руки прочь, — буркнула Лиззи.

— Мне надо проверить сообщения, — хмыкнул он, уходя. — Надеюсь, потом твое настроение немного улучшится.

Им многое предстояло обсудить, но каждый, казалось, избегал поднимать сложные темы, например, почему кто-то пытался ее убить, каким боком он замешан... черт возьми, да и она тоже. Похоже, Ксавье решил подождать с проблемами, а она так устала, что не имела сил возражать.

Лиззи напустила максимально горячей воды, выключила кран и, кряхтя, осторожно погрузила измученное тело в ванну, наслаждаясь теплом, просачивающимся в ноющие мышцы. Закрыв глаза, вытянулась насколько возможно, волосы плавали вокруг шеи, колени торчали из воды. Болело все — от пальцев ног до макушки. Вполне возможно, что не пострадала только правая мочка, потому что левую зацепило ремешком шлема и застежка серьги растянулась.

Хотелось целиком расслабиться и понежиться, чтобы рассудок свободно плавал, как волосы в воде, но ничего не получалось. Невзирая на комфорт, мозги прокручивали ситуацию, как кошка клубок пряжи. Тревога никуда не делась и вряд ли когда-нибудь полностью исчезнет. Но в этот момент Лиззи чувствовала себя почти в полной безопасности, впервые с того проклятого утра, когда взглянула в зеркало и увидела чужое лицо. Сердце билось ровно, не надо быть готовой выпрыгнуть из ванны и бежать. Может, завтра снова придется пуститься в бега, но сегодня можно вволю понаслаждаться обычной горячей ванной, настоящей едой и сном в приличной постели.

Лиззи села — коленям тепло требовалось больше, чем ушам, — открыла глаза и

оглядела помещение целиком из белого мрамора и полированного хрома. Кроме огромной ванной имелись душевая кабина, двойная раковина, отдельно туалет, а также такое количество толстых пушистых полотенец, что два человека не сумеют использовать за весь день.

Да уж, Ксавье куда больше повезло с местом для ночевки, чем ей. Повезло, как же! Просто он готов ко всему и всякому. С поддельными документами и платиновой кредиткой на чужое имя везения и не нужно, а вот ей пришлось ютиться в разгромленной клетушке без простыней, с единственным дерьмовым полотенцем, да еще и таиться с выключенным светом.

Ксавье. Икс. «Мужчина моей мечты, в буквальном смысле». Лиззи всё еще злилась на него за то, что ей так долго пришлось крутить педали проклятого велосипеда, прежде чем он соизволил ее поймать, злилась на тот ужас, который пришлось пережить, и всё же... И всё же он здесь.

Она ведь даже не осознавала, насколько обездоленной была без него. Только теперь, когда он вернулся в ее жизнь, Лиззи в полной мере ощутила разницу между «тогда» и «сейчас» и поняла, насколько серое и безрадостное существование влачила. Ксавье — луч света в мире тьмы, куда ее заточили. Большое облегчение, что вернулись некоторые воспоминания... хоть что-то из пропавших двух лет. Ярче всего Ксавье.

Пока что не ясно, как обстоят дела. Они хорошие или плохие парни? Ксавье, без сомнения, мог принадлежать и к тем, и к другим. Может, одновременно и к тем, и к другим, а может, ни к кому. Поразмыслив, Лиззи решила, что это не имеет значения, что Ксавье нет смысла причислять к рыцарям на белом коне. Ее жизнь — не старый фильм пятидесятых годов, где зло и добро легко различить, где белые мантии на благородных героях, черные — на злодеях. Реальный мир куда сложнее. Ее собственный мир куда сложнее.

Нет, не так. Ее собственный мир — абсолютный дерьмовый хаос.

Дверь открылась, вошел Ксавье — без стука, разумеется, — но хотя Лиззи немного смутилась своей наготы, не стала прикрываться полотенцем или иным образом выказывать застенчивость, совершенно лишнюю между ними. Он уже видел ее обнаженной. Пусть она и не помнила точно сколько раз, но знала, что подобное случалось неоднократно.

— Я заказал еду. Принесут через сорок пять минут.

Ксавье возвышался над ней полностью одетый, наверняка вооруженный, скорее всего, ствол спрятан в кожаной кобуре. Лиззи порадовалась, что у него при себе большой пистолет. Хотя логика подсказывала, что они в безопасности, однако, раз он ее нашел, то и кто-нибудь другой способен.

— И что ты заказал для меня? — сварливо спросила Лиззи, приготовившись поскандалить, если выбор не устроит.

— Крабовые котлетки. И творожный пудинг на десерт.

Лиззи всегда любила и то, и другое. И Ксавье это помнил. А какая его любимая еда? Из тумана всплыл однозначный ответ: стейк. Он вообще-то не придиричивый едок, но обожал стейки, непрожаренные.

— Я предпочитаю заказывать сама, — все еще сердясь, проворчала Лиззи. — Может, мне хочется стейк. Сегодня я заслужила каждую чертову калорию.

— Да, мэм, — ухмыльнулся Ксавье. — Стало быть, вспомнила мои вкусовые пристрастия?

— Не детально, но в целом... да.

Ксавье сел на пол возле ванны, застав ее врасплох. Он больше не возвышался над ней в доминирующей позе. Теперь они находились на одном уровне, почти лицом к лицу. Правда, она голая, он — нет, но сомневаться не приходится: он мигом устранил это неравенство, судя по тому, как потяжелел его взгляд, мазнув по ее груди и темному треугольнику между ногами.

Ксавье всегда быстро раздевался, и секс между ними всегда был яростным и жестким. Каждый ужин заканчивался одинаково — оба набрасывались друг на друга. К черту игру в застенчивость, только не сейчас, когда он так возбужден, только не сейчас, когда неизвестно, что принесет завтрашний день. Может, звучит банально, как в фильмах пятидесятых, пришедших на ум несколько минут назад, но жизнь слишком драгоценна. Иногда слишком коротка. А она безумно устала от одиночества.

— Расскажи, что произошло, — тихо попросила Лиззи.

— А что ты помнишь? — окунул ладонь в ванну Ксавье.

— Немного. У меня в голове словно большая темная дыра, возле краев которой и мелькали воспоминания, пока я не увидела тебя сегодня днем. Ты ведь из моих пропавших двух лет, да?

— Когда ты поняла, что не хватает двух лет? — вместо ответа спросил Ксавье.

— В минувшую пятницу, — выдавила Лиззи. — Посмотрела в зеркало, увидела лицо и испугалась, что оно не моё. Всё остальное пришло потом.

— И ты заболела.

— Да, безумно трещала голова, — подтвердила Лиззи и бросила на него острый взгляд. — Значит, я не ошиблась: дом прослушивался.

— Не только. Всё прослушивалось: твой дом, телефон, автомобиль.

Лиззи смежила веки и содрогнулась от отвращения: чужие люди слушали всё, что она говорила и делала.

— Может, следует подождать, пока память вернется сама по себе, — заметил Ксавье, прикоснувшись к ее щеке мокрой рукой.

— А что, если не вернется? — открыв глаза, спросила Лиззи. — И почему у меня амнезия? Мне промыли мозги?

— Типа того. Не в классическом смысле слова.

— По какой причине? Мы состояли в... в одной команде, да? Я помню тренировки, какую-то женщину, но яснее всех тебя...

— Да, у нас было что-то вроде единой команды, — помрачнел Ксавье. — Не насилуй извилины, Лиззи.

— Вернись в реальность, — нетерпеливо отмахнулась та. — Как бы ты поступил на моем месте? Какие-то люди пытаются меня убить, а я понятия не имею, кто они и в чем мотив.

По глазам Ксавье Лиззи вдруг догадалась, что это для него не новость.

— Постой-ка, если ты догнал меня, чтобы защитить от убийц, то теперь и сам стал мишенью?

— Да, но меня им не достать.

Он всегда был чертовски самоуверенным и, что еще хуже, имел на то веские основания. Лиззи это точно знала, хотя и не помнила конкретных подробностей. Ладно, сначала надо выяснить ситуацию, а потом разбираться с личностными характеристиками.

— Каким образом мне так промыли мозги, что я потеряла два года жизни? Ну, и кое-что

до этого... например, всплыло, что я работала в солидной чикагской охранный фирме, и все же память о тех временах похожа на швейцарский сыр.

— Это был экспериментальный медикаментозный процесс, — отчужденно сообщил Ксавье. — Ты была третьей, на ком его испробовали.

«Стало быть, меня превратили в морскую свинку». Фу, почти так же отвратительно, как новость, что за ней годами наблюдали как за лабораторным животным... Почти, но не совсем. Всё же жуткое мерзкое осознание, что каждую минуту ее жизни прослушивали и анализировали, возглавляло список гадостей.

— Что случилось с первыми двумя?

— Один умер от сердечного приступа. Второй... процесс не был столь обширным, покрывал всего пару месяцев. Он хорошо его перенес.

— Он еще жив?

— Я этого не сказал, — пожал плечами Ксавье.

— Значит, промывка его убила?

— Ну... такая формулировка тоже не годится.

— Перестань скрытничать, — нахмурилась Лиззи и ущипнула его за руку. — Взгляни на ситуацию по-другому: пока я точно не выясню, что происходит, могу сотворить кучу ошибок, в результате подвергну нас обоих смертельной опасности. Мне надо знать, с чем я — мы — можем столкнуться. Держать меня в неведении — не лучшая тактика.

Лиззи увидела вспышку в его глазах и поняла, что нашла самый весомый аргумент, способный изменить его мнение. Ксавье был прирожденным тактиком, постоянно взвешивал шансы, прикидывал причины и следствия, действия и противодействия. На каждый ход изобретал контрход.

— Боюсь тебе навредить... — наконец протянул он, качая головой, и стало понятно, что аргумент не сработал, увы. — Это неизведанная территория. Пусть лучше память вернется сама по себе, наверное, так безопаснее для твоего мозга.

— Разве нельзя у кого-то точно узнать насчет последствий для мозга?

— Можно, как раз у тех, кто старается нас убить, — фыркнул Ксавье.

— Вот суки, — злобно выпалила Лиззи.

— Не то слово, — усмехнулся Ксавье.

— Раз ты меня нашел, — внезапно осенило Лиззи, — стало быть, тоже меня прослушивал, так? Но ведь я выбросила сотовый...

— Когда ситуация начала обостряться, я нацепил три жучка, в том числе один на рюкзак, который остался у тебя дома.

— Ладно. Второй в телефон. А третий?

— В кошелек. Решил, что он-то уж точно останется при тебе до последнего. Боялся, что, вспомнив старые навыки, ты выбросишь все свои вещи и начнешь новую жизнь.

— Мой кошелек. — Значит, Ксавье проникал в ее дом и перебирал вещи. — Когда? Когда ты прицепил жучок?

— В понедельник вечером, после твоей дальней прогулки по магазинам.

— Пробрался в мой дом? Пока я спала? — возмущенная таким произволом, воскликнула Лиззи.

Ксавье не только ни капельки не смутился, так еще и явно повеселел.

— Не было смысла нарываться на тебя бодрствующую.

— Ты залез в мою сумочку!

— Ужас-то какой.

— Мне пришлось бросить ее в «Уолмарте», черт бы тебя побрал!

— Куплю тебе точно такую же.

— Да уж, будь любезен. И чтоб такую же.

Лиззи глубоко вздохнула, чтобы успокоиться, и пригладила мокрые волосы. Злись не злись, но суровая правда состояла в том, что без жучков он бы, скорее всего, ее не нашел, и ей пришлось бы в полном одиночестве разбираться с этой кутерьмой. Не понимая, что происходит, ничего не помня о прошлых событиях, она наверняка совершила бы ошибку и попала в руки врагов. «Ксавье спас мне жизнь».

— Спасибо, — неохотно процедила Лиззи.

— Бедняжка, — еще пуще развеселился Ксавье, — тяжело давить из себя благодарность? Не за что.

— Не тяжело. Просто не хочется тешить твое самолюбие, у тебя и без того самоуверенности хоть отбавляй.

— Вспоминаешь, да?

— Угу... Дорогооой.

Лиззи положила локти на края ванны и оперлась подбородком на скрещенные руки, вспоминая, как не нравилось Ксавье — пусть крайне редко, но всё же несколько раз приходилось — поручать своим парням себя охранять.

— Хотя кое-что меня беспокоит гораздо сильнее тотального наблюдения.

— И что же?

— Мое лицо. Почему они изменили мне лицо? — горько спросила Лиззи и опустила глаза, чтобы не выдать отчаяния.

Глупо страдать по прежней физиономии. Она ведь вполне привлекательна, не уродина какая-нибудь. Может, кому-то ее новое лицо даже нравится больше прежнего. Однако хотелось смотреть в зеркало и не чувствовать себя наказанной.

Ксавье помолчал, явно взвешивая, что и сколько можно сообщить.

— Ради твоей безопасности, — наконец сказал он.

— Безопасности? Безопасности?! Тогда с какой стати они за нами охотятся?

Ксавье снова помолчал, подбирая слова.

— Проблема вовсе не в людях, которые пытаются нас убить.

Лиззи закрыла глаза, чувствуя, как закипели слезы. Вот дерьмо, уж конечно не эти загадочные отговорки хотелось услышать. «Ради Бога, во что я влипла?»

Ксавье, видимо, решил, что с вопросами покончено, потому что плавно поднялся на ноги.

— Еду вот-вот принесут. Вылезай. Потом снова примешь ванну, если не помогло, — предложил он и добавил: — Кстати...

Лиззи повернулась к нему, упорно смаргивая слезы. «Ни за что на свете не разревусь».

— Мне по-любому нравится твое лицо, — тихо заметил Ксавье. — Не расстраивайся. Оно нравилось мне тогда, нравится и сейчас. Главное, что ты — всё еще ты.

«Он никогда не признавался мне в любви».

Они лежали голые в постели, за задернутыми на ночь шторами, объединившись против целого мира. Спальню освещала прикроватная лампа, потому что оба не могли насмотреться друг на друга.

На этот раз любовные ласки были неторопливыми, но нестерпимо возбуждающими. Лиззи наслаждалась присутствием Ксавье, слишком долго она существовала без него. Всё казалось новым, другим и одновременно очень знакомым.

Ее голова лежала у него на плече, одной рукой Ксавье крепко обнимал Лиззи, другой рассеянно оглаживал по бокам, животу, спине, груди. Сколько раз они вот так лежали вместе?

У Лиззи от боли сжалось сердце. Да, он к ней равнодушен. Даже с огромными пробелами в памяти она точно знала, что любит его, сильное и ясное чувство не погасло, вопреки всему. Ксавье демонстрировал нежную заботу, заметную в каждом поцелуе, в каждом прикосновении, в каждом взгляде, в жестком контроле над ненасытным вожделением. Но заботиться — не значит любить... насколько сильно им руководит стремление защитить ее? А чувство вины? Что бы ни случилось в прошлом, тогда они были вместе, были единым целым, но именно она заплатила непомерную цену.

— Ты не обязан за меня отвечать, — пробормотала Лиззи, ужасно не хотелось осознавать, что всё произошедшее между ними — всего лишь способ ее утешить.

Ксавье напрягся, широкое плечо под головой окаменело. На несколько секунд воцарилась тишина.

— Ты и до того так говорила, — мрачно буркнул он, вытащил из-под нее руку и резко сел.

— До чего — того? — нахмурилась Лиззи, приподнялась на локте и натянула простыню на грудь, не из застенчивости, а потому что холодил воздух из кондиционера. — Говорила? Когда?

— До того, как позволить им уничтожить свою память, — отрывисто процедил Ксавье. — Я категорически возражал. Да, имелись некоторые проблемы... но ничего такого, с чем бы я со временем не справился. Меня отправили на какое-то скоростное задание, а к моменту моего возвращения всё было кончено, — мрачно заключил он, явно все еще злясь на те события.

— Минуточку, — удивленно посмотрела на него Лиззи, сев рядом. — Я позволила? Сама?

Абсолютно исключено. Неужели она сама разрешила кому-то уничтожить огромную часть своей личности? И неважно, что операция была искусно выполнена, что ранние воспоминания оставили нетронутыми, что она жила совершенно нормально до того рокового утра меньше недели назад. Боже мой, всего лишь неделю назад вся ее жизнь полностью перевернулась вверх дном.

— Так что мне осталось только принять меры для твоей безопасности.

Дерьмо, разговор потек в двух направлениях, надо поспеть за обоими.

— Какие меры? Безопасности от кого? И с какой стати я согласилась на промывку мозгов? Что, черт возьми, произошло?

Ксавье откинул покрывало, вылез из постели, голышом направился в гостиную и вернулся с бутылкой воды. Свернул крышку, сделал большой глоток, потом молча предложил Лиззи. Ты отпила и отдала бутылку обратно.

— Расскажи всё толком. Мне надоело бродить во мраке, расскажи всё, что бы ни случилось.

— Если насиловать память, возможно, нанесешь себе реальный вред. Согласна рискнуть?

— Не понимаю, каким образом. Повредить головной мозг можно только физически.

— Как насчет эмоционального ущерба? — взъярился Ксавье. — Понятия не имею, каковы могут быть последствия для твоей психики. Вдруг рассказ о тех событиях помешает когда-нибудь вспомнить по-настоящему?

Всё выглядело странно знакомым: Ксавье редко злился, но Лиззи всегда умела нажать на нужную кнопку. Ей это нравилось — не приводить его в ярость, а убеждаться, что она единственная из всех способна вывести его из себя.

— Позволь поинтересоваться. Что именно ты планируешь предпринять в нынешней ситуации?

Взгляд Ксавье немедленно стал непроницаемым, гнев исчез, лицо словно окаменело. Похоже, он уже всё для себя решил... и решение ему совсем не нравилось.

— Собираешься вернуться? — наредила Лиззи. — В Вашингтон или куда-то еще, чтобы позаботиться об этой маленькой проблеме — наших потенциальных убийцах?

— Да, — неохотно выдавил он, еле двигая губами, и жестко прищурился. — Нельзя бегать вечно. Пора поставить точку.

— А что со мной? Спрячешь где-нибудь, а потом забереешь, когда всё закончится?

— Точно, — кивнул Ксавье без намека на извинение.

— А если с тобой что-то случится? Я об этом никогда не узнаю? Ты не вернешься, а я стану легкой добычей, потому что рано или поздно мне придется искать работу и место жительства, и тогда они меня достанут.

— О тебе в любом случае позаботятся. У меня есть парни, в которых я уверен на все сто.

— И как я их узнаю? Ладно, хватит фантазировать, ничего не выйдет. Надеюсь, память вернется полностью, и если ты думаешь, что я позволю ускользнуть убившим тебя подонкам — ты просто полное дерьмо.

— Не лезь куда не просят, — отрезал Ксавье, затем посмотрел на Лиззи и понял, что та не отступит. — Проклятье! — взорвался он.

— Если введешь меня в курс дела, то дашь возможность принимать более взвешенные решения.

— Ад и все дьяволы, ты никогда не пускала события на самотек, да?

— Понятия не имею. Не помню, — легко пожала плечами Лиззи, прекрасно осознавая, как его бесит этот жест.

— Мы влипли в эту кутерьму именно потому, что тогда ты не сумела с собой справиться.

Ладно, теперь уже Лиззи взбесилась.

— Поясни.

С чем именно она не сумела справиться? Да, после того тошнотного утра ей пару раз было по-настоящему страшно, но ведь в целом она вела себя достойно, разве не так? Сбежала от убийц. Страхнула хвост. И если бы Ксавье не оказался такой умной задницей и

не нацепил на нее три жучка, оторвалась бы и от него тоже. Кстати, страх — просто ничто по сравнению с абсолютным ужасом, который затопил Лиззи, когда он ехал на своем «харлее» по полю прямо на нее. За этим мачо большой должок.

Ксавье вернулся в постель, засунул подушки под спину и мрачно продолжил:

— Ты поддалась эмоциям. Все пришли к выводу, что тебе нельзя доверять, так что осталось два варианта: стирание памяти или пуля в голову.

— Ничего себе выбор.

Лиззи не понравилось услышанное. Не понравилось, что когда-то она столь явно показала слабость. А ведь на ее памяти она успешно справилась с несколькими трудными ситуациями на работе, заодно сделав пару жестких выводов на будущее. Что же выбило ее из колеи и ввергло в эмоциональную неустойчивость, что превратило ее в угрозу для них, кем бы они ни были?

— Поэтому, когда я начала кое-что вспоминать...

— Стала угрозой для всех.

— Включая тебя?

— Включая меня.

Лиззи потрясло, что своими поступками она подвергла опасности Ксавье. Она никогда не считала себя слабачкой, даже последние три года, когда прозябала тусклой копией самой себя прежней. Что же случилось настолько немыслимое, что она сломалась под напряжением?

— Расскажи, — решительно потребовала Лиззи.

— Ладно.

Ксавье явно вознамерился действовать резко, как хирург скальпелем, хотя хмурое лицо выдавало крайнее недовольство.

— Ты действительно должна всё узнать. Но если впадешь в бешенство, я без разговоров накачаю тебя наркотиками и запру в тайном месте. Поняла?

С него станется. Лиззи ни на секунду не усомнилась в серьезности его обещания.

— Поняла.

Ксавье взял телефон с тумбочки, вставил батарейки, включил и ткнул в экран. Лиззи, сидя на кровати, увидела, что началась загрузка веб-страниц.

— Помни, что я сказал, — предупредил он и повернул к ней аппарат.

Лиззи изумленно нахмурилась, сразу узнав картинку — собственный снимок со старым лицом.

— Это я, какой была раньше. Зачем ты показываешь мою старую фотографию?

— Потому что это не ты. Это бывшая первая леди Натали Торндайк.

— Да ладно! — недоверчиво воскликнула Лиззи, взяла мобильник и уставилась на экран, пытаясь собрать головоломку.

В мозгу что-то щелкнуло, отвратительное предчувствие, что туда не стоит заглядывать. Боль ножом полоснула череп, Лиззи затаила дыхание и отбросила сотовый.

— Тебе плохо? — отрывисто спросил Ксавье, забирая мобильник.

— Голова болит, — прошептала Лиззи, стараясь дышать глубоко и сосредоточиться на чем-то другом: на Ксавье, на его стараниях ее защитить, на давних тренировках...

Жаль, но не сработало. Лиззи сжала ладонями виски и закрыла глаза.

— Извини. Подобное происходит каждый раз, когда память пытается проникнуть в запретную зону. Но не настолько мучительно как сначала.

К черту «Оскар Майер Винер». Теперь можно сконцентрироваться на кое-чем гораздо более приятном — вообразить голого Ксавье. В самых разных позах. Лиззи чуть не рассмеялась, и вдруг боль утихла. Она открыла глаза и улыбнулась. Ксавье смотрел очень внимательно, не пытался помочь, оценивая, насколько успешно она справилась с приступом. Лиззи протянула руку и обрадовалась, что Ксавье, не колеблясь, отдал ей телефон. Посмотрела еще раз, снова в мозгах что-то щелкнуло. Изучила фотографию и поняла, что это пожилая версия ее прежней. Первая леди прекрасно выглядела для своего возраста, благодаря то ли генетике, то ли искусству пластических хирургов. За исключением возраста и прически, первая леди была близнецом Лиззи.

Была.

Первая леди скончалась? Лиззи ничего не помнила о ее смерти, но почему-то думала о миссис Торндайк в прошедшем времени.

— Она мертва, да? — тревожно спросила Лиззи.

— Да.

— Когда она умерла?

— Четыре года назад.

Как раз посередине пропавших без вести двух лет. Не заглядывай туда, не заглядывай туда, не заглядывай туда.

Несмотря на настойчивое предупреждение рассудка, Лиззи сглотнула и отважилась спросить:

— Что с ней случилось?

— Я ее застрелил.

Лиззи оцепенела от шока. Молча таращилась на Ксавье, не в силах вымолвить ни слова. Он взял устройство из ее онемевших пальцев, выключил телефон и извлек батарейки. Лиззи сосредоточилась на его движениях, потому что это легче, чем переварить новость. Размышляла, что его сотовый, вероятно, защищен, как никакой другой, но Ксавье всё равно принял меры предосторожности и вытащил аккумуляторы. Выражение его лица стало чужим и холодным, как ландшафт Арктики, и пугало до ужаса.

— Имя Тирон Эберт ничего тебе не говорит? — нарушил Ксавье напряженную тишину.

Подумав с минуту, Лиззи медленно покачала головой.

Ксавье привлек ее к себе и крепко обнял, Лиззи прижалась щекой к надежному плечу.

— Под этим именем меня внедрили в Секретную службу.

У Лиззи кружилась голова от обилия информации, но она чувствовала, что это только верхушка айсберга. Поэтому ухватилась за детали.

— Значит, тебя зовут не Ксавье? — хмуро спросила она.

— Ксавье. Тирон Эберт — тщательно выстроенный псевдоним, способный выдержать самую глубокую проверку персональных данных.

Псевдоним, очевидно, настолько надежный, что даже такие серьезные организации как ЦРУ, ФБР, АНБ не смогли докопаться до сути и выйти на собственного сотрудника. Большинство спецслужб обзаводятся теневыми отделами, о существовании которых не подозревают коллеги из других подразделений.

— Ты служил в Секретной службе, — пробормотала Лиззи, нащупывая путь через лабиринт.

— Временно. Меня приставили к миссис Торндайк.

— Но... зачем?

Зачем он взял псевдоним? Зачем его внедрили в Секретную службу? Не обязательно выяснять в подробностях все «зачем», Ксавье расскажет главное.

— Операции присвоили черный код.

— Что это значит?

— Черный код присваивают, когда президент совершает измену.

Президент... Президент Торндайк. Как Лиззи ни напрягалась, внешность Торндайка так и не всплыла в мозгах. Кто стал его преемником? После него пришел... Обязанности президента временно возложили на Берри после...

Лиззи глубоко вздохнула, преодолевая боль в голове, отталкивая ее прочь. Сейчас не время страдать.

— Измена...

— Мы вели расследование.

— Кто «мы»?

— Ну... не ФБР. Расследование необыкновенной важности, а ФБР опутано множеством законов, правил и прочим дерьмом.

Лиззи открыла было рот, чтобы заявить: предотвращение внутренних опасностей — это и есть обязанность ФБР, но прикусила язык. Ксавье прав — Бюро действительно связано по рукам и ногам. Вот почему таким людям, как он, поручают всю грязную работу, а потом, когда все кончено, «договариваются» с ФБР и прочими, преподнеся им доказательства практически на блюдечке. Руки публичных спецслужб должны остаться чистыми, они ни в коем случае не должны нарушать законы, добывая вышеупомянутые доказательства, чтобы вещдоки было невозможно отвести в суде. Некоторые вещи слишком важны, чтобы позволить судебским отвергнуть улики по техническим причинам.

— А я-то тут при чем? Последнее, что я помню — должность в чикагской охранной фирме. Помню, как тренировалась с тобой... еще кое-что... но никаких чрезвычайных расследований, ничего похожего. Даже как мы познакомились не помню.

— «Кое-что» включает тот факт, что мы запали друг на друга с первого взгляда?

— Правда? Так быстро?

— Чертовски быстро.

Ну, в глубине души Лиззи это знала и даже подозревала, что стала для Ксавье легкой добычей, впрочем, это ничуть ее не смущало — влечение наверняка было взаимным. Они яростно набрасывались друг на друга и тогда, и сейчас. Она всегда была способна толкнуть его на край, на что не осмеливался никто другой... и получала от этого запредельное удовольствие.

— Вернемся к истории, — прокашлялась Лиззи.

— Ладно, история началась с того момента, когда мы в ходе расследования в отношении Торндайка пришли к твоему шефу за некоторой технической помощью. Он обратил наше внимание на тебя. За исключением шевелюры и возраста, ты являла собой точную копию первой леди. Помнишь что-нибудь о ней?

— Нет, — покачала головой Лиззи. — До избрания Торндайка о ней никто ничего не знал. Может, позже кто-то что-то и рассказывал... Просто не помню.

— Тебя изучили и привезли к нам на обучение. По плану, с помощью некоторых старших агентов Секретной службы тебя должны были доставить в личные покои президента, чтобы никто не заподозрил подмены.

— Ради Бога, уж конечно Торндайк не настолько глуп, чтобы держать прямо в Белом

доме компрометирующие материалы! Вокруг персонал, obsлуга, помощники — ничего не скроешь.

— Не совсем так. Всегда остаются следы, если знать, где искать. И мы не собирались внедрять тебя в Белый дом, президент постоянно участвовал во всяких публичных мероприятиях — празднованиях, приемах и прочих разных, — где первая леди выступала в качестве посредника между мужем и китайцами.

Китайцы... что-то ворочалось в голове, но настолько расплывчато, настолько глубоко в подсознании, что хвостик не удавалось ухватить.

— Короче говоря, решили забросить тебя на поиски сведений о выплатах во время визита президента в Сан-Франциско. Торндайк сколотил огромное состояние, продавая страну китайцам. Следовало отыскать денежный след, и мы были почти уверены, что именно первая леди проводит транзакции. С такой семьей за спиной она знала практически всё о тонкостях международных банковских операций.

— И она держала эту информацию при себе?

— На встречах связной мог незаметно передать ей флешку во время рукопожатия. Но там содержались сведения только о последнем взносе всего на один депозит. Супруги ведь не держали все яйца в единственной корзине, чтобы минимизировать риск попасться с рыльцем в пушку и всё потерять. Натали наверняка планировала выгрузить информацию куда-то еще, удалить данные из своего ноутбука и уничтожить флешку.

— Стало быть, мне поручили добраться до очередной флешки, скопировать информацию и уйти.

— Если бы кто-то тебя и увидел, даже сам президент, то ничего не заподозрил бы. Тебя одели точно так же, как первую леди в тот день, осветлили и подстригли волосы.

Лиззи глубоко вздохнула и закрыла глаза, наслаждаясь комфортом большого тела рядом и ощущением горячей кожи под пальцами.

— Но что-то пошло не так.

— Вечный бардак. Даже если распланируешь каждый шаг, всегда есть шанс, что операция провалится.

— Это я всё запоролa? — тяжело сглотнула Лиззи.

— Нет. Мы устроили так, что первая леди покинула люкс — отлучилась по делам — незаметно для других агентов, потому что начальники охраны каждого из первой пары сотрудничали с нами. Затем ввели тебя в апартаменты. Президент находился в своих покоях, он даже не знал, что первая леди уехала. Ты вошла в спальню, пустила воду, якобы решив принять ванну, выудила из сумочки первой леди флешку и начала копировать.

— И что случилось? — повернувшись в сильных руках, взглянула на Ксавье Лиззи.

— Нас выдал агент из ее охраны, оказалось, он работал не только на нас, но и на китайцев. Предатель запаниковал, рассказал о тебе Натали Торндайк, та вернулась в люкс и застала тебя на месте преступления. Агент к тому же отдал ей свое оружие.

Лиззи притихла, отчаянно стараясь отыскать в мозгу части головоломки, но обнаружила лишь пустоту. Живот свело от ужаса, внезапно захотелось заткнуть уши пальцами, чтобы не слышать продолжения, но тот давний эпизод способен объяснить, почему с ней всё это происходит сейчас, и почему стерты два года жизни. Даже если она действительно никогда ничего не вспомнит, надо узнать причины.

— Президент и первая леди вместе вошли в ее покои, — спокойно и как-то отчужденно излагал Ксавье. — У нее был пистолет, но она не подозревала, с кем имеет дело. Позже ты

доложила, что прыгнула на миссис Торндайк, завязалась борьба за оружие, ты случайно нажала на спусковой крючок и Торндайк был убит.

Ясно, что Ксавье рассказал далеко не всё, опустил подробности и детали, что не преуменьшало кошмарную истину: это она убила президента Соединенных Штатов.

Лиззи замерла в надежных объятьях, чувствуя ужас и ошеломенение одновременно. Позже она проанализирует услышанное, раскопает всякие частности... но сейчас надо как-то справиться с неоспоримым фактом: она убила — пусть и в порядке самообороны — не просто человека, но самого важного человека в мире. Этот поступок абсолютно противоречил всем ее убеждениям, как гражданки своей страны, неважно, что натворил Торндайк, жизнь президента США неприкосновенна.

Даже если она защищала свою жизнь — это куцее и жалкое оправдание. «Я ведь ничего не помню, как всё было на самом деле. Может, просто запаниковала. Может, солгала, что затеяла драку с первой леди за пистолет». Неизвестно. Ксавье — все они — знают о произошедшем только с ее слов.

— Что было дальше? Как ты вытащил меня оттуда?

— Ты вырубил миссис Торндайк, ударив головой о стену, вложила пистолет в ее руку и спряталась в гардеробной. Двое телохранителей ворвались в помещение, первая леди только очнулась и, вероятно, решила, что они пришли ее арестовать, — всего лишь предположение, потому что никто не знает наверняка, — открыла огонь по двум сотрудникам Секретной службы и убила очень хорошего агента по имени Лорел Роуз. Потом я выстрелил в первую леди.

— Как ты вывел меня из гардеробной, а потом из люкса?

— За двенадцать минут мы всё взяли под контроль: доступ в апартаменты, оружие, место преступления, всё. Старший охранник первой леди выбыл из строя. Я принял командование на себя. Мы планировали эвакуировать тебя из отеля замаскированной, так что, слава Богу, были готовы. Тебя переодели, нацепили парик и очки и вывели через смежную комнату. Потом изобразили сцену, будто первая леди расстреляла президента, получив доказательства, что он спал с ее сестрой — истинная правда, кстати.

«Значит, замаскировали и вывели наружу». Лиззи обдумала всё услышанное и пришла к выводу, что на нее возлагали гораздо большую ответственность, чем замыслилось изначально, что она была действующим членом команды.

— Ты не успела закончить копирование, но захватила с собой оригинал. Неопровержимые доказательства против президента. Он продавал не только важнейшие технологии, но и военные тайны тоже. Проанализировав и обсудив ситуацию, мы решили оставить всё как есть. Неверный муж лучше, чем предатель.

«О, Боже, как же больно. Внутренности словно раздирает на части. Мало того, что я влипла в этот кошмар, так еще потащила за собой Ксавье и всю остальную команду».

— Ты давал присягу...

— Да, присягу на верность Конституции, присягу защищать страну от врагов, как внутренних, так и внешних. В данном случае противник был внутренним.

Их собственный президент.

— А я стала слабым звеном.

«Теперь понятно, почему мне стерли память и перекроили лицо. Чтобы люди при взгляде на меня не вспоминали Натали Торндайк, а заодно и ту неприглядную историю».

— Как и остальные члены команды. Все без исключения. Но ты буквально рассыпалась

на части, никак не могла пережить...

— Правда? — парировала Лиззи, затем покачала головой на злость в своем голосе. — Извини. Я невероятно всё усложнила, да?

— Лично я не сомневался, что ты справишься. Да, ты была в шоке — как и все мы, кстати, — но ты всегда держалась крепким орешком, просто тебе требовалось чуть больше времени, чтобы переосмыслить факты. Но остальные испугались, что победит твое чувство долга и в результате мы все предстанем перед расстрельной командой.

— Так что... мне решили промыть мозги.

— Да.

— А как насчет агента, который работал на китайцев и передал свой пистолет миссис Торндайк? Вот уж действительно хвостик увяз — всем птичкам каюк.

— Он был вторым, которому промыли мозги.

— Он еще жив?

— А ты как думаешь? — ледяным отчужденным тоном спросил Ксавье.

Фелис беспокойно бродила по дому, держась подальше от окон, хотя все шторы были плотно задернуты. Казалось, будто темнота давит на стекла, скрывая живых призраков, невидимо скользящих во мраке. Не хотелось стать мишенью, позволив углядеть, пусть даже мимолетно, силуэт на фоне занавесей.

По словам исполнителя, вызванный им специалист уже где-то там наблюдает за окрестностями. Но независимо от квалификации, он ведь всего один, стало быть, не в состоянии видеть дом со всех четырех сторон одновременно. Связник назвал имя — Эван Кларк, на тот случай, если по каким-то причинам ей придется контактировать непосредственно с ним, но Фелис не могла себе представить, с какой стати может встретиться с наемником лицом к лицу. Имя фальшивое, разумеется, но ни при каких обстоятельствах Макгоуэн не желала знать настоящее.

События пятилетней давности покатались как снежный ком с горы, неудержимо и неодолимо, словно лавина. Фелис терзали скверные предчувствия. К подобному повороту они не готовились, никто не ожидал, что члены команды окажутся вынуждены устранять друг друга ради сохранения тайны. Но в случае огласки разразится национальная катастрофа. Пусть лучше останется единственный носитель взрывоопасной информации.

Ксавье и Лиззи должны умереть. Дэнкинс, Хейес, Эл Фордж — все должны умереть. Если в живых должен остаться кто-то один — то это она сама. Потому что у нее есть дочь. У Дэнкинса и Хейса тоже имелись семьи, но ей-то что до этого? Фелис волновала исключительно собственная девочка. Разве не на заботе о своих потомках держится человеческая раса?

Когда-то все они были очень близки, объединены в единое целое важностью миссии. Никогда ни одну команду Фелис не ценила так высоко. Дураков среди них не водилось, но даже в нынешних обстоятельствах никто кроме нее не осознал, какую непомерную цену им придется заплатить при окончательном расчете. Как всё дошло до такого?

Выживают самые приспособленные. Вот что они не приняли во внимание — основной инстинкт, первоочередную потребность во что бы то ни стало защитить себя и своих близких.

Оглядываясь назад, Фелис понимала, что должна была покончить со всеми сразу после завершения миссии, когда никто ничего подобного не ожидал. С другой стороны, множество трупов привлекло бы чрезмерное внимание... и вот во что теперь вылилось давнее половинчатое решение. Она вынуждена зачистить всех оставшихся, причем заняться этим лично, иначе все пропало.

Ксавье — первая и главная цель. Он был самым опасным еще до покушения на его жизнь. Фордж тоже не подарок, но хотя бы неохотно согласился, что устранить Ксавье — насущная задача, так что Фелис купила себе некоторое время. Сейчас главное — действовать, пока Эл не привлек своих людей.

Специалист обязан уничтожить Ксавье. Тут ей не справиться, надо быть сумасшедшей, чтобы даже рассматривать подобную идею. Эл абсолютно прав: Ксавье непременно явится по ее душу, и лучшее место для нападения — ее собственный дом. На работе она в полной безопасности, да и по дороге в офис и обратно ее тоже нелегко подстеречь. Разумеется, можно где-то спрятаться, но нельзя же скрываться всю жизнь, и Ксавье это прекрасно

понимает. Возможно, он понадеется, что самоуверенность закроет ей глаза на уязвимые места, внушив иллюзию, будто всё предусмотрено.

Фелис действительно обладала немалым самомнением, но только не при исполнении служебных обязанностей. Когда речь шла о работе, ее девиз был прост: сделай это. Независимо ни от чего. Именно в этой части бывшие соратники ее недооценивали, но ведь она сознательно выстроила образ упрямой честолубивой и недалекой стервы. Победа дастся легче, если противник не в курсе твоих способностей.

Насколько Фелис знала, Ксавье не заставит себя долго ждать. Ударит быстро и жестко. Макгоуэн ожидала атаки с минуты на минуту... Что его задерживает? Неужели он пытается найти Лиззи? Когда Объект В бросила свою машину на стоянке ресторана, они потеряли возможность за ней следить. Но это не означает, что и Ксавье сбился со следа. Коварный ублюдок наверняка посадил собственные жучки. Нет способа узнать точно, но Фелис всегда верила внутреннему голосу, который подсказывал, что она мыслит верно.

Если Ксавье разыскал Лиззи, то непременно спрячет ее в безопасном месте, что усложнит поиски ее местонахождения, но после его смерти она всплывет на поверхность рано или поздно. А каждый час задержки Ксавье давал дополнительную возможность наслоить груды вранья, состряпать кучу ложных донесений и документов, доказывающих, будто суперагент стал неадекватным и все глубже погружается в безумие.

Пусть все его ловушки взорвутся... он всего лишь выставит себя очередным свихнувшимся на теории заговора. Доказательства гибели президента и первой леди были бронебойными, вплоть до ДНК. Невзирая на вновь открывшиеся обстоятельства, версия удержится.

Вполне вероятно. Наиболее тревожным фактором для Фелис было ограничение по времени. Ситуация не должна висеть в воздухе слишком долго.

Разумеется, Эшли рассвирепела, когда ее увезли из колледжа. Ей так понравилось расправлять крылья, а теперь их внезапно подрезали. Она была истинной дочерью своей матери, с энтузиазмом осваивала любое дело. Фелис наскоро придумала небылицу: АНБ подслушало некие намеки на возможное нападение террористов на колледж, где училась Эшли, вот почему мать решила спрятать ее на несколько дней. Впрочем, дочь вряд ли купится на подобные рассказы.

Фелис не возражала поспорить с Эшли, но не хотела оттолкнуть ее навсегда. Излишняя жесткость, несомненно, очень обидит девочку. Да, придется принять крайние меры для защиты своего ребенка, но действовать надо максимально мягко.

Замурлыкал сотовый, мелодией, которую Фелис выбрала для дочери. Оставалось надеяться, что охранники не позволяют Эшли звонить кому попало.

— Привет, солнышко. Нет, пока ничего не разрешилось, — нарочито устало ответила Фелис.

— Мама, это смешно.

— Твоя безопасность — это совсем не смешно.

— Тогда почему не эвакуировали весь колледж?

— Потому что, если угроза реальна, то эвакуация спугнет преступников, и мы их не поймем.

— Стало быть, пусть остальные погибнут?

— Конечно, нет. Агенты работают круглосуточно, дабы предотвратить нападение, и могу добавить, что рискуют собственной жизнью.

— Только если существует реальная угроза, о чем точно не известно.

— Пока не известно.

Спорить с Эшли — все равно что забивать гвоздь в желе. «Мою девочку вокруг пальца не обведешь».

— Так ты собираешься увозить меня неизвестно куда всякий раз, едва тебе почудится некая угроза?

— Я когда-нибудь срывала тебя с места? — рявкнула Фелис.

Пауза, потом неохотное:

— До сих пор нет.

— Тогда окажи мне чуть-чуть доверия. Лично я считаю вполне вероятным, что после анализа полученных сведений выяснится, что это пустышка, но пока не удостоверюсь до конца, не хочу рисковать твоей жизнью. Поймешь, когда сама станешь матерью.

Эшли сердито выдохнула, явно изготавившись спорить дальше, но Фелис бодро скомандовала:

— Полагаю, мистер Джонсон где-то рядом. Пожалуйста, передай ему трубку.

Джонсона приставили для охраны Эшли. Макгоуэн не знала, настоящее ли это имя, да и какое это имеет значение? Кстати, как и то, хороший он человек или нет. Главное, чтобы сберег дочь.

— Джонсон, — спокойно откликнулся мужчина.

— Пока ситуация не разрешится, не давайте Эшли мобильник.

— Да, мэм. Ей это не понравится, но вы босс.

На заднем плане Фелис расслышала требовательный вопрос дочери: «Что она сказала?»

— Можете передать ей мой приказ. Полная изоляция от внешнего мира.

Фелис закончила разговор, улыбаясь на силу духа Эшли, хотя стойкость пропадала попусту. Придется дорого заплатить, но безопасность дочери того стоила.

Завтра... «Завтра позабочусь о Фордже».

Лиззи крепко спала. Удивительно, что удалось заснуть, ведь, как и предупреждал Ксавье, кошмарная правда стала для нее ударом. Амнезия не смягчила убойного эффекта, Лиззи поверила ему сразу и безоговорочно. Отсутствие воспоминаний всё только ухудшило, потому что подоплека событий в голове позволила бы отфильтровать полученные сведения. А так неизвестно, о чем она тогда думала, что чувствовала, чем занимались другие агенты до и после инцидента, что она сама говорила и делала. Ксавье сообщил только голые факты, и история выглядела отвратительно.

Ксавье рассказал бы больше, если бы она попросила, но пока Лиззи решила переварить уже услышанное.

— Я в норме, — уверенно заявила она. — Просто дай мне немного времени, ладно?

Ксавье одарил ее острым взглядом, она не дрогнула, поэтому он коротко кивнул, выключил лампу и распростерся рядом на постели. Лиззи повернулась на бок спиной к нему — не отвернулась, просто в такой позе чувствовала себя комфортно. Ксавье обнял тяжелой рукой и притянул ближе к себе, уютно устроив в колыбели мускулистого тела. Лиззи сжала пальцами его ладонь. И знакомая поза, и тепло его кожи в сочетании с чисто физической усталостью, привели к тому, что она мгновенно заснула, вместо того чтобы бесконечно размышлять о делах минувших, о том, что невозможно изменить.

Лиззи проснулась перед рассветом, большая ладонь скользила по груди, гладила и дразнила соски. Ужасные события тут же придавили невыносимой тяжестью. «Я не имею права наслаждаться, — мелькнула туманная мысль. — Не имею права смеяться и радоваться». Но удовольствие уже расцветало в глубине живота, вырывая из забытья в реальность, дыхание участилось, тело беспокойно заерзало. Это тоже было очень-очень знакомо, не только ощущения, но и время суток. Сколько раз именно таким способом Ксавье будил ее по утрам?

Наверное, он почувствовал ее смятение, вот и решил поднять настроение проверенным методом. Пусть ее оставили в живых, но он хотел, чтобы она снова жила полной жизнью, чтобы снова обрела присущую ей раньше неумную энергию. Сейчас между ними всё происходило одновременно привычно и необычно. Здравомыслие встрепенулось, потом сдалось под натиском любви.

Невозможно устоять перед ним, как невозможно остановить биение сердца.

Сильная рука покинула грудь и приласкала бока, бедра, живот. Прикосновения ужесточились, Ксавье нащупал потайное местечко, прикусил кожу между шеей и плечом, двумя пальцами глубоко проник во влажное тепло и мозолистой ладонью резко надавил на клитор.

Лиззи вздрогнула и завибрировала под тройным натиском, всё тело словно атаковало множество крошечных молний. Задушенный вскрик едва не сорвался с губ, и она уткнулась лицом в подушку, стараясь сдержаться. Ксавье чертовски умелый любовник, и если дать себе волю, всё закончится слишком быстро. Он прикусывал и облизывал, снова прикусывал и снова облизывал, не переставая теревить пальцами, навалился всем весом, все настойчивее лаская и лаская прохладную кожу.

Лиззи тонула в наслаждении, но когда он вытащил пальцы и ворвался внутрь отвердевшей плотью, снова содрогнулась всем телом.

Жар, наполненность, гибкие движения, мощные толчки. Ксавье прижал к себе еще теснее, Лиззи вбирала его целиком, стискивая изо всех сил, и очень скоро растворилась в восхитительном, сводящем с ума, быстро усиливающимся напряжении, во всё туже и туже закручивающейся внутри спирали, пока не сорвалась и не воспарила в небеса.

Судороги безумного наслаждения еще не затихли, а хотелось ещё. Ксавье толкался всё жестче и жестче, всё глубже и глубже, пока не издал короткий протяжный стон и тоже не утонул в оргазме. До чего же хорошо, что их занятия любовью всегда приносили обоим невероятное удовольствие.

Потные, тяжело дыша, оба тяжело привалились друг к другу.

— Проснулась? — пророкотал Ксавье, откинув волосы с ее лица.

— Нет, сплю как младенец, — хихикнула Лиззи в темноте.

— Мне пора.

Эта неизбежность висела над ними постоянно, всё то время, что они провели вместе, совсем недолго, всего-то около двенадцати часов... драгоценных часов, когда Лиззи по кусочкам восстанавливала свою истинную личность. Но невозможно прятаться всю жизнь, и Ксавье не из тех, кто поворачивается спиной к проблеме. Странно, что самые четкие воспоминания и самые сильные инстинкты вращались вокруг него, а может, как раз не странно, учитывая, через что они вместе прошли и насколько прикипели друг к другу в прошлом.

— Да, — кивнула Лиззи. — Нам пора.

— Нам? — хмуро переспросил Ксавье.

Лиззи не собиралась отступать и постаралась привести очередные весомые аргументы.

— Да, нам. Если ты меня бросишь, я всё равно последую за тобой. Если запрешь в доме и заколотишь окна — устрою пожар. Не сомневайся. И не говори, что твои люди обо мне позаботятся, потому что на меня это не подействует. Мы поедем вместе.

— Ты станешь помехой. Не в форме, не практиковалась...

— Эй!

— Давно не тренировалась, — уточнил Ксавье, поглаживая ее грудь и бедра. — Твои инстинкты, судя по всему, не притупились, но как давно ты в последний раз стреляла из пистолета?

— По моим подсчетам? Четыре года назад.

Когда убила президента.

— Требуется постоянная практика и тренировки. Повезет, если ты в сарай попадешь.

Преувеличение конечно, но в его мире что не в яблочко, то — в молоко.

— Кроме того, — продолжал Ксавье, — ты не помнишь, как выглядят Фелис и Эл. Каждый из них может подобраться вплотную, а ты ничего не заподозришь, пока не станет слишком поздно.

Фелис? Эл? Имена ничего не говорили и всё же что-то напомнили... Люди из потерянных лет...

— Они за тех, кто пытается нас убить?

— Фелис — несомненно, Эл — возможно. Во всем этом безобразии чувствуется почерк Фелис.

— Откуда ты знаешь?

— Она привлекла посторонних. Эл поручил бы операцию своим парням, в таком случае мы оба, вероятно, были бы уже мертвы.

— Эл... на кого похожи его люди?

— На меня.

— О...

Из ниоткуда выплыл образ худощавого жилистого человека с короткими седеющими волосами.

— Этому Элу лет пятьдесят, седые волосы?

— Да, — напрягся за ее спиной Ксавье. — Ты его видела?

— Вспомнила.

— Значит, в курсе, что он не из тех, кого легко обвести вокруг пальца.

— Думаешь, он участвует во всем этом?

— О, да, наверняка участвует. Главный вопрос, какова его позиция: он помогает Фелис, пытается ее остановить или просто сидит на обочине, выжидая момента вмешаться и зачистить хвосты.

— А что говорит твое чутье?

— Велит не отвергать ни одного варианта.

Лиззи повернулась в сильных руках, обняла Ксавье за шею и прижалась щекой к горячему плечу.

— У тебя есть их фотографии?

— В моей квартире. Но пока туда нельзя вернуться. Возможно, мои парни перешлют какие-нибудь кадры, снятые во время слежки за ними.

— Чисто из любопытства: сколько у тебя бойцов?

— Достаточно, чтобы прикрыть мне спину при необходимости.

Выспрашивать подробности бесполезно.

— Кое с кем из них ты встречалась, — хмыкнул Ксавье, ущипнув Лиззи за попу.

— Правда?

Лиззи сразу же подумала о Мэгги Роджерс и о своих подозрениях, навеянных чрезмерным любопытством соседки в тот день, когда впервые начались воспоминания.

— Парень у барбекю-ресторана, которого ты вырубил и угнала его машину.

— О, нет, — виновато ахнула Лиззи. — Он был на нашей стороне, а я его ударила!

— Он предпочитает помалкивать об инциденте. Другие ребята дразнились без остановки — подзащитная его ограбила! Но когда ты испортила мой «харлей», ему сильно полегчало.

Но в случае с мотоциклом Лиззи несколько не чувствовала себя виноватой. Ксавье настолько ее напугал, что заслужил кое-чего похуже, о чем она прямо и заявила, заработав несколько шипков и поглаживаний.

Лиззи поцеловала любовника в грудь, наслаждаясь его близостью, особенно драгоценной после долгих безрадостных лет разлуки. Пусть выстраивает убедительные разумные доводы, лишь бы не брать ее с собой, резоны не сработают ни под каким видом. Лиззи не собиралась отпускать его одного. Чем скорее Ксавье осознает бесперспективность своих приказов, тем быстрее они смогут вернуться в Вашингтон и позаботиться о проблеме.

— Первое, что надо сделать — купить пассажирское сиденье на «харлей» либо арендовать автомобиль. Чересчур далеко до Вашингтона, чтобы трястись позади тебя.

— Ты никуда не поедешь.

— Поеду, — отрезала Лиззи. — Я люблю тебя, поэтому поеду.

Может, она раньше не признавалась ему в любви. Может, он просто обалдел. Но

замолчал и больше не приводил аргументов против. Хотя сомнительно, чтобы повлиял один из этих факторов, это же Ксавье — его решения никогда не опирались на эмоции.

Лиззи надеялась, что они арендуют автомобиль, но Ксавье остановил выбор на «харлее». Мало того, что мотоцикл гораздо маневреннее и быстрее, так еще и шлемы идеально скрывают лица. Они нашли магазин, где приобрели небольшое пассажирское сиденье со спинкой, потом Ксавье купил ей шлем, почти такой же как свой, и они превратились в типичную байкерскую парочку, которой нравится одинаковый прикид. Замечательно, что шлемы были оснащены гарнитурой, позволяющей разговаривать.

Ксавье ненадолго исчез, оставив Лиззи нервно сплетать пальцы посреди торгового зала и гадать, уж не бросил ли он ее в конце концов. Но он скоро вернулся в новой хлопковой рубашке на кнопках, накинутой поверх футболки. Лиззи вопросительно подняла брови, но ответа не получила, поэтому продолжила листать старый журнал для охотников. Очень хотелось поскорее отправиться в путь, чтобы приступить к заключительной активной фазе игры, хотя и раньше ей неоднократно приходилось терпеть бесконечные ожидания, прежде чем начать действовать.

К полудню оба были готовы к возвращению в Вашингтон. Ксавье оседлал мотоцикл, Лиззи примостилась на комфортабельном пассажирском сиденье, и они направились на северо-восток. Не доезжая до федеральной трассы — мили проносились гораздо быстрее, чем когда она крутила педали по холмистой извилистой дороге днем раньше, — он свернул к заброшенной станции техобслуживания, вытащил из-за спины черный автоматический пистолет и протянул Лиззи:

— Бери. Пригодится.

Та осторожно взяла оружие, и едва ладонь ощутила рукоятку, мгновенно всплыла тактильная память, не только вес и форма, но и отдача после выстрела, звук, запах пороха и оружейной смазки. «Зиг-Зауер» — компактное неплохое оружие, Лиззи использовала его и раньше, хотя это и не самая любимая модель.

— Спасибо, — кивнула она, проверила обойму и вставила обратно — автоматически, не задумываясь.

На ней не было рубашки или пиджака, чтобы скрыть ствол, засунув за пояс, поэтому пришлось положить на самый верх рюкзака.

— Готова? — раздался голос Ксавье во встроенных в шлем наушниках.

— Да.

Пусть она и не подготовлена, но готова. Разница, конечно, есть, но остается надеяться, что он удовольствуется ее готовностью.

— Еще одно, — бросил Ксавье через плечо. Лиззи замерла. — Не помню, говорил ли тебе раньше, — задумчиво произнес он, повернув голову в черный шлем. — Но я тоже тебя люблю, и именно поэтому ты здесь. Никогда больше никуда тебя не отпущу.

* * *

Они остановились заправить «харлей», Ксавье остался у бензоколонки, Лиззи пошла внутрь, чтобы заплатить и заодно воспользоваться туалетом. Насос загудел, наполняя бак.

Ситуация пока не ясна, Ксавье принялся размышлять, действительно ли Эл и Фелис спелись или Макгоуэн действует в одиночку. Он давно работал с Форджем и безмерно того

уважал, но при необходимости устранил его без колебаний. Надо придумать хороший план, чтобы при любом раскладе не дать застать себя врасплох.

Никто не позвонил с докладом на сотовый, впрочем, не удивительно, даже если спутниковая связь относительно безопасна, благодаря шифрованию и прочим уловкам. Если кому-то из его парней понадобится с ним связаться, они оставят сообщение на домашнем телефоне защищенной квартиры Д.П.

Старая добрая Д.П... беспорочно отслужила последние несколько лет. Накануне Ксавье проверял записи на автоответчике — ничего обнадеживающего, но и ничего тревожного. Ситуация в Вашингтоне не стояла на месте, пока он преследовал Лиззи. Что-то происходит, но, видимо, его парни пока врагов не обнаружили.

Ксавье достал мобильник, набрал номер и ввел код доступа к автоответчику. Механический голос сообщил, что поступило одно новое сообщение.

Ксавье слегка напрягся, как волк, почуявший запах добычи, когда услышал голос Эла: «В доме нашей общей подружки тебя подкарауливает специалист. Она ждет тебя в гости».

Ксавье удалил послание, затем отключил насос.

В переводе на человеческий всё просто: Фелис наняла убийцу, который сидит в засаде у ее дома, потому что она не сомневается, что Ксавье за ней придет. Вполне предсказуемо. Ничего другого Ксавье и не ожидал, однако знать наверняка — большое преимущество.

Самое сложное — понять, не нарочно ли хитромудрый Эл пытается уверить, будто играет на его стороне, а не заодно с Фелис. Пожертвовать наемным специалистом — сущий пустяк. Фордж сдаст постороннего парня без всяких колебаний, если подстава купит лишнюю секунду, минуту нерешительности или отвлечет внимание, тем самым дав возможность разобраться с Ксавье.

Интересная предстоит ночь.

Если бы Лиззи отправилась обратно в Вашингтон сама по себе, то наверняка умирала бы от страха, но присутствие Ксавье меняло всё. Сегодня Лиззи отличалась от той женщины, которой была на прошлой неделе, черт, да ещё накануне. Теперь она многое о себе узнала, и хотя прежний ужас порой ощущался, но значительно поутих по мере сближения прежней Лизетт и нынешней Лиззи. Прошло всего лишь шесть с половиной дней с тех пор, как она проснулась и увидела незнакомку в зеркале, но за это время она превратилась из беглянки в сорвиголову, смело мчащуюся навстречу опасности.

Самое главное, что Ксавье рядом и, если он прав, гонка благополучно завершится для них обоих.

Он рассказал о полученном сообщении еще на автозаправке, но никак не прокомментировал, хотя явно заволновался. Нет, заволновался — не то слово. Скорее, озадачился. Уже знакомо решительно сжал губы и сверкнул мрачным взглядом. Собрался на войну и планирует атаку. Намерен покончить с опасностью для них обоих, ведь побег не вариант, если только нет намерения бегать вечно.

Шлемы обеспечили идеальную маскировку. Лиззи чувствовала себя совершенно свободной, с ревом мчалась по федеральной трассе в Вашингтон. Для толп полицейских и многочисленных камер, а так же для преследователей они с Ксавье практически невидимы. Прекрасное ощущение, вот бы длилось вечно!

Сумерки превратились в ночной мрак, когда Ксавье загнал «харлей» в гараж. Бетонный, сквозь трещины в полу пробиваются сорняки. Не лучшая часть города, но ведь это что-то типа мастерской, где механики ремонтировали разные железяки.

Старые грузовики и легковушки занимали несколько парковочных мест. Ксавье поставил «харлей» на подножки возле двери в небольшой офис. Оба потянулись, выгибая спину, чтобы расслабить мышцы после долгой поездки, но оставаясь в шлемах. Никто не вышел их поприветствовать, хотя Лиззи заметила несколько камер на стоянке и одну над входом. Ксавье снял шлем и повесил на руль. Лиззи нервно указала на камеру.

— Все в порядке, — успокоил он. — Замкнутая система... только для своих.

Для своих? Тогда понятно. Она тоже освободилась от шлема, повесила его на руль и потрянула волосами.

— Именно здесь ты и останешься, — заявил Ксавье.

— Что?! — почти взвизгнула Лиззи.

Черт возьми, она ведь предчувствовала, что он выкинет подобный фортель. Однако пусть не ждет, что она сдастся без боя.

— Надо провернуть одно дельце, а я смогу действовать свободно, только зная, что ты в безопасности.

«Я была права насчет войны».

— Неважно, что это за дельце, тебе нужно прикрытие.

— Не в этот раз.

Ксавье взял ее за руку и провел через боковую дверь в помещение без окон, где пахло маслом и бензином.

Там находились трое мужчин. Один в заляпанном жирными пятнами комбинезоне с именем «Рик», вышитом на кармане, второй — средних лет, с короткой как у морпеха

стрижкой стоял за невысокой стойкой в задней части помещения и разбирал и чистил автомат. Третий — тот бедняга, на которого она напала два дня назад.

— Ох, извините меня, пожалуйста, — обратилась к нему Лиззи.

Двое других засмеялись, впрочем, коротко и добродушно. Пострадавший от разбойного нападения приложил руку к горлу и сварливо проворчал:

— Хорошо хоть машину получил обратно.

На одной из стен висели мониторы, четыре картинки показывали вид снаружи гаража, одна — внутри; их прибытие не стало неожиданностью.

— Может, оставить меня здесь не такая уж хорошая идея, — взглянула на Ксавье Лиззи.

Мало того, что парни незнакомые, так еще один из них имеет все основания на нее злиться. По мнению Лиззи, отсутствие доверия к этой компании с ее стороны вполне оправданно.

— Это только идея.

Ксавье повел ее мимо трех мужчин, которые продолжали заниматься своим делом как ни в чем ни бывало, в другой кабинет в задней части гаража. Огромные стеклянные окна выходили на рабочую зону, так что о приватности и речи не шло, зато имелись кофемашина, пара вращающихся стульев, стол и компьютер.

— Когда уезжаешь? — поинтересовалась Лиззи, прислонившись к столу и скрестив руки на груди.

— Через пару часов.

— Ты им доверяешь? — спросила Лиззи, взглянув через стекло на троих парней.

— Полностью. В противном случае ни за что не оставил бы тебя здесь. Они помогали мне присматривать за тобой последних три года. Поверь, эти ребята — настоящие профессионалы.

— Что, если ты не вернешься? — озвучила Лиззи самый ужасный страх, вздернула подбородок и выпрямилась.

Невозможно потерять Ксавье, только что найти, а потом потерять снова. Это несправедливо, даже думать о таком невыносимо больно. После его гибели вряд ли ей вообще захочется жить дальше.

Впрочем, без него шансы на выживание ничтожны.

— Сейчас мы чем-нибудь перекусим, заодно познакомишься с парнями поближе, к моменту моего отъезда уже освоишься и...

— Стоп. Прекрати менять тему, ладно? Ты сказал, что не нуждаешься в прикрытии, но ведь ты имел в виду только меня, верно? Хотя бы одного из них возьмишь с собой, да?

Разумеется, Ксавье не собирается в одиночку сражаться с людьми, которые пытались убить ее, вернее, их обоих.

— Нет. Справлюсь сам.

Лиззи, рассвирепев, всплеснула руками и заметалась по тесному кабинету.

— Какой смысл иметь на подхвате отличную команду и не привлекать их к делу в случае необходимости? Зачем подвергать себя ненужному риску?

— Они многое знают, но не всё, да это им и ни к чему, — кивнул Ксавье в сторону рабочей зоны. — Если что-то пойдет не так, им следует максимально быстро смыться куда подальше, когда дерьмо полетит во все стороны. Только меня касается, где именно и в кого я буду целиться сегодня вечером, — мрачно усмехнулся Ксавье. — Теперь понятно, почему нам придется разделить? Вынужденная необходимость. Я пойду один.

Учитывая уровень секретности, немногочисленность людей, знающих правду о смерти президента и до сих пор обеспечивающих дымовую завесу, сказанное имело смысл. И всё же...

— Поклянись, что вернешься.

— Непременно, — заверил Ксавье, обхватил ее подбородок и наклонился ближе. — Вернись, и мы начнем совершенно новую жизнь.

— С тобой мне было бы гораздо спокойнее.

— Ясно, — снисходительно кивнул он, не выказывая сомнений в победе.

— Но мне придется сидеть здесь, сходя с ума от страха, с кучей незнакомых мужиков, которым я, уж прости, нисколько не доверяю и...

— Не волнуйся, я это предвидел, — усмехнулся Ксавье, наклонился и быстро поцеловал, потом провел губами по губам. — Она вот-вот появится.

— Она? — Лиззи отступила и одарила его подозрительным взглядом. — Что еще за «она»?

Затем раздался неожиданный звук: гав-гав. Очень знакомый лай. Нет, это невозможно...

Лиззи повернулась и уставилась на женщину, шагавшую по заляпанному бетонному полу с собачонкой в руках. Вот дамочка остановилась поболтать с парнями.

— Мэгги?! — изумленно возрилась на Ксавье Лиззи.

* * *

Ксавье ушел чуть больше получаса назад, а Лиззи уже всю трясло. Она не просто волновалась, а боялась как ни разу в жизни. Когда в нее стреляли, тоже было очень страшно, но тогда хотя бы можно было сбежать и спрятаться. А сейчас оставалось только сидеть и ждать, зная, что Ксавье могут убить в любой момент и она никогда больше его не увидит, не обнимет, не поговорит... Лиззи вспомнила о себе прежней еще кое-что: она ненавидела ждать.

Мэгги, поглаживая шерстку задремавшего Рузвельта, сочувственно улыбнулась.

— Прекрасно тебя понимаю, — прошептала она. — Ждать куда труднее, чем действовать.

— Именно этим ты занималась последние три года, правда? Наблюдала и ждала неприятностей? — слишком резко спросила Лиззи, но она все еще злилась, что Мэгги за ней шпионила, пусть и работала на Ксавье, пусть и с благими намерениями.

Хотя следовало злиться не на соседку, а на саму себя, на собственную слепоту, на неумение разглядеть в навязчивом любопытстве Мэгги нечто неправильное. Нет, хуже: смутные подозрения бродили в голове, а она от них отмахнулась. Подобная неосторожность способна подставить под смертельный риск.

— Угу, — безмятежно подтвердила Мэгги, — но я не то имела в виду. В нашей работе ждать любимого человека с задания — самая невыносимая пытка, — улыбнулась она. — Когда ты в гуще событий, время летит стрелой. Да, это опасно. Да, мы все немного адреналиновые наркоманы. Любой из нас предпочтет оказаться под огнем, чем... ждать. Но иногда это необходимо, а мы прежде всего делаем то, что требуется.

Мэгги права, мысленно признала Лиззи. Похоже, слишком хорошо понимает, о чем говорит. Мэггивот так же кого-то ждала? Она действительно вдова, или это просто часть ее

имиджа? Неужели ее любимый на самом деле погиб? Лиззи не хотела знать, только не сегодня.

— С тобой Ксавье совсем другой, — любезно сменила тему Мэгги, должно быть, уловив страх в новой нестигаемой Лиззи. — Более... человечный, — усмехнулась она и погладила шерстку Рузвельта. — И все же Ксавье по-прежнему самый опасный воин из всех моих знакомых, что внушает большую надежду на благополучный исход, — утешительно сжала пальцы собеседницы Мэгги.

— С ним я тоже другая, — помолчав, призналась Лиззи.

— Да уж, — грустно улыбнулась Мэгги, явно вспомнив нечто печальное.

* * *

Фелис подняла глаза от экрана компьютера, когда зазвонил телефон. Бросила опасливый взгляд на ближайшее окно, хотя знала, что кабинет — самое безопасное место из всех возможных. Предположение, что Ксавье где-то рядом, выводило из себя.

— Фелис, нужно встретиться.

Эл. Макгоуэн помолчала, пытаюсь сообразить, какое время лучше назначить — не слишком поздно, чтобы не насторожить и не дать возможность Форджу выставить своих парней, но и не слишком рано, чтобы не нарваться на свидетелей. Замечательно, что он сам предложил встретиться, стало быть, ни о чем не подозревает.

— Хорошо, — спокойно сказала она. — Где? Только не в танке, я и без того навевалась к тебе слишком часто за последние несколько дней.

— Помнишь заброшенный склад в Мэриленде, где мы какое-то время тренировались? Приедешь?

— Конечно. — Старый склад — просто идеальное место для приведения плана в действие. — Когда?

Пусть сам ставит условия, пусть почувствует себя в безопасности. Фордж вечно ее недооценивал, во всяком случае, точно не ожидает, что она собственными руками возьмется за грязную работу. Вообще-то Фелис не приходилось пачкать руки в этом смысле, но не потому, что она не умеет стрелять или у нее не хватит духа совершить решительный поступок. Она регулярно практиковалась в тире. И в глубине души всегда знала, что способна убить.

— Успеешь через час?

— Да. Разве что чуть опоздаю.

«На самом деле доберусь даже раньше, пусть думает, что у него появится крошечный шанс застать меня врасплох. Каждое преимущество на счету».

Может, Фордж решил взять на себя более активную роль в устранении Ксавье? В таком случае сэкономит ей время и избавит от хлопот. Однако финал игры уже ничего не изменит.

С другой стороны, более вероятно, что Ксавье нанес ответный удар. Тревожно, что хитромудрый подозрительный Эл настолько напуган намерениями своего подручного, что счел необходимым встретиться тайно. Опять же, кто знает Ксавье лучше Форджа?

Макгоуэн выехала из офиса уже в сумерках, а когда добралась до места встречи, почти

полностью стемнело, хотя летние дни были длинными.

Фелис — как и остальные члены команды — давно не была на старом складе, с тех пор, как они перестали здесь тренироваться четыре года назад. Было решено, что лучше никогда больше сюда не возвращаться. Ни один из них не нуждался в дальнейшем обучении, за исключением Ксавье. Никто не знал, где он практикуется и отрабатывает навыки сейчас.

Однако склад по-прежнему кем-то использовался. Это строение никогда не продадут, разве что перепрофилируют. «Ничего, в общем-то, не изменилось», — размышляла Фелис, подъезжая на малой скорости. Проволочный забор с колючей проволокой окружал участок, но ворота были открыты. Благодаря достаточному количеству уличных фонарей стоянка хорошо освещена.

Может, слишком хорошо освещена, но придется иметь дело с тем, что есть. Здание было длинным и широким, из проржавевшей стали, с окнами, настолько залепленными грязью, что за ними невозможно ничего рассмотреть. Автомобиль Эла уже был припаркован возле двери. Макгоуэн остановилась рядом и вышла из машины.

Теперь, оказавшись на месте, Фелис неожиданно почувствовала страх, током ударивший по нервам. Как давно приехал Фордж? Минуту назад? Часы? Положила руку на капот его автомобиля и ощутила тепло, слышала щелчки и потрескивания охлаждающегося двигателя. Хорошо, стало быть, прибыл только что. А вот если бы двигатель уже остыл, следовало заподозрить, что Эл успел подготовить ловушку. Оказывается, не обманул.

Фелис опустила ключи от машины в правый карман отглаженных серых брюк и засунула пистолет сзади за пояс. Не самое удачное место для ношения оружия, но если войти со стволом в руке — Эл тут же насторожится. Тем более что Фелис никогда не требовалось оружие, хотя Форджу можно сказать, что в данных обстоятельствах она никуда не ходит без пистолета.

Тяжелая металлическая дверь была приоткрыта и изнутри пробивался свет. Уличные фонари тоже рассеивали тьму, хотя сквозь слои грязи на окнах ничего не разглядеть. Фелис толкнула дверь и остановилась, заметив, что светильники горят в комнате справа, в дальнем конце помещения, именно там Эл и назначил встречу.

Страх снова холодком пробежался по позвоночнику. Фелис передумала и вытащила оружие — так спокойнее. Самое разумное — держать руку со стволом за спиной. В любом случае, необходимо выслушать Эла. Вдруг у него имеется ценная информация? Вдруг ему известно местонахождение Ксавье и Лиззи? Может, он придумал хороший план, как до них добраться? Впрочем, несмотря ни на что, из этой конуры Фордж живым не выйдет.

Макгоуэн двигалась по коридору мимо закрытых и открытых дверей, заглядывая в полумрак кабинетов, комнат отдыха и бог знает чего еще. Вокруг царила полная тишина, нарушаемая только ее легкими неслышными шагами. Приблизившись к помещению, где горел свет, Фелис позвала максимально спокойным голосом:

— Эл?

— Заходи, — откликнулся тот таким же спокойным тоном, даже слегка отчужденным, совсем не напряженным, как по телефону.

Фелис завела руку с пистолетом за спину и шагнула вперед.

В маленькой квадратной клетушке с проржавевшей дверью стоял старый письменный стол и два пластиковых стула. Макгоуэн сразу увидела камеру, установленную на металлической подставке, огонек подтвердил, что ведется запись. Фелис разозлилась на подобную предусмотрительность, но ствол держала позади.

Эл проследил за ее взглядом на камеру с невозмутимым лицом, не выражающим никаких эмоций.

— Только видео, без звука, — пояснил он. — Трансляция идет на офф-сайт. Мне показалось, что в таких условиях ты проявишься более наглядно.

— Наглядно? Что за...

Быстро и плавно взметнулась вверх рука в перчатке, и в этой руке находился пистолет. Фелис испуганно посмотрела на Форджа, дернула ладонью с оружием, но Эл оказался проворнее. Выстрелил раз, второй.

Макгоуэн умерла еще до падения на пол.

Эл отшвырнул ногой пистолет Фелис, хотя было очевидно, что она мертва. Одна пуля в грудь, другая — в голову. Черт, эта смерть всем во благо. Было бы крайне унижительно настолько потерять чутье, чтобы стать настолько легкой добычей. Фордж посмотрел в камеру, потом подошел к столу и выключил запись.

Может, кого-нибудь и удивило бы, что Макгоуэн явилась на встречу вооруженной, только не Эла. Зафиксированный на пленке факт, что он открыл огонь, не дав ей ни малейшего шанса даже поднять свой пистолет, неопровержимо доказывает, что ни о какой самообороне и речи нет. Можно настаивать, что он не планировал хладнокровное убийство, но видеозапись более чем компрометирующая. В конце концов он выстрелил без какой-либо провокации со стороны жертвы. Да еще и перчатки — явное свидетельство преднамеренности.

Нет никакого способа выяснить, получил ли Ксавье сообщение и когда отправится за Фелис и ее специалистом — сегодня вечером, завтра или через полгода. Зная Ксавье, Фордж скорее поставил бы на «раньше», чем на «позже», но в ситуации слишком много переменных, чтобы сделать по-настоящему обоснованный вывод. Неважно на самом деле. Фелис следовало убрать со сцены, а заодно покончить с кутерьмой, последовавшей за той неудачной акцией.

Ксавье наверняка ожидает, что Макгоуэн устроит ему засаду возле своего дома, но когда накал эмоций столь высок, может и оплошать. Предупредить — самое малое, что обязан сделать Фордж для члена своей команды.

Эл похлопал по карманам Фелис и нашел только ключи от машины. Взял связку и бросил в свой карман. Наверное, сумочку она оставила в автомобиле, хотя искомое, скорее всего, лежит в бардачке или на «торпеде». В любом случае при ней ничего нет. Фордж снял камеру и протер все поверхности, удалив доказательства их с Фелис пребывания здесь. Парни вскорости пройдутся по помещению еще разок, Эл полностью доверял своим специалистам, они работали тщательно. Но в то же время не всегда можно полагаться на других, иногда лучше сделать все самому.

«Вот и Фелис так решила», — подумал он, перешагнув через тело.

Эл не получил никакого удовольствия от убийства, это была просто неприятная обязанность типа подачи налоговой декларации или выноса мусора. Назревшая необходимость. Руководствуясь своим нетерпением и нежеланием договариваться, Макгоуэн устроила грандиозный беспорядок, поэтому пришлось максимально уменьшить ущерб.

На огромной открытой стоянке — открытой и хорошо освещенной, так что негде спрятаться — Фордж уложил камеру в багажник рядом с ноутбуком, на котором мигал зеленый огонек, означающий, что компьютер через Wi-Fi поддерживает связь с камерой. Потом перегнал видео с убийством Фелис на флешку, положил устройство в карман, а затем

всё удалил с компьютера.

Ноутбук еще до полуночи будет разбит на кусочки. Нельзя рисковать, что запись тем или иным способом когда-нибудь попадет в чужие руки. Копия должна остаться только одна, как гарантия сохранения жизни.

Затем захлопнул багажник и подошел к машине Макгоуэн. Та проявила достаточную осторожность и заблокировала автомобиль, хотя, судя по пистолету в руке, не планировала остаться здесь надолго. Эл открыл водительскую дверцу, нажав на брелок, и нырнул внутрь. На «торпеде» телефона не оказалось, но сумочка Фелис лежала на пассажирском сиденье. Фордж подцепил ремешок рукой в перчатке и вытащил сумку из машины.

Навороченный сотовый покоился в специальном кармашке. Это ее личный телефон, но должен быть еще другой. Эл осторожно отодвинул в сторону кошелек, увидел помаду и тушь для ресниц, а в самом низу ламинированный чехол в кармашке на молнии с одноразовым аппаратом, который он и разыскивал. Фордж достал мобильник, нажал «Контакты».

В списке только один абонент.

Нажал на кнопку, когда мужчина ответил, Эл напрямую заявил:

— Она мертва. Сколько бы тебе ни заплатили, больше ничего не получишь, так что отзывать своих псов.

— Понял, — в голосе наемника не прозвучало никаких эмоций. Это всего лишь бизнес в конце концов. Жаль, наверное, терять хорошего клиента, но других причин скорбеть о смерти заказчицы нет. — Как поступить с ее дочерью?

Неожиданный вопрос. Эшли в заложниках? Нет, конечно, нет. Макгоуэн наверняка спрятала дочь в ту же секунду, когда поняла, что Ксавье вышел на тропу войны.

— Она под вашей защитой?

— Против ее желания, да.

— Отпусти ее, — распорядился Фордж.

— Что сказать девушке о ее матери? — снова тот же невозмутимый отстраненный голос.

Наверняка наемник так же хладнокровно выслушал задание изолировать Эшли.

— Ничего. Просто отпусти.

Скоро Эшли узнает — как и все остальные, — что Фелис стала жертвой разбойного нападения автоугонщиков. Было бы проще уничтожить тело, стереть Макгоуэн с лица земли доставило бы даже большее удовлетворение, но исчезновение человека, занимающего такой пост, вызовет ненужный ажиотаж. Следствие тщательно изучит все обстоятельства, так что команде, перед которой поставлена задача переместить труп, придется выполнить филигранную работу. Впрочем, Эл не сомневался в способностях своих парней, так что Эшли со временем получит убедительные ответы на вопросы и успокоится.

Фордж вернул сумочку — без одноразового телефона — на прежнее место и бросил ключи на сиденье водителя. Чистильщики придут в ближайшие полчаса, чтобы прибраться.

Встречаться им ни к чему.

Последний, с кем разговаривала Макгоуэн — некий Эван Кларк, надо с ним связаться. Отозвать специалиста — это одно, а если человек выполнил задание и не получит оплату — совсем другое и, безусловно, плохой вариант.

Кларк не ответил. В зависимости от ситуации он мог отключить телефон или, черт, просто-напросто пошел отлить. Сообщения вполне достаточно, незачем пользоваться

голосовой почтой. Эл послал СМС с мобильного, который вскоре окажется в чужом мусорном контейнере.

«Заказ Фелис аннулирован. Она мертва».

Знать, что кто-то сидит в засаде, и обнаружить этого кого-то — две большие разницы. Сканирование местности заняло почти час, Ксавье передвигался с предельной осторожностью и аккуратностью. Он прекрасно представлял, где бы обустроился на месте охотника, однако здесь имелось несколько хороших вариантов.

Фелис получала весьма солидную зарплату. Как и большинство людей с деньгами, она захотела побольше свободного пространства вокруг, а значит, поселилась в районе, где участки измерялись в акрах, а дома отстояли на значительном расстоянии друг от друга. Не самая роскошная часть города — в противном случае Макгоуэн вряд ли осилила бы покупку столь приличного куска земли, — но все же весьма неплохая. К сожалению, обширный двор вмещает много деревьев, много кустов и много мест для укрытия.

Даже идиот не станет надеяться, что предполагаемый убийца подойдет к входной двери и вежливо постучит. Так что наблюдатель выжидает незаконного проникновения.

Ксавье пока не удалось засечь парня. Ублюдок хорош. Умело устроил скрадок и не шевелится. Либо так, либо заснул.

Ксавье занял позицию подальше от дома, достаточно далеко, чтобы наемник наверняка оказался между ним и зданием. В комнате на нижнем этаже горели лампы. Смотрит телевизор? Работает с документами? Интересно, неужели Макгоуэн настолько уверена в своем специалисте, что спокойно отправилась в кровать?

Ответ: Фелис никогда не сомневается в своих решениях, так что легко заснет в полной убежденности, что всё идет как надо.

В очках ночного видения свет из дома превращался в яркие ослепительные лучи. Ксавье так медленно повернул голову, что на это ушло минут пять, потому что нет сомнений — киллер тоже соответствующе оснащен, стало быть, в состоянии заметить малейшие телодвижения.

Терпение — ключ к успеху. Стрелок сидит в засаде давно, вероятно, уже хочет пить или наоборот. При условии, что наемник действительно караулит и Эл предупредительным звонком не сыграл в хитромудрую игру, чтобы заманить бывшего ученика в собственную ловушку. Ксавье всегда старался предвидеть любую ситуацию, зная, что каждый шаг может стать последним. Осведомленность и предусмотрительность сохраняли ему жизнь... до сих пор.

Парень менее чем в десяти ярдах впереди был уже практически мертв, потому что выдал себя недостаточно осторожным поворотом головы, когда осматривал окрестности. Оказывается, он обосновался по крайней мере на треть дальше от дома, чем Ксавье ожидал. Вот дерьмо, можно только восхититься тактикой этого мужика. Уж точно не дилетант.

Что ж, мертвый профессионал. Просто пока еще не перестал дышать.

Ксавье нацелил в затылок мишени точечный лазерный луч из винтовки с глушителем и выстрелил.

Ну вот, теперь и не дышит.

Ксавье одним махом пролетел десять ярдов, ногой отшвырнул оружие наемника, затем опустился на колени и проверил пульс. Однозначно мертв. Среднего роста, среднего телосложения, среднего... всего, такого никогда не заметишь в толпе.

Обхлопал карманы в поисках документов. Пусто. Ничего другого Ксавье и не ожидал, но

все же лучше убедиться. Нашел сотовый, выключенный. Включать не стал. Некоторые мобильники при активации производили невероятный шум, играли мелодии, плакали или звенели. Вытер и сунул обратно в карман киллера.

И даже тогда Ксавье не сразу направился к дому. Бесшумный выстрел все же не совсем бесшумный. Хотя ни Фелис внутри жилища, ни гражданские с соседних участков ничего не слышали, но нет никакой гарантии, что специалист был один. Ксавье выждал еще час, наблюдая, затем тихонько метнулся к зданию.

Система безопасности оказалась из стандартных, так что обойти ее не составило труда. А вот навороченные замки — куда более сложное препятствие, однако, как и в большинстве домов, имелась застекленная задняя дверь. Ксавье каждый раз изумлялся людской глупости. Почему бы просто не пригласить ночного грабителя? Алмазным резцом вырезал круглое отверстие в стекле — достаточно большое, чтобы просунуть руку, — потом открыл засов и незамысловатый замок на дверной ручке.

Беззвучно вошел внутрь.

Менее чем за десять минут обследовал помещения. Пусто. Фелис здесь нет.

Оставила своего сторожевого пса караулить пустой дом, понимая, что в конечном итоге Ксавье за ней придет.

Черт, и где шляется эта гребаная сука?

Не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться — что-то происходит. Эл предупредил о стрелке и не устроил собственную засаду, хотя наверняка предвидел, что Ксавье явится сюда скорее раньше, чем позже.

Если Макгоуэн спряталась в какой-то норе, Эл знает где ее убежище? Или они поссорились и пошли разными путями? В таком случае Форджу следует беречь спину... впрочем, как и Фелис.

Ксавье отъехал достаточно далеко, когда принял решение. Он не воспользовался «харлеем» — слишком шумная машина, — но не беспокоился о прослушке автомобиля, который взял из гаража, где оставил Лиззи. Вынув телефон, набрал знакомый номер.

— Наша подруга действительно обзавелась компаньоном, — сообщил Ксавье, когда Эл ответил. — Но ее самой в доме нет.

— А компаньон?

— Спит за домом.

— Я о нем позабочусь.

— Знаешь, куда отправилась наша подруга?

— Нам нужно встретиться.

— Где? — ничуть не удивился Ксавье.

Возможно, он совершает громадную ошибку, но необходимо точно выяснить, что происходит, а кто, если не Фордж, наверняка в курсе дела?

* * *

На следующий день Ксавье и Лиззи прибыли к назначенному месту встречи на два часа раньше оговоренного и несколько раз обошли его со всех сторон. Никаких четких воспоминаний больше не всплыло, но Лиззи двигалась как прежде — спокойно и настороженно, не подозревая, что последние три года ее походка была совсем иной —

беспечной и расхлябанной.

Не имеет значения, восстановится память полностью или нет, она снова становилась самой собой, энергичной и озорной. «Я люблю тебя, Лиззи. И больше никогда и никому не позволю нас снова разлучить».

Несомненным доказательством любви стало разрешение самостоятельно покататься на «харлее». Едва оседлав мотоцикл, Лиззи осознала, что справится, что мышечная память не подвела. Видеть, как она рулит — сначала робко, потом быстро набирая уверенность, — стало настоящим ударом для Ксавье.

— Эй! У меня получается! — расцвела Лиззи в сияющей улыбке.

— Да уж. Только будь осторожна и не давай машине тебя сбросить.

— Ладно, — кивнула Лиззи и после долгого поцелуя натянула шлем.

Лиззи стала его прикрытием. Происходит что-то странное, и никак не получалось выяснить, что именно. Дома Фелис не появлялась, на работу не вышла, и ее машина пропала. Эл тоже исчез. Где бы он ни находился, ничем себя не проявлял. Не похоже, что некие киллеры охотились на Ксавье с Лиззи, либо наемники — невидимки, потому что его парни ничего не засекли, хотя носом землю рыли.

И вот теперь предстояло свидание с Элом.

Напарники проверили не только место встречи, но и соседние заведения, так что Ксавье был готов занять место внутри. Лиззи прикрывала спину.

Ксавье уселся за столик лицом к двери за тридцать минут до назначенного времени.

Сначала Эл предложил увидеться в заброшенном, редко кем посещаемом парке. Ксавье захотел более людное место. Фордж согласился. Ксавье уважал Эла, доверял ему как никому другому, но в финальном раунде игры все же лучше подстраховаться.

Пока он караулил появление Эла — придет, не придет? — гораздо больше беспокоился о Фелис. Где она, черт возьми? Ни один из его парней пока не сумел установить ее местонахождение, что не есть хорошо. Макгоуэн вполне способна облапошить всех, включая даже Форджа. Может, встреча что-то разъяснит.

Никто не удивится, что посетитель сидит в кабинке так долго, раз перед ним помимо ноутбука стоят две огромные чашки кофе — одна для себя, вторая наверняка для того, кого он ждет. Ксавье был не единственным мужчиной в кафе, который проводил время, потягивая горький дорогой кофе и пользуясь бесплатным интернетом.

Эл прибыл как раз вовремя, ни минутой раньше, ни минутой позже. Выглядел спокойным и сдержанным, одет вполне буднично. Ксавье не рискнул бы твердо утверждать, что Фордж не вооружен, хотя плечевой кобуры не видно, да и отсутствует просторный пиджак, способный скрыть пистолет за поясом на спине. В подобном людном месте даже если кто-то очень глазастый и заметит ствол, скорее всего решит, что Эл полицейский.

Кобура на лодыжке, возможно... нет, почти наверняка, потому что Фордж, как и Ксавье, никогда не выходил из дома безоружным. Однако до щиколотки быстро не дотянуться... сегодня Эл точно не успеет, ни при каком раскладе.

Подобные мысли в отношении Форджа — явный показатель серьезности ситуации.

— Она здесь? — спросил Эл, усевшись напротив.

— Рядом, — кивнул Ксавье и отхлебнул кофе.

— Я должен волноваться?

— Должен, — невозмутимо подтвердил Ксавье.

— Сделай одолжение, поверни ноутбук, чтобы никто другой не увидел экран, —

спокойно попросил Фордж, вытащил флешку из кармана и передвинул через стол.

Сегодня Эл выглядел усталым, старше своего возраста и явно слегка взбешенным сложившейся ситуацией.

Не он один.

Ксавье вставил флешку в разъем сбоку и нажал на немедленно выскочившую иконку. Закрутилось безмолвное видео. Фокус камеры настроен предельно близко, игроки зафиксированы четко и чисто. Удивление в глазах Фелис, когда Фордж поднял пистолет, затем, мгновением спустя, решимость на лице Эла, когда тот повернулся и выключил камеру.

— Господи, Эл.

Ксавье быстро сохранил файл, вытащил флешку и закрыл ноутбук. Толкнул чертову штуку через стол, но Фордж покачал головой и подвинул обратно.

— Это тебе. Единственный экземпляр, кстати, так что, мать твою, держи это где-нибудь в надежном месте.

— Исчезновение такой шишки как Фелис вряд ли пройдет незамеченным.

— Во второй половине дня ее тело будет обнаружено в отдаленном районе штата Вирджиния. Явная жертва разбойного нападения автоугонщиков.

К вопросу о сюрпризах. Ксавье пристально изучал лицо человека, который научил его всему.

— Почему?

Впрочем, ответ известен.

— Раньше я вас обоих держал за горло, теперь мы в одинаковом положении.

— Взаимное гарантированное уничтожение, — кивнул Ксавье, откинувшись на спинку стула.

— Да. — Фордж ткнул в чашку кофе. — Не отравленный?

— Надеюсь.

— Надеешься?

— Наверняка остыл и вкус дерьмовый, но я ничего туда не добавил, если спрашиваешь именно об этом.

Эл сделал большой глоток, затем поставил чашку на стол.

— Ты прав. Холодный и на вкус как дерьмо. — Глотнул еще. — Но мне необходим кофеин и, честно говоря, выпил бы и чего похуже.

Оба замолчали, когда молодой официант подошел слишком близко и принялся убирать столик прямо за спиной Эла. Когда парень вернулся к стойке, Фордж спросил, понизив голос:

— Она слушает?

— Да.

— Я дойду до своей машины живым?

— Да.

— Хорошая новость. Сомневаюсь, что на ее месте гарантировал бы то же самое. Мы выполнили свою работу, каждый из нас... — покачал головой Эл и сделал еще один большой глоток стильного дрянного кофе. — Но я здесь по другому поводу. По моему мнению, видеозапись, которой я с тобой поделился, ставит нас в равные условия. Надеюсь, ты разделяешь мою точку зрения.

— Ты меня удивил, — тихо заметил Ксавье.

Не убийством Фелис, а тем, что вручил неопровержимые доказательства преступления в чужие руки. Фордж вполне способен устроить бесследное исчезновение Макгоуэн. В таком случае Эл был бы в безопасности, зато Ксавье с Лиззи всю жизнь пришлось бы оглядываться через плечо.

Возможно. Ни один из них никогда уже не будет в полной безопасности.

— Не возражаешь выслушать несколько советов от старика? — спросил Эл, резковато, но гораздо спокойнее, чем в начале встречи.

— Не обещаю, что приму, но выслушать не возражаю. Валяй.

— Найди новую работу.

— Работу? — удивился Ксавье, вот уж чего он никак не ожидал услышать.

— Используй свои профессиональные навыки.

Позже, после ухода Эла, они вместе с Лиззи прокрутят запись. Сейчас она слушает и прикрывает ему спину. Вероятно, хохочет до слез. Нет, посмеется потом. Сейчас она целится в затылок Форджа.

— Исчезни, — тихо посоветовал Эл. — Смени себе имя, смени ей имя, поселитесь на Бора-Бора, в Париже или гребаной Омахе, неважно. Открой пекарню или хозяйственный магазин, или черт знает что еще. Автошколу, на худой конец, — улыбнулся он. — Ну, может, не автошколу. Обоснуйтесь в хорошем месте, слепите парочку-другую детишек. Живите как все нормальные люди.

— Совет от человека, который был женат... сколько раз?

— Все могло бы получиться со второй бывшей женой, если бы я вовремя поселился в Омахе и открыл книжный магазин или пекарню, — пожал плечами Эл, потом пристально взглянул на Ксавье потемневшими глазами. — Убирайся. Это мой последний совет. Просто оставь всё позади. Живи своей жизнью.

Мысленно пожелав себе того же, Эл Фордж встал и пошел прочь, не оглядываясь.

Почти год спустя

Безжалостно палило обжигающее тexasское солнце. Лиззи стояла на стрельбище их с Ксавье фирмы по подготовке специалистов по безопасности и целилась в мишень из большого «глока», в наушниках, которые ненавидела, потому что они усиливали и без того невыносимую жару, и методично нажимала на курок, пока обойма не опустела. Потом перезарядила пистолет и снова принялась стрелять.

И вдруг сердце забилося тяжело и медленно.

Высохший пейзаж словно дымкой заволокло, в голове начали всплывать иные картины.

За прошедший год Лиззи по крохам и кусочкам восстанавливала прошлое, но никогда ключевое событие само по себе. Большинство воспоминаний касалось Ксавье, их головокружительного исступленного романа и мучившей ее неопределенности, потому что он... это же Ксавье — отлично подготовленный и смертельно опасный, за пределами мрачный и сексуальный, иногда пугающий, но неизменно возбуждающий. Лиззи даже под пытками никогда бы не призналась, что в профессиональном отношении ей до него как до Луны... зато в личных они на равных. В конце концов именно его любовь, в которой она когда-то сомневалась, помогла справиться с ужасом и скорбью по поводу своего давнего преступления.

Ксавье был прав — тогда она сломалась. Если бы ей дали хотя бы месяц, чтобы прийти в себя, возможно, последующих проблем удалось бы избежать.

Ксавье этого мнения не разделял, он считал, что при любом раскладе Фелис рано или поздно устранила бы всех соучастников. Наверное, он снова прав. Теперь остается только гадать. Несомненно одно — именно ослабление блокировки мозга Объекта В толкнуло Макгоуэн на край.

В глубине души Лиззи оплакивала Фелис, с которой вместе работала и тренировалась.

И вот теперь — может, из-за знакомого веса пистолета, от привычной отдачи или от запаха пороха — защитный занавес опустился.

Лиззи вдруг вспомнила туфли на высоких каблуках и серо-голубой костюм с темно-синей шелковой блузкой — точная копия одежды Натали Торндайк в тот день.

Вспомнила, как Чарли Дэнкинс подал сигнал проникнуть в президентский люкс.

Она прошла прямо в спальню первой леди с элегантной сумочкой, которую бросила на кровать. При себе держала небольшой наладонник, способный скопировать данные с одной флешки и перекинуть на другую. Только вставила вторую флешку в порт USB, как дверь спальни отворилась.

Какую-то секунду все трое — Лиззи, президент и первая леди — молча таращились друг на друга. Затем Натали подняла руку, и Лиззи увидела пистолет.

Пригнувшись, бросилась к первой леди, схватила за руку с оружием и толкнула вверх. Противница сопротивлялась с удивительной силой. Президент прыгнул на Лиззи, пытаясь скрутить и бросить на пол, но та обхватила ноги первой леди в отчаянной попытке удержать равновесие.

Натали снова нацелила на нее оружие. Лиззи снова вскочила и уцепилась за пистолет, стараясь вырвать. Палец скользнул на спусковой крючок. Первая леди с силой швырнула ее об стол, обе, сражаясь, крепко держали пистолет, и Лиззи случайно спустила курок. Три

выстрела. И все три попали в президента.

Натали застыла как вкопанная, в ужасе глядя на упавшего мужа.

Лиззи моментально набросилась на неприятельницу, схватила ее за волосы и ударила головой об стену. Первая леди пошатнулась и закатила глаза.

— Держи, — рявкнула Лиззи, сунула ей в руку пистолет и развернула лицом к президенту.

Затем схватила неопровержимую улику — маленький наладонник с флешкой и кинулась в гардеробную. Единственное место, где можно спрятаться.

Глупо конечно. Там ее неизбежно найдут, но больше нигде затаиться. Уже выбивают дверь. Комната, соединяющая номера, заперта.

В темной гардеробной Лиззи слушала шумы снаружи. Снова выстрелы. Она стояла как замороженная, живот свело от ужаса, рассудок пытался осмыслить кошмар произошедшего. Они попались. Выхода нет. Их всех казнят. И она убила президента.

Лиззи не помнила, как выбралась из президентских апартаментов, ведь смежная комната была заперта. В голове мелькали Ксавье и другие агенты, как ее вывели оттуда, как кто-то быстро переодел... Боже, это была Фелис. Потом... горе. Боль. Слезы. Непреходящее чувство вины. Не помогали никакие увещания, никакие доказательства измены президента. Казалось, душа превратилась в огромную зияющую рану, которая никогда не затянется...

Только теперь, стоя под палящим техасским солнцем, Лиззи неожиданно поняла, что исцелилась. Стирание памяти подарило три мирных года, за которые она выздоровела. Целью промывки мозгов было совсем другое, но побочный результат получился именно таким.

И теперь Лиззи вспомнила весь кошмарный эпизод целиком.

Позади раздались шаги Ксавье. Она повернулась и с привычным удовольствием наблюдала, как он идет. Идет к ней. Черные ботинки, джинсы, оливково-серая майка. На правой лодыжке пистолет в кобуре.

— Ни одного в яблочко, — заметил он, увидев, что дыры на мишени сгруппировались вокруг центра.

Лиззи легонько вздрогнула, пытаясь скрыть нервозность, но Ксавье не упускал из виду ничего, что касалось любимой. Нахмурился, схватил ее за плечи и повернул лицом к себе. Темные глаза впились в синие, и он сжал ее крепче.

— Вспомнила. — Утверждение, не вопрос.

— Да, — с трудом выдавила Лиззи, в горле встал ком, слезы подступили к глазам, но она не собиралась плакать.

Время для рыданий давно прошло. Она сделала то, что должна была, но тяжелую ношу суждено носить в себе вечно.

И вечно скорбеть о содеянном.

Ксавье обнял ее и притянул к себе, окутав теплом большого тела. Невыносимая жара поднялась на еще один уровень ада, и все же его объятья — первейшая жизненная потребность.

— Все хорошо, — через несколько минут прошептала Лиззи.

Не совсем верно сейчас, но в один прекрасный день так и будет.

— Точно?

— Точно, — кивнула она и обхватила мужа за талию.

Маленькая лохматая собачонка неслась к ним по красной пыли, таякая как сумасшедшая. Лиззи наклонилась, подняла песика на руки и, как Мэгги, подхватила под животик.

— Рузвельт, — приказала она, — немедленно прекрати свой чертов лай. — Хотя знала ответ, снова спросила: — Когда именно возвращается Мэгги?

— Через пару недель, возможно.

Ксавье посмотрел на полигон, который супруги вдвоем спроектировали. Специалисты по безопасности уже съехались со всей страны для повышения квалификации. Достаточно амбициозная затея, к тому же не хотелось совсем отказываться от работы с тайными агентами. Но у него есть Лиззи. Ксавье и придумал эту фирму, дабы избавить жену от вечного страха, что она когда-нибудь не дожидается его с задания.

Рука в руке они вернулись в свои кабинеты, в свою совместно выстраиваемую жизнь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net